

Двадцать пятый кадр

Роман

От автора

Некоторые писатели придумывают для своих героев страну. К примеру, глубокоуважаемый классик Уильям Фолкнер. Или очень любимый мною романтик Александр Грин. Я страну не придумывал, а просто вырезал из географии район, включающий город Одессу и Израиль. Это и есть ареал обитания моих героев.

Почему я выбрал и увязал именно эти точки на карте? Так получилось. Возможно потому, что жил и живу попеременно то в Израиле, то в Одессе. Впрочем, я немало лет прожил и в Москве, но ни один из моих героев не попал туда даже проездом. Значит, дело не только в этом.

У одесситов и израильтян много общего? Не сказал бы. Только у той части, которая и в Израиле осталась одесситами — вы знаете, кого я имею в виду. Остальные не только не похожи, но скорее являются антиподами.

Общим для них является Юг, южный темперамент, темп жизни и яркие краски. Эта почва сама по себе уже содержит живые сюжеты, будоражит воображение. А уж напряжения и сложностей — впрочем, как и во всем мире - с избытком.

И еще одна, на мой взгляд, очень важная особенность. Одесса не самый большой и признаем, все-таки провинциальный город. Израиль тоже маленькая и достаточно провинциальная страна. Но, несмотря на это, о них знают повсюду. Поэтому есть надежда, что мои герои не окажутся непонятными чужаками — прекрасное начало для знакомства и сопереживания. Звучит банально, но мы все действительно в одной лодке.

Вместо вступления

Я очень надеялся, что в каюте на двух человек окажусь один. Денег и на эту хватило с трудом, а об одноместной и речи быть не могло. Возможности израильского репатрианта на социальном пособии по старости невелики. Но мне очень хотелось провести с удобствами почти четверо суток на комфортабельном судне, совершающем рейс Хайфа–Одесса, и вопреки логике, я до последней минуты надеялся, что второй пассажир не появится. Вся эта поездка в город моей юности была затеяна для того, чтобы успокоиться и сбросить проклятое напряжение...

Но второй пассажир все-таки появился вместе с небольшой сумкой и, как впоследствии оказалось, со своей занимательной и невероятной историей. Он был гражданином Украины, в Израиль ездил на экскурсию. Как он многозначительно сказал, по памятным местам. Я тогда намека не понял — много всяких мест в Израиле, в том числе и памятных.

Виктор Сергеевич был невысок ростом, около метра семидесяти сантиметров. Плотен. Круглое, загорелое, я бы даже сказал, цветущее лицо почти без морщин, хотя ему было, я думаю, лет шестьдесят.

Июль месяц, жара. Большую часть дня мы волей-неволей проводили в одних шортах, и Виктору Сергеевичу (к сожалению, в отличие от меня) стыдиться было нечего. Весь он был какой-то упругий, округлый и смотрелся вполне достойно. Тело почти без дряблости, разве что над поясницей иногда проглядывали два симметричных жировых валика, такой же признак старения мужского организма, как целлюлит у женщин. Я впоследствии заметил, что эти валики серьезно беспокоили моего соседа. По утрам он с особой тщательностью раскатывал их специальным приспособлением в виде набора роликов с хитро изогнутой ручкой. И вообще, он очень заботился о своей физической форме. Утром на час исчезал в фитнес-зале, возвращался энергичный и явно довольный собой. Затем десять-пятнадцать минут фыркал в душе, появлялся оттуда свежим и благоухающим. Лысина у него безусловно была, и довольно большая, но он ежедневно брил венчик оставшихся в живых волос, и гладкая блестящая загорелая голова несомненно молодила его, придавала современный и молодежавший вид. Советую людям с солидной лысиной взять этот метод на вооружение.

Каждый раз он извинялся, что надолго занял душ, хотя уже на второе утро твердо знал, что я не поднимусь с постели еще как минимум час. Я вставал только тогда, когда по радио приглашали первую смену к завтраку. Естественно, у меня была вторая, и то только потому, что третьей смены на корабле не было.

Виктор Сергеевич был приятным, явно неглупым человеком и постоянно в отличном расположении духа. Что-то преподавал, это я знаю точно. В каком-то институте. Даже фамилию его не знаю, я не спрашивал, а он не говорил.

Что я запомнил и что меня поразило – это его глаза. Они были черные, но какие-то прозрачные. Согласитесь, странное сочетание, и мое впечатление трудно описать и объяснить. Казалось, кто-то изнутри смотрит сквозь эти глаза, и видит что-то такое, чего нам, простым смертным, видеть не положено. Может, причиной такого эффекта были чрезмерно расширенные зрачки... Нет, не то.

Мне иногда, помню, приходили на ум другие глаза, но тоже какие-то странно прозрачные.

Незадолго до этой поездки я с группой журналистов побывал на собрании паствы церкви Иисусовой. Там было несколько человек, которые чудом спаслись от смерти, а некоторые из них уже побывали за чертой. Именно чудо возвращения к жизни – говорили они, рассказывая свои жутковатые истории, – привело их в лоно этой церкви. Вот у них в глазах было нечто похожее. Я тогда еще подумал, что встреча со смертью даром не проходит. Но Виктор Сергеевич был слишком полон жизни, чтобы подавать повод для подобных аналогий. Вот разве что только глаза...

Мой сосед был корректен, вежлив, не надоедал разговорами, так что можно сказать в этом смысле мне еще повезло. Вначале особого контакта у нас не было, и в основном по моей вине. Я подолгу лежал в койке, или неподвижно сидел в кресле на палубе, бессмысленно уставясь в море. На его немногочисленные попытки завязать разговор отвечал односложно, короче говоря, давал понять, что единственное, в чем я нуждаюсь, – тишина и одиночество. И сосед принял мои условия. Первые сутки плавания мы едва обменялись тремя предложениями.

Но на второй вечер Виктор Сергеевич не выдержал и предложил мне пойти на концерт в салон. Я после ужина уже расположился в койке и, естественно, вежливо, отказался. Виктор Сергеевич без особой надежды и нажима сказал, что так и жизнь пройдет. В ответ я проворчал, что-то вроде:

- Уже прошла. Да и была ли она вообще, эта жизнь...

На меня внимательно взглянули прозрачные глаза, и у кого-то за ними, там внутри, появилось понимание. Я почему-то это почувствовал. И в этот момент Виктор Сергеевич удобно устроился в кресле напротив моей кровати и предложил:

- Александр Михайлович. Я догадываюсь, что вы не расположены вступать в беседу, и привык уважать чужие настроения. Но в таком случае наша поездка, согласитесь, будет выглядеть мрачновато. Но может быть, слушать вы захотите, особенно если мой рассказ покажется вам интересным? Тем более, интуиция мне подсказывает, что его сюжет в какой-то мере связан с вашими невеселыми размышлениями. А мне это будет совсем не в тягость: я давно хочу с кем-нибудь поделиться. Да и самому хочется послушать эту историю, даже в своем собственном исполнении. Хотя бы в своем. Я еще никому ничего не рассказывал. И знаете почему? После случившегося не хочу, чтобы возникли сомнения в моей нормальности. Боюсь, что и без моих откровений появились такие слухи. Я даже обследование проходил в психоневрологическом диспансере. Преподаватель должен быть в смысле психики вне подозрений не меньше, чем жена Цезаря. Он может быть тупицей, каких мало, но абсолютная психическая надежность не должна вызывать сомнений. А когда я попытался рассказать об этом близкому человеку, то она посмотрела на меня с такой тревогой и сочувствием, что я закаялся. И превратил все в шутку. Поэтому случайный попутчик – как справедливо и часто пишут в своих рассказах классики – самый лучший вариант для переполняющего меня желания освободиться от своей истории. Как у Марка Твена в рассказе «Режьте билеты». Помните?

Я помнил.

Он говорил грамотно, хорошо построенными фразами. Действительно чувствовался немалый опыт. Нет, Виктор Сергеевич определенно был человеком толковым и образованным.

Первая реакция моя на неожиданное предложение была негативной – я испугался длинной и тоскливой истории, а по долгу службы мне часто приходилось такое выслушивать. Но Виктор Сергеевич был наготове.

- Не бойтесь, я педагог со стажем. Я сразу почувствую, когда вам станет неинтересно, это у нас профессиональное. И в тот же момент торжественно клянусь немедленно прекратить рассказ.

Короче говоря, я завершаю преамбулу. С перерывами на еду и на сон, в каюте, на палубе и даже в шезлонгах возле бассейна Виктор Сергеевич рассказывал мне свою историю. Началась она прямо скажем невесело – оказывается, такое внимание своей физической форме Виктор Сергеевич уделял не из желания продлить молодость. Вопреки своему цветущему виду чуть больше года тому назад он перенес тяжелый инфаркт и даже четыре с половиной минуты находился в состоянии клинической смерти. То есть его глаза не лгали. Он был там, за чертой. Видел классический тоннель. В этом я ему, безусловно, верил. Но все дальнейшие события... Я не знал, как к этому относиться.

Теперь небольшое отступление. Я решил воспроизвести рассказ Виктора Сергеевича на бумаге только спустя два года со времени описываемой поездки, так что о свежести впечатлений говорить не приходится. Многие подробности стерлись из памяти. Поэтому мне придется допускать кое-какие вольности, например, приводить (в общем-то сочинять) диалоги и прямую речь, хотя как журналиста это меня определенно смущает. Моя профессия всегда требовала чужие слова воспроизводить педантично и точно по магнитофонной записи во избежание скандалов и даже судебных разбирательств. Но если не будет диалогов, вы, избалованный современной литературой дорогой читатель, затоскуете на второй странице и захлопнете книгу. По-настоящему весь рассказ Виктора Сергеевича должен бы звучать от первого лица, но я решил первую короткую часть, в которой говорится о его жизни до произошедшего с ним случая, все-таки рассказывать от своего имени. Не исключено, что кто-то узнает себя в описании, и в этом смысле изложение от автора более прилично. Тогда все, что я забуду, перевру или приукрашу, будет на моей совести. В этом мое оправдание перед рассказчиком, который уже ни на что не может повлиять. Просто я постараюсь не уходить далеко от первоисточника, то есть свободная форма при добросовестном, максимально правдивом содержании. Но всему последующему свидетелей нет, и я с чистой совестью передам слово самому герою, стараясь, чтобы мое влияние на сюжет было минимальным. Добавлю – насколько это возможно.

И еще. Поскольку я не участник событий, о себе писать ничего не буду, кроме самого необходимого. А необходимым является только одно - мое настроение и отношение к жизни в тот период. Согласитесь, интерпретация услышанного очень зависит от настроения и состояния слушателя. Вольно или невольно в пересказе будет слышаться мой голос.

И для того, чтобы вы могли сделать соответствующую корректировку, я «как честный человек» – говорят в пошлых анекдотах - должен рассказать правду о том, что этот слушатель – то есть я – представлял собой в тот период. В то лето я был в самом пике кризиса перезрелого возраста.

Когда говорят «переходный возраст», то имеются в виду подростки, со всеми их проблемами, связанными с половым созреванием. Есть еще кризисы зрелого возраста. Книжки, фильмы, ученые статьи – огромный массив информации посвящен этим темам. Но почему-то мало кого беспокоит (разумеется, кроме непосредственных участников) кризис перезрелого возраста, тоже связанный с половым, но, увы, увяданием. Согласитесь, не менее веская причина для кризиса, не говоря уже о прочих неприятностях. А ведь этот кризис по силе воздействия ничем не уступает тем, о которых так много говорят и пишут. Я догадываюсь, почему так происходит – просто люди нашего возраста уже мало интересуют общественность. Их почти списали...

Но это очень нелегкий момент, можете не сомневаться. Еще только вчера тебя называли немолодым человеком, некоторые злопыхатели даже пожилым. Бог с ними, к этому привыкаешь. И вдруг внезапно осознаешь, что не за горами день, когда произойдет превращение в... старика!

«Мои года – мое богатство», «золотой возраст» – это все риторика. Старик, старуха – обнаженная правда. Многие этого не хотят признавать, демонстрируют негибкость в одежде и манерах, что у окружающих чаще всего вызывает чувство неловкости и жалости. Но все равно шила в мешке не утаишь. Даже о бодром и жизнерадостном старичке говорят одобрительно: «Он не выглядит стариком». Что в сущности означает только одно: выглядит – не выглядит, а стариком является.

И когда человек осознает, что до этого статуса рукой подать, наступает кризис во всем мрачном величии этого слова. Надо выбирать другие ориентиры, другие цели. Другие способы наслаждения жизнью. В такой момент ясно представляешь, что тебя ожидает. Пить-есть запретят врачи, увлекаться женщинами – возражает природа. Успехи в работе – это в лучшем случае подчеркнутое уважение окружающих к твоим сединам, ничего более. Путешествия могут быть только в комфортных условиях, а на это мало у кого хватает возможностей, да и с желанием не все обстоит благополучно... А нашествие болезней?

Можно для полноты картины добавить не исчезающее ни на мгновение сознание неизбежной смерти – в любой момент... Человек хоть и не думает, как правило, об этом, но знает. А не зря говорят: «Знание – сила». И какая непреодолимая сила заключена в этом знании! Неслучайно, когда людей – особенно немолодых - спрашивают, что самое удивительное и замечательное в их жизни, они все как один радостно отвечают: «Прежде всего – это сама жизнь». Иначе говоря, они не перестают удивляться тому, что все еще пребывают на этом свете. Дальше следует пауза в поисках дополнения, и чаще всего продолжение не следует. Ответ, если вдуматься, неконкретный и довольно уклончивый. «И лучше выдумать не мог».

Собственно говоря, многое из перечисленного уже стало реальностью сегодняшнего дня. Основной – и едва ли не единственной – целью отныне будет борьба за продолжение жизни, как правило, путем отказа от того, что раньше составляло ее прелесть. А дежурным тостом: главное – это здоровье.

Я постарался нагнать на вас беспросветную тоску, и, судя по всему, мне это удалось. Зато теперь вы представили себе мое состояние в то лето. У меня наступил кризис перезрелого возраста в очень тяжелой форме. Хандра, депрессия – слишком мягкие понятия для определения моих настроений. К этому добавилась лавина дополнительных неприятностей, обрушившихся на мою голову, бывают такие совпадения. Именно от этого кризиса я и пытался сбежать на судне, направлявшемся в Одессу.

О моих настроениях, надеюсь, вполне достаточно. Можно продолжать.

Виктор Сергеевич предложил другие условия игры. Словно подслушав мои мрачные мысли, в своем рассказе он убежденно и подробно доказывал мне, что реально существует возможность, которая мне казалась миражом. Возможность продолжения жизни после смерти, то есть реинкарнации. Или, говоря более понятным языком, некоего варианта перевоплощения. То есть, уже имея опыт прожитой жизни, даже получив кое-какое представление о будущей в новой ипостаси, человек может все начать заново, с чистого листа. А старую жизнь стереть из памяти бесследно. Не было ее – и все. Должен вас предупредить - не нужно торопиться с выводами. Это не такое очевидное благодеяние. Одно дело абстрактно хотеть или не хотеть новой жизни, понимая, что это лишь мечты. А если все всерьез?

Знаете, о чем я думал, слушая рассказ Виктора Сергеевича? Представлял себе, что было бы, если бы мне сейчас реально – главное реально - предложили примерно еще одну такую же жизнь, как моя. Таковую, какую вероятней всего сможет выделить мне судьба-лотерея. В чем-то чуть лучше нынешней, где-то чуть похуже.

Я бы согласился обрекать себя на еще одну жизнь? Как оказалось, жизнь длинную-длинную, хотя мы все время твердим, что она пролетела очень быстро. И к тому же... словом, вы не хуже меня знаете какую, у вас такая же. Не уверен. Вряд ли. И думаю, в этом я не оригинален. Меня и до нашего с Виктором Сергеевичем разговора, признаюсь честно, время от времени посещала очень горькая мысль: если бы меня до рождения - именно до рождения - поставили в известность о реальных составляющих жизни человека, я, возможно, отказался бы от этой не очень осмысленной и плохо продуманной затеи. Кое-что, безусловно, потерял бы, но зато скольких неприятностей и страданий избежал! Несравнимо больше, на порядок! А после рождения выбора уже не остается. Властно вступает в свои права основной закон живой природы - инстинкт самосохранения, и ты сразу начинаешь борьбу за выживание, за место под солнцем, за здоровье, за... за... за... Впрочем, может, этот скепсис тоже следствие кризиса перезрелого возраста?..

А как вам кажется?

Но мы об этом еще поговорим чуть позже.

Мне было интересно узнать, как поступил Виктор Сергеевич. Почему оказался в будущем? Что он там увидел? Как опять очутился здесь?

И безусловный интерес вызвал описанный им, отличающийся от всего, о чем до сих пор я слышал, вариант реинкарнации. Не переселение душ и не возрождение человека в новой ипостаси, а временное – на несколько дней - присоединение сознания уже почти отошедшего в мир иной человека к его будущему воплощению для того, чтобы не исчезал бесследно жизненный опыт. Как бы пробный опыт новой жизни. Своеобразная интеллектуальная связь поколений. Невольно напрашивается сравнение с прививкой, скажем, плодового дерева черенком или глазком, методом, хорошо известным всем садоводам. Вероятно наш главный «садовод» таким же способом пытается совершенствовать природу каждого отдельного человека, а вместе с тем и всего человечества. Идея

хорошая, хотя иной раз сомнения в благотворных результатах селекции возникают. Человечество, особенно в последнее время, дает для этого немало оснований... Но не буду отвлекаться.

Словом, была в рассказе Виктора Сергеевича определенная логика, была интрига.

Кстати сказать, он не слишком настаивал на доверии и заранее предупредил, что обижаться на мое ироническое отношение не будет. Любой, сказал он, на моем месте отнесся бы ко всей этой истории как к развлекательной байке. Но при этом видно было, что говорит он очень искренне и, во всяком случае, верит в то, о чем рассказывает. А когда вспоминал (или сочинял?) особенно печальные события своей одиссеи, то на глазах у него едва ли не появлялись слезы. Нет, так притворяться было невозможно. Другое дело, нормален ли был источник его убежденности...

Признаюсь, возможно под влиянием экзотической обстановки на корабле, особенно теплой ночью на палубе, под звездами Средиземноморья, когда казалось, сказки Шахерезады вещь вполне возможная, я слушал его с интересом. Тем более что рассказчиком Виктор Сергеевич был хорошим и убедительным. Он не пытался обобщать результаты своего краткосрочного визита в будущее, делать далеко идущие выводы. Нет, он просто рассказывал о встречах с людьми и о своих впечатлениях. Но все равно трудно было относиться к этому всерьез. Не напрасно уважаемый Виктор Сергеевич решился рассказать все это случайному попутчику, слушателю, которого больше никогда не увидит. И все-таки, несмотря на естественные сомнения, благодарному слушателю. В то время моим настроениям вполне подошел бы эпитафия: «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад!»

Рассказ окончился тогда, когда на горизонте появился одесский маяк. Как раз вовремя. Рассказчик успел выложить все, что хотел, а слушатель был лишен возможности задавать вопросы. Я подозреваю, что так было задумано. Даже фамилию свою, как я уже говорил, Виктор Сергеевич не назвал, не говоря уже о координатах. Он, мне это было ясно, избегал будущих возможных контактов. Я не настаивал. Мы проявили взаимопонимание в этом вопросе, но на прощание наговорили друг другу много хороших слов. Вывод был единодушным – время в плавании провели отлично, мне было интересно, ему – полезно.

Когда корабль причаливал, мы, как и все пассажиры, вышли на палубу. Внизу на пирсе толпились встречающие. Я смотрел равнодушно – встречать меня было некому. Виктор Сергеевич искал кого-то глазами. Вдруг он встрепенулся и радостно замахал рукой. Женщина, стоявшая чуть поодаль от толпы, помахала в ответ. Виктор Сергеевич, попрощавшись со мной, умчался в каюту. За вещами. Спустя несколько минут, слегка перегнувшись через перила, я увидел его на нижней палубе. Он с сумкой в руках энергично пробирался поближе к выходу.

Больше я его не видел.

Прошло два года. Время от времени я вспоминал об этой поездке и о рассказе Виктора Сергеевича. Воспоминание это было каким-то ностальгическим. Нечто похожее на светлое огорчение далекого детства, когда я, немного повзрослев, понял, что добрые волшебники бывают только в сказках.

Сам я за эти годы уже миновал пик перезрелого возраста, но облегчение не наступило. Просто я стал привыкать и к такому состоянию. Человек ко всему привыкает, особенно если нет другого выхода... Впрочем, как я уже говорил, речь не обо мне.

Но совершенно неожиданно в последнее время стали поступать новости, которые волей-неволей заставили меня более активно и с подозрением вернуться к истории Виктора Сергеевича. Впрочем, новости можно было считать простым совпадением. Я многократно убеждался в том, что в нашей жизни совпадения занимают огромное место. Их намного больше, чем мы можем себе вообразить. Но напрасно довольно часто многие ищут в простых совпадениях какой-то глубокий смысл.

Первый предупредительный звонок прозвучал месяц тому назад – на выборах 4 ноября 2008 года. Я вспомнил, что в каком-то контексте Виктор Сергеевич на пароходе упомянул: «Это было еще при черном президенте Соединенных Штатов». Я тогда не очень обратил на это внимание. Во многих голливудских фильмах мы видели негров президентов США, и особым пророком не нужно было быть, чтобы сообразить – это вполне может произойти в будущем. Может, даже не таком уж по историческим меркам далеко. Но не в настоящем. Напомню, тогда было лето 2006-го, и о существовании Барака Обамы мало кто знал даже в Америке.

Я насторожился, но все-таки отнес появление черного президента США к разряду совпадений. Одно совпадение, даже такое внушительное, а главное, неожиданное еще не могло быть основанием для доверия к фантастической истории Виктора Сергеевича. Но сомнения, пробудившиеся после победы Обамы, толкнули меня на прошлой неделе на смелый и неожиданный шаг. Без этого толчка ничего подобного я бы не затеял.

Итак, ровно неделю тому я по заданию редакции пошел интервьюировать экстрасенса, который уверял, точнее уверяла – это была женщина, - что вернула к жизни пациента через четыре минуты после его клинической смерти. Пациент лежал на операционном столе в больнице, а она по просьбе его подруги вещала, внушала, словом шаманила по телефону из другого города. То, что пациент действительно находился в состоянии клинической смерти, редакция проверила. А чудеса исцеления вызывали большое сомнение. Меня ждало интервью, заведомо обреченное на провал. Но выбирать не приходилось, спасибо и на этом. В газете мои седины уже не слишком ценились. А деньги были нужны.

Свидание мне было назначено в квартире экстрасенса. Хозяйка оказалась не слишком красивой женщиной лет под сорок, одетой довольно прилично, но судя по окружающей нас обстановке во всем остальном она была основательной неряхой. К сожалению, это нередко случается с женщинами очень духовными и высокоинтеллектуальными, когда у них не хватает средств на обслуживающий персонал. Присутствовал и пострадавший - впрочем, точнее будет называть его спасенным - худощавый и малоэмоциональный человек лет пятидесяти, не слишком цветущей внешности. Он мало реагировал на меня и даже на свою спасительницу. Всем заправляла она сама. Но ее рассказ был настолько шит белыми нитками, что я почти сразу перестал в него вникать. Тем более что заинтересовало меня другое – я увидел странные прозрачные глаза спасенного. И конечно же, вспомнил Виктора Сергеевича. Правда, могло быть и более приземленное объяснение прозрачности глаз у тех, кто побывал в состоянии клинической смерти – остановка сердца, возможно, влияла на цвет радужной оболочки, а может, и на роговицу. Но мне чудилось в этой особенности вернувшихся «оттуда» людей нечто более значительное.

Если бы не ни в чем не повинный Барак Обама, я бы не решился на авантюру. А так, как только хозяйка вышла заварить кофе, я смело направился к спасенному пострадавшему и драматическим шепотом сказал:

- Я тоже был там. Все семь дней. Почему вы вернулись?

И тут его меланхолию как корова языком слизала. Глаза загорелись, тело напряжилось. Я даже невольно испуганно подался назад. Он прошипел:

- Если у вас есть желание выглядеть идиотом, дело ваше. Я прослыть идиотом желания не имею. И ни о какой реинкарнации не знаю. Шли бы вы подобру-поздорову отсюда, папаша.

На «папашу» я почти не отреагировал – тоже мне юный отрок нашелся! Но его совету последовал. Когда хозяйка вернулась, я извинился, распрощался и ушел... подобру-поздорову. Тем более что ключевое слово «реинкарнация» я от него услышал, хотя ничего в моем вопросе не могло натолкнуть на мысль об этом явлении. Только сопричастность к нему...

Два таких серьезных совпадения, с моей точки зрения, еще не дают оснований утверждать, что реинкарнация в варианте Виктора Сергеевича существует. Но являются достаточно веской причиной, чтобы его рассказ был записан и издан. К чему я – как вы, наверно, заметили – уже приступил.

Начало

История Виктора Сергеевича началась очень обычно. Хотя и вся его жизнь тоже была обычной. Без особых приключений, без взлетов и падений. Жизнь как жизнь.

Он приехал в Одессу из небольшого украинского села. Поступил в один из местных институтов. Из такого же села приехала учиться его будущая жена. Они были одногодками и поженились на четвертом курсе. Их родители остались в своих родных краях.

Виктор Сергеевич с женой жили неплохо. Она преподавала в школе, он, как вы уже знаете, в институте. Лет через десять после женитьбы приобрели приличную трехкомнатную кооперативную квартиру в местных Черемушках. У них родилась дочь, которая в положенный срок вышла замуж за москвича и переехала в столицу, как потом оказалось, соседнего государства.

В назначенное им свыше время скончались родители Виктора Сергеевича и жены. Поездки на похороны, слезы – все как у всех. Жизнь чередуется со смертью, и пока все в пределах отведенных природой сроков, это обычные житейские драмы. Но к сожалению, не все в нашей жизни логично и последовательно.

Жена Виктора Сергеевича довольно быстро и довольно рано начала полнеть. То ли обмен веществ, то ли - скорей всего - не могла удержаться от желания покушать. Последствия были предсказуемы. Виктор Сергеевич всегда держал себя в форме, в том числе и спортивной, и чего греха таить, стал время от времени забегать налево. Не слишком часто, так что это не превращалось в привычку. Но особых угрызений совести он не испытывал, и я тоже воздерживаюсь от осуждения.

Компании чаще всего образуются «по интересу». Жена Виктора Сергеевича любила застолье, веселые сборища, и неслучайно: ее ближайшее окружение было настроено примерно так же. Вытащить ее на концерт было довольно сложно; в отличие от Владимира Ильича из всех искусств для нее важнейшим являлся телевизор. Виктор Сергеевич значительно больше интересовался театром, музыкой, хорошей литературой, но жене не перечил и безропотно подключился к ее интересам и компании. Таким образом, казалось ему, он искупает вину за не слишком большую семейную верность.

И вот обычное, не особенно оригинальное, но спокойное течение жизни было нарушено. Жена Виктора Сергеевича явно преждевременно – ей было всего 54 года – скончалась от инсульта. Хотя, судя по ее комплекции и ярко-розовым щекам, в этом случае больше подходило старое вышедшее из моды название «апоплексический удар».

Виктор Сергеевич остался один в своей ухоженной трехкомнатной квартире. Он нелегко перенес смерть жены и получил первое серьезное предупреждение. Сердечный приступ врачи определили как микроинфаркт и рекомендовали быть настороже. Впрочем, признаки болезни довольно быстро прошли – тело Виктора Сергеевича было для его возраста достаточно тренированным и в хорошей кондиции.

Связь с друзьями, которые скорее были друзьями его жены, вскоре быстро прервалась естественным способом. Звонки в квартире раздавались все реже, приглашения тоже поступали только от случая к случаю. Неожиданно для себя Виктор Сергеевич оказался в одиночестве.

Наш герой вполне мог бы еще раз жениться. По мнению старушек на скамейке он был еще мужичок хоть куда. Но на его жизненном пути встретилась «соседка» (так ее для конспирации именовал Виктор Сергеевич). Это была довольно приятная особа, которая жила в соседнем подъезде того же дома. Она была примерно его возраста, разведенная. То ли муж от нее ушел, то ли она его выгнала – важен результат. «Соседка» закончила музыкальное училище и работала аккомпаниатором в каком-то клубе – на пенсию прожить было невозможно.

У нее было две дочери. Замужняя старшая жила отдельно, родила «соседке» внука и внучку, а младшая была в разводе и вернулась в квартиру к маме. К чему я об этом рассказываю? К тому, что съезжаться наши сожители не собирались.

У «соседки» хватало своих забот. По совковой привычке она считала своим первейшим долгом служение детям, даже уже ставшим взрослыми. Нужно было обслуживать и кормить младшую, внуки непрерывно по очереди болели, и беззаветная бабушка регулярно сидела с ними. Поэтому переехать к Виктору Сергеевичу она не могла. А может, и не сильно хотела. Да и сам «жених» не очень этого добивался. Его все устраивало. Раз в неделю она «забегала» к нему, а уж в субботу на ночь оставалась обязательно. Кроме того, «соседка» готовила ему, помогала по хозяйству – хотя скорее помогал ей Виктор Сергеевич. Зато он в свою очередь привозил ей продукты на своей старенькой «вольво». Как это по-научному называется – симбиоз?

Несмотря на непрерывные хлопоты, а может быть именно поэтому, «соседка» была в форме – довольно стройная и подтянутая. Правда, лицо всегда выглядело немного усталым и, нужно признать, слегка увядшим, что в принципе свойственно бывшим советским, ныне постсоветским женщинам на их бесконечной трудовой вахте. Зато характер был хороший, не только мирный, но и заботливый. А это, наверно, самое важное для одинокого вдовца. Было у нее еще одно хорошее качество, о котором рассказал Виктор Сергеевич – не удержался.

Ее очень легко было удовлетворить в постели, свойство не так уж часто встречающееся у современных женщин. Он это знал по личному опыту.

Секс она никак не называла, а особенно модным в наше время выражением: «Давай займемся любовью». Может, полагала, что солидной женщине это говорить не к лицу. Или искренне не считала это любовью. Она просто говорила:

- Давай займемся, мне уже пора домой.
Займемся. И все.

Но зато она удовлетворялась каждые две-три минуты, и делала это бурно, со стонами и вздохами, с нарастающим энтузиазмом. И не возражала против различных экзотических поз и способов, которые изобретала не слишком изощренная фантазия разгулявшегося вдовца. Правда, «соседка» не уставала повторять, что ей это все совершенно не нужно, и она с трудом преодолевает свои врожденные понятия о нравственности только ради Виктора Сергеевича. «Мужчины без этого не могут». Но вряд ли стоило слишком уж доверять этим утверждениям. К концу «занятий» она оставалась буквально без сил. А Виктору Сергеевичу все это безусловно льстило, он чувствовал себя половым гигантом. «Нам года не беда!» - не без самодовольства напевал он, когда соседка, усталая, но довольная, уходила домой.

Словом, жаловаться на удобную и стабильную связь им и в голову не приходило. Оба были довольны. И оба считали – не без оснований – что время мечтать о большой любви уже безнадежно упущено. Но как известно, располагает не человек...

Нельзя сказать, что не было соблазнов. Например, на его работе сложился крепко спаянный мужской коллектив, по дороге домой они частенько заглядывали в недорогое кафе по соседству. Но Виктор Сергеевич от приглашений сослуживцев решительно отказывался - он не был любителем подобного времяпрепровождения. Как видите, наш герой был человеком серьезным и нелегкомысленным, и «соседка» в этом тоже ему не уступала.

Виктора Сергеевича на работе ценили, были предложения и из других мест, с более высокой зарплатой. Но он был консервативен, к тому же для одинокого немолодого человека с квартирой и машиной, с не очень большими запросами денег на жизнь хватало. Они с «соседкой» даже ездили отдыхать в Карловы Вары, но его подруга за границей так волновалась из-за внука, который некстати в это время заболел, что поездку вполне можно было счесть неудачной.

Опять-таки из-за консерватизма, наш бывший театрал потерял контакт с современными формами искусства. Бесконечный шоу-бизнес и антрепризы у него восторга не вызывали. Он редко выбирался в свет, тем более что у «соседки» такой потребности, не говоря уже о возможностях, практически не было. Тоже своеобразная экономия. Оставался телевизор и книги.

Последние годы Виктор Сергеевич фактически оказался в стороне от бурных изменений в обществе. Его они почти не касались. Чтение лекций, личная жизнь, включая «соседку», – все как-то устоялось. Многим он просто не интересовался, за многим не успевал. Молодежь не очень понимал и смирился с этим. Стал сознать себя представителем старого и отживающего поколения. Впрочем, это ему не мешало.

Нередко на лекциях, взгляды в лица студентов, он пытался понять, о чем они думают, к чему стремятся, к какой цели идут? А может быть, их просто уносит бурный поток современной жизни? Куда? Что их ожидает? В каком-то смысле ему было легче, чем им, во всяком случае спокойнее. Виктор Сергеевич уже стоял на якоре в тихой гавани, туда штормы и шквалы почти не доходили. Правда, время от времени он все-таки чувствовал какое-то усыпляющее однообразие, но смотрел на вещи реально: в последней четверти отпущенного ему свыше срока – так он определял свой нынешний статус – спокойствие и стабильность намного важнее любых острых ощущений. Он был доволен такой жизнью (а может, смирился и с ней) и не искал приключений.

Но однажды приключения нашли его. И с этого момента на однообразие Виктору Сергеевичу жаловаться не пришлось.

В литературе большое чувство называют счастьем. Как-то принято считать, что рано или поздно оно неотвратимо настигает человека. Не уверен. Я лично знаю многих людей, которые всю жизнь обходятся в лучшем случае очень умеренной любовью, а то и просто привычкой. И вполне довольны. А кроме того, всему свое время. Для Виктора Сергеевича внезапно нахлынувшие страсти оказались страшнейшим испытанием, обрушившимся на старости лет на его голову. «Напасть какая-то», - иначе он свое новое состояние не называл.

Вечером 23 февраля 2005 года Виктор Сергеевич в своем родном коллективе отмечал полузабытый день Советской армии. Теперь он считался праздником мужчин, в том числе и

невоеннообязанных. Инициировал это празднование тот крепко спаянный мужской коллектив, о котором я уже упоминал. Как сказала заведующая кафедрой, немолодая, полная и серьезная женщина: «Им главное повод». В ответ послышались обиженные доводы: «Скоро Восьмое марта, это всенародный праздник. В наш век эмансипации мы на такое уважение даже не претендуем, но скромно отметить присутствие мужчин на этом свете было бы не лишним».

Вышеупомянутая инициативная крепко спаянная группа взяла организацию вечера в свои руки, поэтому выпивки оказалось на удивление много, а закуски на удивление мало. И коллектив, традиционно избегающий чрезмерных возлияний, на этот раз неожиданно для себя «набрался» очень прилично. Все без исключения. Даже те, кому это было запрещено медициной. Даже страдающая гипертонией серьезная заведующая кафедрой. Таково влияние коллектива, который может увлечь за собой любого и в любом направлении.

За столом у каждого было свое привычное место. Виктор Сергеевич, как обычно, сидел рядом со своей «сотрудницей», которая недолго в его рассказе проходила под этим конспиративным именем. Вскоре он раскололся - звали ее Мариной.

Виктор Сергеевич покровительствовал Марине еще с тех пор, когда она была студенткой их института. Затем приложил определенные усилия, чтобы она осталась на кафедре. Впрочем, у нее для этого были все основания – отличная учеба, активная общественная работа. Но и протекция со стороны не последнего человека на кафедре и в институте тоже была не лишней. Причина внимания Виктора Сергеевича была основательной – он приехал в Одессу из того же села, что и родители Марины. Домами они не дружили, не были в одной компании, но вполне могли считаться не только земляками, а и просто хорошими знакомыми. Виктор Сергеевич даже был безнадежно влюблен в восьмом классе в маму Марины, но та училась уже в десятом, считалась признанной первой красавицей школы и на него внимания не обращала.

Может быть, из-за бывлой влюбленности Виктор Сергеевич благоволил к Марине совершенно бескорыстно, без задних мыслей, хотя по мнению некоторых сплетников, намерения его были не совсем безгрешными. Основания у сплетников были – относиться к этой девушке только альтруистически было действительно непросто.

Во время учебы за Мариной с первого курса закрепилось прозвище Мальвина, и не только из-за созвучия с именем очаровательной куклы из «Золотого ключика». Почему так прозвали? Судите сами.

Длинные и пышные белокурые волосы, большие, очень большие синие с длинными черными ресницами глаза. Овал лица скорее круглый, чем продолговатый. Всегда свежие, но не слишком румяные щечки с ямочками. Нос немного, совсем чуть-чуть курносый. Может быть, только губы не кукольные, а какие-то по-детски пухлые. Фигурка точеная, а о ее походке Виктор Сергеевич говорил с особым вдохновением. Она не раскачивала бедра справа-налево и слева-направо, как это делают модели на подиуме или спортсмены на соревнованиях по спортивной ходьбе (сравнение Виктора Сергеевича). Но оказывается, когда красивые женские формы, те, о которых мы сейчас говорим, по очереди перемещаются при ходьбе вверх-вниз, вниз-вверх, то это радует глаз никак не меньше, а выглядит в то же время строго и не вызывающе.

Но где-то на втором курсе Мальвина стала взрослеть и осовремениваться. Появилась короткая стрижка, ажурные цветные платья сменил современный брючный ансамбль в сочетании со свитером или кофточкой чаще всего голубых оттенков – под цвет глаз. Лицо приобрело менее наивное и доверчивое выражение. Безмятежность уступила место деловитости. Но душевная и внешняя красота Мальвины – по мнению явно пристрастного Виктора Сергеевича – оставалась неизменной. Не исчезала и таящаяся в уголках губ и глаз готовность улыбнуться навстречу любой доброжелательности.

За прошедшие после окончания института семнадцать лет Марина стала солидным и уважаемым преподавателем, который в покровительстве уже не нуждался. И все-таки патерналистские отношения у них с Виктором Сергеевичем по старинке сохранялись. Он ей - Марина и ты, она – по имени отчеству и на вы.

Оба использовали любую возможность, чтобы перебраться несколькими словами, и на многое в этом мире смотрели одинаково. Каждый их разговор обязательно заканчивался стандартно: «Маме привет». Только маме - отец Марины давно ушел из семьи. С первыми красавицами такое нередко случается.

После смерти жены Виктор Сергеевич старался как можно реже встречаться со своей первой любовью. Ему иногда казалось, что та не станет возражать, если он предложит ей удочерить Марину. Вроде бы прозвучало парочку прямых намеков. А впрочем, возможно, только показалось, но береженого и бог бережет...

Виктор Сергеевич на правах старого друга был более-менее в курсе домашних проблем Марины. Дети у нее были очень хорошие, воспитанные – мальчик тринадцати и девочка десяти лет. А вот с мужем время от времени возникали проблемы. Он был высоким, красивым и способным, может, даже талантливым. В литературе и вообще в искусстве такие признаки определенно указывают – от этого персонажа жди беды. Это скорее всего персонаж отрицательный. Иногда и в жизни такое тоже происходит. Но в данном случае это было верно только отчасти. Муж Марины оказался не то чтобы плохим человеком, а - как бы это поточнее выразиться - нестабильным. Да, именно нестабильным. Это будет правильное определение. И согласно Фрейду, причины гнездились в его детстве.

Он был сыном генеральши. Его отец тоже имел к этому званию прямое отношение, поскольку был самым что ни на есть настоящим генералом. Но только у себя на службе. Дома он был в лучшем случае рядовым. Мужчины – отец и сын - на равных подвергались муштре в прямом и переносном смысле. И результат: воспитанный в духе казарменного матриархата, сын – а ныне муж - стал не слишком волевым человеком, скорее слабохарактерным. Так довольно часто в жизни бывает. Вы это знаете. Он не мог противиться соблазнам, не мог при необходимости наступить на горло собственной песне... Не раз и не два муж Марины менял работу, чуть только там даже в отдалении предвиделись трудности или неприятности. Пока его выручали несомненные способности, ему относительно легко удавалось находить новое место. Но, как я уже говорил, с такой же легкостью он это место терял. Сколько времени везение могло продолжаться? Кроме того, он не мог противостоять поступающим в большом количестве авансам и предложениям со стороны женщин, что вполне естественно при таких внешних данных. Время от времени он сначала грешил, а потом каялся. Словом, чувствовать себя за ним, как за каменной стеной, Марина не могла.

К этому времени назрел еще более серьезный конфликт. Умер генерал. Свекровь, с которой Марина, понятно, не ладила, осталась одна в большой и красивой квартире в центре Киева. Она потребовала – просить органически не могла, – чтобы любимый сын и любимые внуки жили с ней. И их жена и мать в качестве неизбежного приложения. Марина даже слышать об этом не хотела. Разразилась настоящая война, тайная и явная. Глава семьи ужом вертелся между женой и матерью.

И вот под вечер в среду 23 февраля 2005 года посыпались одно за другим совпадения - а я уже предупреждал, что в реальной жизни они возникают гораздо чаще, чем мы думаем.

Сидя за праздничным столом, сразу же после первого тоста, Марина потихоньку поплакалась в жилетку Виктору Сергеевичу - муж с детьми сегодня утром укатил в Киев. День рождения генеральши совпадал с днем рождения Советской армии (а как могло быть иначе?). И любимая свекровь прямым текстом передала через любящего сына, что если Марина очень занята на работе, то она ее поймет и простит. Марина подтвердила, что занята ужасно, поехать не может, но настроение у нее было препоганое. В результате пара лишних рюмок за беззакусочным столом проскочила незаметно. Эти лишние рюмки разрушили естественную линию обороны, и за ними последовало несколько раз «по чуть-чуть», что, каждый знает, является самым опасным за праздничным столом для нетренированного человека.

Градусы все новых тостов подогревали обстановку. Беседа постепенно превращалась в дружный хор, где каждый вел свою партию одновременно с остальными. Децибелы росли как на дрожжах. Но даже в этом хоре стал слышен голос Марины. Она говорила непривычно громко, размахивала руками, пару раз даже основательно стукнула по столу, требуя внимания. Она буквально покатывалась со смеху в ответ на любую дешевую остроту собутыльников. Это было совершенно на нее не похоже. Стиль Марины был – по уверению Виктора Сергеевича – мягкий, сдержанный. Могли бы вы представить себе Мальвину из сказки Толстого, перекрикивающую всех вокруг и ожесточенно размахивающую руками? Марина определенно была сама не своя.

Такое поведение обеспокоило ее соседа и куратора. Он даже старался незаметно отобрать у нее рюмку. Но после очередного тоста и сам утратил бдительность. Веселье тем временем разгоралось не на шутку, а в бутылках еще оставалось много горячего.

И тогда заведующая кафедрой тихонько попросила Виктора Сергеевича воспользоваться своим авторитетом и, пока не поздно, завершить торжества. Виктор Сергеевич был игриво настроен. Он сложил руки рупором и, подражая объявлениям по радио на пляже, прокричал:

- Господа, вы нарушили границу заплыва. Немедленно вернитесь!

Это вызвало общий хохот, Марина едва не сползла со стула. Виктор Сергеевич был польщен неожиданным успехом немудрящей шутки.

Женщины стали убирать со стола, а крепко спаянный мужской коллектив быстро собрал в сумку недопитое и по-английски - не прощаясь - удалился, скорей всего в направлении ближайшего кафе.

Марина пыталась участвовать в уборке, но у нее это плохо получалось. Заведующая кафедрой тихонько попросила Виктора Сергеевича присмотреть за ней.

- Наверно, что-то случилось, я ее такой никогда не видела.

- Я тоже. Обязательно провожу, не беспокойтесь.

Виктор Сергеевич помог Марине надеть курточку, подхватил ее под руку и вывел на улицу. Их походка, хоть в этом неловко признаться, была не слишком твердой и уверенной. Марина окинула окружающую среду каким-то лукавым и вызывающим взглядом.

- Мне еще никогда в жизни не было так легко и весело!

Виктор Сергеевич, несмотря на гул в голове и легкое покачивание, успел подумать, что если бы Марине сейчас попался под руку кто-то достойный или хотя бы привлекательный, то она с удовольствием наставила бы мужу рога. Не задумываясь.

- И поделом!

- Что вы сказали?

- Нет, ничего, Марина, это я так.

К чести Виктора Сергеевича нужно сказать, что он себя в этот момент на роль кандидата даже мысленно не выдвигал.

Машину он утром оставил возле дома, предвидя результаты празднования. А тем временем стечение обстоятельств продолжалось. Обесточенный трамвай сиротливо и без признаков жизни стоял посреди улицы, так и не доехав до остановки, где толпился народ. Стоял наверно давно – людей скопилось много.

- Виктор Сергеевич, давайте пешком. Нужно развеяться. Я утром слушала прогноз. Погода хорошая, без осадков. Солнечная!

И она подняла руки к небу, как бы подтверждая прекрасные результаты прекрасного прогноза. На улице, правда, уже давно было темно, но Марину сейчас такие несоответствия не смущали.

Им было по пути. Всего минут сорок ходьбы. Дом Виктора Сергеевича по дороге был первым, ее чуть подальше. В одном районе.

Марина взяла Виктора Сергеевича под руку, и они довольно бодро, почти не отклоняясь от прямолинейного равномерного движения, зашагали к намеченной цели. Говорила в основном Марина, видимо шутила, потому что почти каждое предложение завершалось приступами смеха. К концу пути Виктор Сергеевич стал понемногу приходить в себя и почувствовал, что на улице довольно прохладно. И ветрено.

- Марина, а ведь не жарко. Конечно, когда мы выплыли на улицу под парами, было не заметно...

- Под парами, ох, не могу. Как два парохода... Под парами...

Смеха хватило еще на полквартала.

Они были примерно в сотне метров от парадного Виктора Сергеевича. Шли вдоль длинного здания какого-то НИИ, безмолвного, закрытого на ночь. И внезапно хлынул не дождь, а настоящий ливень. Потоп. В феврале. (В Одессе такое редко, но бывает.) Вопреки прогнозу. В виде исключения из правил. В виде стечения обстоятельств. Или совпадения. Считайте как хотите. Когда они заскочили в парадное Виктора Сергеевича, на них сухого места не было. Оба без головных уборов, короткие модные курточки. Насквозь мокрые брюки приняли форму ног. Ручьями стекала вода. Оба дрожали и лязгали зубами. Но трезвость не наступала, для возвращения трезвости, кроме ситуации форс-мажор, требуется еще и время.

- Бегом, ко мне домой. Немедленно согреться и переодеться. По курсу пароходов маячит воспаление легких.

Марина попыталась ответить на шутку смехом, но получилось жалкое всхлипывание.

- Ладно. Пошли. Меня никто не ждет. Дома дети не плачут...

Как бывает в таком состоянии, от бесшабашного веселья до жалости к себе рукой подать. Особенно в мокром и холодном виде...

Они вбежали в квартиру. Марина была иссиня-бледной, тело сотрясала крупная дрожь.

Виктор Сергеевич втолкнул ее в ванную.

- Раздевайся, становись под горячий душ. Сейчас принесу полотенце и что-нибудь переодеться.

Марина не слишком твердо держалась на ногах, не слишком уверенно забралась в массивную мраморную ванну, над которой был душ, и Виктор Сергеевич испугался, что она поскользнется, упадет и ударится. Это могло кончиться плохо. На памяти у него был такой печальный случай с одним нетрезвым родственником. Ее нужно было страховать, и при этом не смотреть, куда не положено. Правда, она стояла под душем в белье, но эти современные трусики оптически полностью растворялись в воде. Он принес огромное полотенце, выключил душ, укутал ее. Не было тапочек, он легко взял ее на руки, перенес в спальню. Уложил в постель. Накрыл теплым одеялом.

- А теперь снимай все и давай мне...

Марина пыталась ответить, но у нее зуб на зуб не попадал. Что было делать? Виктор Сергеевич растерялся. Его тоже трясло - вот уже несколько минут мокрый насквозь он метался по квартире, исполняя свой долг хозяина.

- Извини, я сейчас.

Он заскочил в ванную, вытерся, переоделся – надел свой домашний спортивный костюм с лампасами. Вернулся к Марине – ситуация не изменилась. Оба дрожали в унисон. И Виктор Сергеевич не смог придумать ничего лучше, чем налить ей и себе еще по солидной порции коньяка.

Ему коньяк помог, а Марина все еще не могла отогреться...

Давайте не будем затягивать то, что давно уже всем очевидно. Но инициативу проявила она...

Последняя цепочка мыслей, которая появилась у Виктора Сергеевича перед тем, как он провалился в бездну, была примерно такой. Неужели он способен воспользоваться тем, что Марина сейчас не владеет собой? Ведь это настоящая подлость! Она ему этого никогда не простит. Да и он тоже, как он будет с этим жить дальше? Их почти родственные отношения разрушатся навсегда. Он внезапно осознал – оказалось, Марина уже давно стала в его повседневной жизни самым близким и нужным человеком. Как он будет без ее дружбы, без почти ежедневных немногословных, но теплых разговоров, без привычной заботы о ней? Дочь живет в далекой – по нынешним временам – Москве, а «соседка»... да что там говорить, она и есть соседка.

Возможно, если бы Марина не притянула его к себе, он бы удержался...

Виктор Сергеевич был серьезным и уравновешенным человеком, он наверняка намеревался об этом событии рассказать коротко и корректно. Но в тот момент обстановка способствовала раскрепощению. Был вечер, мы сидели на пустынной палубе в легких удобных креслах, между нами на полу стояла полураспитая бутылка коньяка, в одной руке у каждого бокал, в другой яблоко. Чудесная погода и опять-таки звездное небо Средиземноморья. Вероятно, он временами забывал о моем присутствии и просто предавался воспоминаниям вслух. Конечно, ни о каких деталях и речи быть не могло, любителям клубнички придется разочароваться. Но все-таки чувства у него брали верх над сдержанностью.

Он откинулся в кресле, запрокинул голову к звездам и заговорил так тихо, что я с трудом улавливал сказанное. Может, даже в результате немного нафантазировал. Но мне кажется, это его слова. Именно так он говорил. С небом.

- Я наконец по-настоящему понял, какое огромное различие между ощущением блаженства и, скажем, наслаждением. Наслаждение раньше бывало и у меня, грешного, чаще на стороне, чем в семье. Но блаженство совсем другая категория. Напрасно это слово истрепали все, в том числе и поэты. Если бы не Марина, я бы тоже оказался в числе тех - а их большинство, – которые понятия не имеют, что это означает. Конечно, у нас был и секс, фетиш нынешних времен. Но это оказалось только одной составляющей, не больше и не важнее всех прочих.

Он стал говорить еще тише и еще неразборчивей, ветер до меня доносил только обрывки фраз. Переспрашивать, как вы понимаете, было слишком бестактно.

- Мы крепко обнялись и не отпускали друг друга до утра... Говорят, что между любящими должна быть химия. Я чувствовал не только химию, но и физику, и биологию, и высшую математику... Две души и два тела стали одним. Вот что с нами происходило... Я без слов понимал, что Марина чувствует то же самое. В такие минуты слова не нужны... Мы уснули, когда начало

светать. Обнявшись. И проснулись так же. А еще говорят, что в обнимку спать неудобно. Руки затекают, тело... Что они понимают!.. И я ни разу не вспомнил ни о ее муже, ни о своей вине...

Тут он спохватился и вернулся на землю.

- Простите, увлекся.

И продолжил рассказ уже спокойней и громче.

Разбудила его Марина. Виктор Сергеевич не сразу осознал, что прошедшее не было сном. Он попытался что-то сказать, объяснить, но Марина прижала ладошку к его губам.

- Ни слова, о друг мой, ни вдоха. Впрочем, вздыхать можешь. Но без слов. И лучше дай что-нибудь надеть. Где утюг и гладильная доска. Есть такая? Мне на работу к девяти.

Она легко и без напряжения перешла на «ты». Как будто это было делом привычным. И правильно сделала. Было бы очень неловко, если бы она продолжала ему «выкать». Как в старом анекдоте – «секс еще не повод для знакомства».

Виктор Сергеевич подобрал ей самую длинную и красивую рубашку из своих не слишком богатых запасов. Для рубашки на Марине она была достаточно длинна, но в качестве платья не дотягивала даже до самой короткой мини. В ней она выглядела очень соблазнительно и современно. Как в голливудском фильме. Утро после ночи любви. Виктор Сергеевич в лыжном костюме с лампасами немного не вписывался в этот фильм. Он и сам это признавал. Но на самокритику не было времени. Нужно было жарить яичницу и варить кофе на завтрак.

Марина тем временем гладила свою одежду, почти высохшую за ночь. Между прочим – с удовольствием отметил Виктор Сергеевич – прихватила и его костюм.

Она безусловно заметила следы пребывания женщины в доме и усмехнулась довольно ехидно. Он ответил ей взглядом, который без слов говорил: «А у тебя есть муж».

- Ладно, проехали, - подвела итог Марина.

Сели за стол. Виктор Сергеевич заметил, что Марина выглядит на удивление свежей и отдохнувшей. Как будто не было перегрузок за праздничным столом, а потом почти бессонной ночи. Определенно, подумал он, женщины намного выносливей мужчин. И с горечью добавил: а некоторые и значительно моложе.

Во всяком случае никаких признаков душевной борьбы и сомнений он в ней не заметил. Ему даже почудилась в ее настроении какая-то умиротворенность. Может быть, напрасны и преувеличены его страхи, может этот эпизод не грозит ей плохими последствиями? Другое дело, если он попытается сделать его не просто эпизодом. Двадцать два года разницы в возрасте – это целое поколение. А он не был ни олигархом, ни знаменитостью, чтобы компенсировать такой разрыв. Он окинул взглядом свой спортивный костюм. С лампасами. Н-да.

Молчать было больше невозможно. И Виктор Сергеевич тут же выложил эту пришедшую ему в голову мысль. Не сомневаюсь, это был не самый лучший вариант. В решающий момент ни в коем случае нельзя говорить первое, что пришло на ум.

- Для меня главное, чтобы тебе было хорошо. Ты это знаешь. Но самое худшее, что я могу сделать, это попытаться навесить на тебя хромую утку.

- Какую утку?

– Так американцы говорят о президенте, который отработал свой срок. И мало что может сделать. Они называют его хромой уткой...

- Ты себя имеешь в виду? Не хочешь навешивать? Ясно.

Марина внимательно посмотрела на него. Глаза синие, синие до черноты. Огромные.

- Нет, погоди, ты пойми меня правильно...

Но и эту попытку объясниться Марина прекратила таким же способом, как это сделала утром. Способ приятный, но ситуация от этого яснее не становилась. Виктор Сергеевич поцеловал теплую ладошку и замолчал.

- Все, бегу, - Марина вскочила, стала одеваться.

- Я останусь, мне сегодня к двенадцати.

- Пока.

- Когда мы сможем поговорить?

- В другой раз. Завтра.

- А будет у нас это «завтра»?..

Ответа он не услышал.

Она на ходу поцеловала его – поцеловала в губы – и исчезла.

Виктор Сергеевич остался стоять – по его собственному выражению – дурак дураком.

Не больше часа понадобилось ему, чтобы понять, что с этого момента жизнь его изменилась окончательно и бесповоротно. Он просто задыхался от мысли, что потерял Марину. За какой-нибудь час соскучился так, «как будто с ней век не видался». А сердце болело, как у ямщика в этой известной русской народной песне.

И тогда впервые со вчерашнего вечера он подумал не о том, что будет с Мариной, а что будет с ним. В худшем случае нынешний эпизод - он продолжал так мысленно именовать прошедшую ночь - подтолкнет ее к разводу с флюгерообразным мужем. Это сердце ей не разобьет, давно пора уйти от него. Молодая, умная, красивая, чудная женщина – тут Виктор Сергеевич печально вздохнул – она найдет свое счастье. А для него ситуация может оказаться просто угрожающей, если он не возьмет себя в руки.

Вся прошедшая жизнь, которая раньше казалась ему самой обычной и нормальной, даже неплохой, после этой ночи стала выглядеть просто ужасно. Унылая, невыразительная. Беспросветная. Зачем она такая бессмысленная была ему нужна? А о последующем, заключительном этапе - без Марины – даже думать не хотелось. Его ожидала каторга, может, многолетняя, которую следовало отбыть. И при этом не выглядеть несчастным, вести себя вполне достойно. Наш Виктор Сергеевич был человеком самолюбивым и не хотел вызывать чувство жалости у окружающих.

Неужели так может быть, неужели одна ночь так может изменить жизнь человека? Даже ночь с прекрасной молодой женщиной? Можно так безнадежно и с точки зрения здравого смысла глупо влюбиться за несколько часов? В жизни, а не в дамском любовном романе?

Нет, наверно, это было не совсем так. Наверно, он все время ее любил, но не считал такое возможным даже в глубине подсознания. Когда со всех точек зрения – в том числе и моральной, тоже немаловажный аспект – что-то абсолютно недопустимо, то полный запрет безоговорочно действует. Каждый из нас это знает. У каждого из нас есть табу, дальше которого мы и в мыслях не заходим. Есть вещи, которые мы не позволяем себе даже желать. Исключением являются люди совершенно раскованные, к счастью, таких пока меньшинство...

Но когда волею судьбы и совпадений несбыточное стало возможным, плотину прорвало. Его любовь к ней как к близкому человеку слилась с любовью к женщине. Образовалось море. И он понял, насколько одинок был всю свою жизнь. Так одинок, как многие из нас, кому не выпал шанс соединить большую любовь к человеку с еще большей любовью к женщине.

Но выделено было ему этой любви только на одну ночь. И не больше.

Он бесцельно бродил по квартире. Пытался взять себя в руки. Но мысли тисками сжимали голову, молотом стучали в висках. Душили. Все сильнее болело сердце. Наконец Виктор Сергеевич сообразил, что виноваты не только мысли и чувства. Он измерил температуру. Так и есть, тридцать восемь и семь. В его возрасте нельзя долго слоняться по квартире даже из самых благих соображений в насквозь мокрым костюме.

Он позвонил своему участковому врачу, старой многолетней знакомой. Та обещала прийти после обеда. Потом связался с заведующей кафедрой, сообщил о случившемся и попросил его заменить. Улегся в кровать. Чувствовал себя все хуже и хуже. Хотел по привычке позвонить «соседке», но испуганно отдернул руку. Только не это...

Врач действительно вскоре появилась, внимательно его осмотрела, прослушала и определила - воспаление легких. Вне всяких сомнений, ясно и без рентгена. Прописала пилюли и уколы, сказала, что все передаст «соседке» – она была в курсе дел не только Виктора Сергеевича, но и всего многоквартирного дома.

- Я сестру присылать не буду. У вас под боком есть личный мастер на все руки, она отлично делает уколы.

И врачиха игриво кулачком ткнула больного.

Через час с лекарствами, молоком и какими-то баночками «соседка» была на своем посту. Судя по сумке с вещами, она явно уходит в ближайшие дни не собиралась. У нее действительно был хороший и заботливый характер, что совсем недавно одинокий вдовец считал самым важным. Сейчас он в этом уже сомневался.

Как боялся и в то же время надеялся Виктор Сергеевич, к вечеру позвонила Марина. Голос у нее был по-настоящему взволнованный. Он рассказал о воспалении легких. О температуре, которая

уже была почти тридцать девять. Она сказала, что обязательно... Но тут появилась с подносом, на котором были шприцы, «соседка», наклонилась к нему и громко сказала:

- Витяня, снимай трусы, подставляй зад. Будем делать укол.

Марина положила трубку. У Виктора Сергеевича все поплыло перед глазами.

Воспаление легких было тяжелым, добавился плеврит. Дело затягивалось. Марина больше не подавала признаков жизни. Он несколько раз пытался звонить по мобильному – она трубку не брала. Звонил пару раз домой – отвечал муж, который снова не работал и добросовестно сидел дома. Виктор Сергеевич пытался убедить себя, что так даже лучше. Он должен перестать набиваться. Тем более что хромяя утка еще дополнительно охромела. Уговоры помогали плохо.

Когда через две недели, еще не полностью оправившийся и заметно побледневший, он вышел на работу, то узнал, что Марина уволилась и вместе с семьей переехала к свекрови в Киев.

- Как, вы не знали об этом? Вы же так с ней дружили...

Это было в начале марта. Два месяца прошли в депрессии, в попытках справиться с собой. Спортом он заниматься перестал. О сексе с соседкой даже думать не мог. Вас, наверно, удивит, но эта безусловно добросердечная женщина тем не менее перестала подолгу проводить у него время, тем более оставаться на ночь – какой смысл? Ей уже не приходилось бороться с врожденными понятиями о нравственности. Потом и днем стала появляться все реже. Может, Виктор Сергеевич слишком разбаловал ее раньше? Может, дело в этом? Впрочем, чужая, а тем более женская душа и в возрасте шестидесяти лет все равно потемки. Виктор Сергеевич не протестовал.

Он стал после работы присоединяться к крепко спяющему мужскому коллективу. Сначала изредка. Потом все чаще.

Однажды краем уха услышал, что кто-то встречал детей Марины в городе. Может быть, они вернулись в Одессу? Он не расспрашивал, не уточнял.

А 15 мая прямо на лекции случился у него инфаркт.

Скорей всего, если бы не история с Мариной, у него бы инфаркта не было. Да, но тогда у него бы не было Марины...

Передаю слово Виктору Сергеевичу.

Реинкарнация Меир

Сознание время от времени возвращалось ко мне. В «скорой помощи», в приемном покое. Последний раз я очнулся на операционном столе и увидел склоненную надо мной голову врача в белой марлевой маске. И вдруг не просто потерял сознание, а почувствовал какое-то качественное изменение состояния. Что-то в моем организме выключилось. И ощущение самого организма исчезло. Сразу же после этого я увидел мчащийся навстречу знаменитый тоннель, освещенный длинными, уходящими в бесконечность какими-то холодными флюоресцирующими осветителями. Я понял – это смерть.

Полет продолжался долго, сознание заволакивал ужас. Но мысли были вполне разумными и отчетливыми. Только мысли, тела не было. Я даже пытался подшучивать над собой: от такого представления вполне можно получить инфаркт... если бы у меня было сердце. Я тогда не знал, что инфаркт уже был.

Вдруг тоннель, полет, освещение – все исчезло. Наступила темнота, но не полная. Как бывает, когда закрываешь глаза при свете. Какие-то блуждающие слабые цветочные пятна. И снова появилось ощущение тела. Неужели вернулся к жизни? Я попробовал открыть глаза, пошевелиться – ни малейшего результата. Неужели инсульт? Полная неподвижность? Или кома?..

Неожиданно, как по команде, страх исчез, и постепенно в сознании стала всплывать твердая уверенность, что я присоединился к чему-то или к кому-то. Источник этих мыслей назвать не могу, но если вы хотите узнать продолжение этой истории, то должны хотя бы временно принять мой рассказ на веру. Как с полным доверием принял эту неизвестно откуда появившуюся информацию я. А пока удивлялся тому, насколько четким и незамутненным было мое сознание. И память, такая ясная, как будто жизнь и не прерывалась.

К сожалению или к счастью, трудно сказать, но память о прошлом – таково свойство человека – тут же дала о себе знать. Я перестал задавать себе вопросы, прогнозировать будущее. Что будет, то и

будет. Народ говорит: «Ничего хуже смерти быть не может», а она уже произошла. Но боль от потери прошлого, и прежде всего Марины, не только не отпускала, но становилась с каждой минутой все сильнее и сильнее. Теперь я даже увидеть ее не смогу. Как глупо я поступал, ведь жизнь – когда она еще была – давала шанс встретиться с нею. Я только теперь с особой ясностью осознал, что при жизни любые надежды могут осуществиться. Можно было хотя бы постараться восстановить отношения. Простые человеческие отношения. А может... Тем более что она – раз видели детей в городе – вернулась в Одессу, а значит, скорее всего разошлась с мужем. Дурацкие комплексы самобичевания. Я бы все отдал, чтобы повернуть время вспять. Но возврат невозможен, да и отдавать нечего...

Я даже с горечью подумал, что лучше бы вообще все прекратилось и память пропала вместе с печалью. И в следующую же секунду испугался этой мысли – несмотря на боль, воспоминание о Марине было единственным, что позволяло чувствовать себя живым даже после смерти.

Сумбурное течение мысли прервал приятный женский голос с каким-то неуловимо странным произношением:

- Меир, уже без пяти восемь. Пора просыпаться и слушать новости.

Тело, к которому я теперь несомненно относился, заколыхалось само по себе. Зевнуло. К своему удивлению я почувствовал – или осознал, не знаю, как это точнее определить, – зевок. И неожиданно, как шторы, распахнулись глаза, через которые смогли смотреть мы оба. Я увидел светло-серый потолок, излучающий мягкий приглушенный свет. Тело пришло в движение. Глаза, вероятно, повернулись вбок-вниз, потому что в этом направлении стало перемещаться изображение. В зону видимости попала рука, которая придвинула поближе лежащий на прикроватном столике пульт управления, нечто вроде клавиатуры компьютера. Пальцы – длинные, ухоженные, явно мужские, стали по очереди нажимать кнопки пульта. Посветлел потолок, все залил мягкий теплый свет, не слишком яркий. Женский голос – наверно, будильник – больше не повторял призывы. Тело уселось на кровати – опять я все отчетливо почувствовал. Наш общий взгляд (а я довольно быстро осознал, что он у нас общий) переместился на противоположную стену. Она вся – снизу доверху – оказалась прекрасного качества телевизионным экраном, на котором пошла подборка новостей в сопровождении дикторского текста. Выяснилось, к моему удивлению, что я все отлично понимал. Предчувствие, о котором я вам до этого рассказывал, не подвело. В какой-то степени я оказался одновременно и «им».

Новости по телевидению, как и положено, начались с даты.

- Сегодня пятница 17 мая 2036 года. Израильское время восемь часов утра. Передаем новости из Иерусалима, – торжественно возвестил диктор.

Прошло тридцать лет со дня моей смерти. Местом действия оказался Израиль. Вот это да! А где же моя бессмертная душа или точнее мое сознание скиталось целых три десятилетия? Ответа я, естественно, не получил, но какой-то намек на то, что объяснение существует, все-таки был. Моя смерть и рождение моего продолжения по условиям реинкарнации должно совпадать по времени. То есть мое появление, или осознание себя здесь и сейчас было предопределено тридцать лет тому назад. И если новому хозяину моего сознания, подумал я, окажется примерно тридцать лет, это подтвердит такое предположение. Будем ждать...

Начало знакомства было удачным и многообещающим. Мы оба с интересом смотрели и слушали часовую утреннюю подборку новостей. При отличном и даже объемном изображении телевизионной стенки-экрана было ощущение непосредственного присутствия в других странах и на разных континентах.

И каково было первое впечатление? Меня удивило, как незначительно изменился мир за целых тридцать лет. Никаких катаклизмов, последовательные и вполне ожидаемые изменения как в межгосударственных отношениях, так и внутри общества. Да, судя по комментариям, у человечества появились некоторые новые проблемы, но и старые, начиная с конфликтов и экологии, продолжали разрастаться с опасной скоростью.

А впрочем, по здравому размышлению, драматических перемен не стоило и ожидать. «Целых тридцать лет» это в то же время и «всего тридцать лет». В мое время за тридцать лет тоже, в сущности, было только одно существенное изменение – обрушился железный занавес, распался Советский Союз. Но это политическое событие. А в остальном? Примерно те же автомобили, поезда, самолеты. Они и в новом времени не слишком изменились. Отличие небольшое, по форме – следствие моды – и не больше. Те же дома, улицы, где-то чуть поновее, где-то чуть поистрепаннее.

Где-то модерн, но большая часть из прошлого или позапрошлых веков. Люди, судя по тому, что я видел, нисколько не изменились. Даже одежда. Только женщины стали ходить в одних странах еще более обнаженными, чем раньше (на пляжах - абсолютно), а в других еще более задрапированными. Причем до такой степени, что невозможно было ничего разглядеть внутри кокона. Видимо, последователи ислама и прочее человечество ментально расходились все дальше и дальше.

Но особенно неприятные изменения произошли в распространении атомного оружия.

- Старожилы еще должны помнить, - говорил диктор, - что во времена холодной войны был очень силен страх перед атомным концом света – схваткой Запада и Востока. Тогда писали, что у противоборствующих сторон запасов ядерного оружия хватит, чтобы несколько раз уничтожить все живое на Земле. Но с развалом Советского Союза осталась одна сверхдержава - США, и опасения постепенно развеялись. К сожалению, ситуация в XXI веке снова изменилась к худшему. На сегодняшний день тридцать две страны имеют эти смертельные для существования мира запасы на всех без исключения континентах. Начали гонку Иран, Венесуэла, и пошло, и пошло. Пакистан вместе со своими ракетами стал вотчиной талибов. Подтвердились сведения о наличии атомной бомбы у Алькаиды. Северная Корея открыто торгует ядерными технологиями. Чем более нестабильна и безответственна власть, тем больше усилий она тратит на приобретение атомного оружия. И именно эти страны время от времени позволяют себе нарушить многолетнее табу на его использование. Последние события в Судане, где режим полстолетия боролся с повстанцами провинции Дарфур, стали для многих уроком. Нет провинции – нет повстанцев. Атомная бомба решила проблему, а правительству Судана все равно – будет провинцией больше или меньше. Этот метод многие страны взяли на вооружение. Угрозы применения ядерного оружия стали модным способом межгосударственных отношений.

- Экспертов удивляет только одно, – завершил тему диктор, – почему мир до сих пор не очистился от всего живого. Именно это является Божьим чудом.

Он суеверно постучал по столу – чтоб не сглазить.

И все-таки на закуску речь зашла о действительно выдающихся достижениях науки и техники, произошедших за последние буквально пятнадцать-двадцать лет. Эти новации уже давно зрели в экономике передовых стран и бурным потоком ворвались в жизнь. Имелся в виду огромный прогресс в средствах коммуникации и информации. Тоже, кстати сказать, вполне ожидаемое изменение. В новом столетии это было, пожалуй, единственное бурно развивающееся направление.

Диктор исполнился гордости.

- Стоит ли вам об этом говорить? Ведь перед вами прекрасные стены-экраны в вашей квартире и офисах. Голография вошла в каждый дом. Облицовка стен плоскими тонкими телеэкранами стала не намного дороже любой другой качественной обработки поверхности. Это настоящий прорыв. Мы гордимся тем, что наша страна и наши ученые сделали немало для свершения этого, не побоюсь сказать, чуда.

И опять вернулся к внутренним делам Израиля. Голос поскучнел, тема, судя по всему, была надоевшей всем, не новой. Даже для меня, недавнего пришельца из прошлого.

Оказывается, после, видимо, большого землетрясения 2016 года, которое произошло на Пасху, палестинцы и израильтяне, занятые восстановлением жилья и разрушенной инфраструктуры, прервали на несколько лет борьбу за безопасность и мир в регионе. Поэтому почти перестали взрывать и бомбить друг друга. Но сейчас мирные переговоры с палестинцами и арабскими странами со всеми вытекающими последствиями развернулись с новой силой... Рост еврейских поселений приводит к взрывоопасному состоянию всего района... Каждые три-четыре года война, малая или большая...

Когда диктор стал сообщать о том, что в Иерусалиме палестинец с ножом напал на двух проходящих мимо евреев, одного убил, второй..., Меир с отвращением выключил экраны.

- Ну вас, осточертели. Сколько можно об одном и том же?! Вечная тема...

Голос Меира мне не понравился. Слишком гортанный и резкий. И слишком громкий. В объеме черепа он резонировал. Комментатор звучал приятнее. Придется привыкать...

А телеизображение тем временем зажглось снова. На экране появилась довольно большая комната, возможно, спальня. Или салон. У дальней стены ближе к углу стояла большая кровать, может, диван, покрытый какой-то розовой воздушной материей. Рядом прикроватная тумбочка. Ближе к другому углу располагался изящный из прозрачного пластика овальный столик. Возле него четыре легких кресла с мягкой, чуть розоватого оттенка обивкой. Посредине стены дверь из

матового то ли стекла, то ли пластика, инкрустированная какими-то символами. Остальная часть этой стены от пола до потолка представляла собой встроенный шкаф – поверхность вся была изрезана дверцами различных размеров с хромированными ручками. Роль окна выполнял фонарь-потолок, прозрачность которого можно было регулировать. Все в этом помещении было обустроено разумно и функционально. Больше ничего не было... если не считать стоящего возле кровати обнаженного молодого мужчины лет тридцати(!!!), атлетического телосложения, смуглого, черноволосого. Красивого и высокого мужчины. Меир почесал голову, то же сделал его визави. А действительно, при такой телевизионной технике и зеркала не очень нужны. Так вот мы какие сегодня! Не без удовольствия я смотрел на свое новое воплощение. Такой внешности можно было не стыдиться. Хоть что-то после смерти доставляло удовольствие...

Широкие плечи, узкий таз. Глаза очень черные, кажутся немного злыми, но может, только на вид, время покажет. Волосы густые и длинные, почти до плеч. Нос с небольшой горбинкой. Безусловно восточный типаж. Интересно, еврей или араб? Если еврей, то эмигрант из арабской страны. Я, как и каждый житель Украины, легко отличал своих, европейских евреев, сказала долгая тренировка. Но Восток дело тонкое; турки, арабы и любые уроженцы этих стран были для меня все на одно лицо. Я не националист и испытывал простое любопытство, предубеждения не было. Впрочем, Меир имя еврейское, у меня был знакомый в Одессе, Шулым Меирович Гринберг, который упорно не желал менять свое имя и отчество. Всем на удивление...

Значит, теперь мы с ним еврей. И нам около тридцати лет. Мое сознание после смерти оставило свое брэнное тело и перенеслось на тридцать лет в будущее. И я вдруг понял, почему. Сознание моего нового воплощения уже должно полностью сформироваться, быть достаточно зрелым, иначе контакт между нами пользы не принесет. Мы просто не сможем понять друг друга. И природа (или кто-нибудь повыше, не осмеливаюсь судить) выбрала для реинкарнации период жизни, который в специальной литературе принято называть кризисом тридцатилетия. То есть оказалось, что неожиданная ломка взглядов, приступы депрессии и прочие неприятности в этот период являются следствием контакта двух сознаний. Доказательства этого обнаружили в дальнейшем, в статье профессора Файера. Но не буду забегать вперед. Просто запомните эту фамилию – профессор Файер – и следуйте за мной.

Теперь самое время рассказать то, что мне стало ясным в течение буквально первых часов после пробуждения Меира. Все что осталось от прежнего Виктора Сергеевича, это сгусток сознания в чужом мозгу. Мозгу Меира, которого я стал про себя называть «хозяином». Самое существенное – наша связь с сознанием «хозяина» была абсолютной, но односторонней. Я видел и чувствовал все то – и только то, – что видел и чувствовал Меир. Но сделать ничего не мог. Не имел ни на что ни малейшего влияния. Меня для него просто не существовало. И хочу заранее предупредить – он не будет даже догадываться о моем появлении до конца дней своих. Живые даже не подозревают о реинкарнации, о ней знают только мертвые. А мертвые, как известно, умеют держать язык за зубами. Поэтому утечка информации практически невозможна.

Я читал – причем синхронно – все мысли Меира, но совершенно пассивно, как будто подслушивал их. Вначале меня удивило неожиданное отличное знание языка иврит, я без перевода прекрасно понимал все, о чем говорилось. Но потом дошло – это не так. Какой язык звучит, не имело значения. Я понимал первоисточник – мысли «хозяина». Смотрел его глазами и слышал его ушами. Странное чувство. Я себя ощущал пассажиром, совершающим вынужденную поездку в голове Меира, а внизу независимо от меня болтаются руки и ноги. Впрочем, я их в какой-то мере чувствовал, как и тело – к примеру, определял, что «хозяин» ощущает боль от удара. Но сам боли не испытывал.

Но вернемся в салон. Меир надел плавки, выдвинул из-под кровати тренажер, одним движением плоскую конструкцию превратил в довольно сложную пространственную – тренажеры усовершенствовались за тридцать лет! И приступил к зарядке. На нее ушло сорок минут – Меир, а значит, и я, регулярно посматривали на часы, появившиеся на экране. Время от времени он с явным удовольствием демонстрировал себе (а значит и мне) мускулатуру, напрягал мышцы как на конкурсе культуристов. «Хозяин» к своей физической форме был явно неравнодушен. Но впрочем, основания для этого были.

Затем через уже описанную дверь мы вышли в небольшой коридорчик. Две двери. Справа – в туалет и ванную комнату. Слева открытая дверь в кухню среднего размера (у меня в Одессе была поменьше). Здесь было два окна на улицу. Мраморный прямоугольник вместе с мойкой, шкафы,

газовая плита, холодильник и еще оставалось место для стола с г-образным диванчиком. Скромно, но уютно. Над диванчиком полка с литературой для отдыха. Может, для Меира, может, для его гостей. Он автоматически достал и бегло просмотрел несколько газет и журналов. На мой взгляд, их было тяжело отличить друг от друга. Это были глянцевые издания на отличной бумаге с отменными фотографиями. Роскошная реклама, красивые мужчины и изумительные женские фигуры, драгоценности, дорогие унитазы и между ними не очень многословные, тщательно разжеванные, несложные для понимания новости и вроде бы серьезные мысли в игривом изложении. Гламур победил. Чего и можно было ожидать.

Ванная комната тоже была средних размеров, но душевая кабинка слишком большая. И два душа, один жестко закреплен сверху, другой на гибком шланге. Впрочем, как выяснилось позже, все это лишним не оказалось. Ванны не было по понятным причинам - в этих краях вода в дефиците. Зато было зеркало, а не телевизор. Ничего особо нового и никакой роскоши. Меир привел себя в порядок и перешел в кухню. Он что-то все время мурлыкал, иногда звучали восточные напевы. Мне эти звуки казались слишком громкими и непривычными. Но увы, уменьшить громкость я не мог. Затем последовал завтрак, тоже обычный - молоко с кукурузными хлопьями. Я как будто ощущал глотание, прохождение пищи, но ни голода, ни удовольствия не испытывал. Нужно будет и к этому привыкать!

Все эти звуки и ощущения до поры до времени отвлекали меня и приглушали размышления Меира. Оказалось, что привыкнуть к неразрывной связи с мыслями «хозяина» было еще более сложным делом, чем не реагировать на все остальное. Во всяком случае, первое время.

Мы с вами даже не представляем себе, что творится у нас в голове, какая каша из мыслей и впечатлений там непрерывно варится. Что-то увидел, о чем-то мимоходом подумал, параллельно что-то вспомнил. Переводишь взгляд с одного на другое – меняются зрительные образы и в свою очередь вызывают бездну мыслей и ассоциаций. Это настоящий бедлам.

И весь этот бедлам транслировался бедному моему сознанию, а я не мог даже на время отключить приемное устройство. Только дня через два с грехом пополам удалось научиться отличать «мейнстрим» этих мыслей от различных «шумов», подобно тому, как мы, горожане, стараемся не замечать непрерывный гул, который сопровождает нас всю жизнь, только слегка затихая на ночь.

Меир вернулся в салон, открыл шкаф, надел легкие шорты. Я уловил ясную мысль, более громкую, чем остальные: «Становится жарко. Придется включать кондиционер».

Я жары не чувствовал. Ничего не чувствовал. Но понимал, что ему жарко. Впрочем, свои ощущения я уже пытался описать. Жаль, если это не удалось...

Потом в голове у Меира зазвучала какая-то смесь соображений на тему неуплаченных счетов и вслух, был подведен итог:

- Хватит лениться, пора приниматься за дело.

Меир почти вплотную к экрану придвинул столик, перенес на него клавиатуру (проводов не было) от прикроватной тумбочки, подкатил к столику кресло. Уселся в него. Поднял из клавиатуры экран примерно такого размера, как наши компьютерные, может, чуть больше, набрал что-то на пульте, и загорелась знакомая надпись «Windows». Я не удивился тому, что бессмертная компьютерная программа прожила еще каких-нибудь тридцать лет.

Авива и Ронит

Но работу пока пришлось отложить. Знакомый приятный голос (куда более приятный, чем у Меира) доложил:

- На связи Ронит.

Меир опять что-то набрал на клавиатуре, снова загорелся большой экран. Изображение было необычно четким и объемным. Живая картинка за тонким стеклом.

По ту сторону была точно такая же комната, как у Меира. Близнецы. Только покрывало на кровати было голубое, а обивка кресел цвета морской волны. Ронит что-то поправляла на своем столике. Она оказалась очень милостивой и тоже смуглой молодой женщиной лет двадцати пяти. С высоты своего возраста я бы скорее назвал ее девушкой. Невысокого роста с отличной фигурой и очень свежим и молодым телом. Привлекательным телом. Увидеть все это было нетрудно. К моему удивлению, она была топлес, да к тому же легкие и, нужно признать, изящные трусики цвета

морской волны были очень воздушными. Очаровательными. Я остолбенел от удивления. Образно, конечно, – а как я мог сделать это иначе? Скромно старался не смотреть в ее сторону, но увы, это не от меня зависело. Впрочем, если не фарисействовать – я был на этот раз не слишком огорчен своей зависимостью.

«Наверно, они в близких отношениях. Очень близких, - тактично подумал я. – И к тому же это Израиль, лето, жара».

- Доброе утро, Меир. Наша знаменитость. Ты читал статью о себе в газете «Маарив»?

Голос у нее был еще приятней, чем у секретарши, произношение тоже казалось странным, но к этому я уже стал потихоньку привыкать.

- Нет.

- Ах, скромный ты наш. Только не утверждай, что не уплатил за нее. И заплатил немало, уж слишком тебя расхваливают. Самый популярный не только у нас, но и за рубежом рецензент!!! Читатели все как один доверяют тебе и толпами бегут покупать книги, которые ты рекомендуешь!!!

- Ну и язычок у тебя, Ронит.

- Говорю как есть. И даже не спрашиваю, сколько ты за эту статью заплатил. А говоришь, денег нет на новую машину.

- Ничего не платил. Обещал написать рецензию на его новую книгу. Немного позже, когда забудут, кто написал эту муть...

- Рука руку моет. Нет, написано неплохо. Не муть. Как будто даже искренне. Он действительно о тебе хорошего мнения.

- А ты?

- А что я? Я всегда твой друг. Кстати, Авива тебе еще не звонила?

- Нет.

- Сейчас позвонит. У нее новости. Но лучше пусть она сама о них расскажет.

Вмешался голос секретарши:

- На связи Авива. Не забудьте включить конференцию.

Загорелся экран на левой стенке – а я уже задавался вопросом, почему боковые стенки квартиры такие гладкие и голые. Неуютные. Ни картин, ни зеркала, ни какого-нибудь коврика или гобелена.

Авива была, в отличие от Ронит, высокой и довольно крупной светлокожей блондинкой, явно европейского происхождения. И даже славянского. Еще красивей, чем Ронит, подумал бы я, если бы не боялся, что меня обвинят в расизме. Но на этом все отличия от предыдущей картинки закончились. Такая же комната, такая же обстановка, примерно такой же возраст и аналогичная экипировка хозяйки. Трусики на ней были примерно такие же, тоже цвета морской волны, и волна эта была не менее чиста и воздушна.

Может быть, так принято и никакая это не полигамия? Просто мода? Может, не случайно в репортаже новостей о летнем сезоне были только нудистские пляжи? В конце концов и при жизни Виктора Сергеевича – я уже понемногу стал отделять себя от него - дело к этому шло. А он вместе со своими современниками-согражданами просто большой дикарь, чем аборигены Африки? И более древний, чем древние греки?

Я отложил выводы и размышления до лучших времен. Сейчас хватало живых и довольно приятных впечатлений.

- Привет компании. Меир, ты читал статью?

- Я уже Меиру рассказала, - в реплике Ронит были ревнивые нотки.

- Ты рассказала о газете, больше ты не читаешь, - парировала не без ехидства Авива. – А я говорю об Интернете. И перепечатано в «Монинг стар» и еще где-то. Молодец, реклама де-люкс.

Голос у Авивы был глубокий, певучий. Манера разговора неторопливая, степенная. Ронит была внешне более темпераментна, она стрекотала и по еврейски-итальянски жестикулировала. Но обе были хороши, каждая по-своему. Меиру можно было позавидовать... если стоит завидовать самому себе.

Ронит надулась и замахала руками.

- Можно подумать, ты много читаешь.

- Читаю. Даже вслух. Бабушке, она плохо стала видеть. Но больше старые книги, классику. Современную литературу бабушке читать неприлично. Бабушка стесняется и пугается. Нет, я ей читаю классику.

Ронит пыталась что-то возразить, но судя по всему не нашла аргументов. А Авива, не встретив сопротивления, продолжила:

- Но тебе, Меир, я не перестаю удивляться. Даже Ронит читает газеты, а ты никогда...

- Утренних новостей с экрана мне с лихвой хватает. Вы знаете, я не переносу даже слово «политика».

Тут и Ронит наконец нашла доводы.

- Ему чтения хватает по работе. Он за день и без того проглатывает тысячу страниц.

Но Меир решительно прекратил диспут и поменял тему.

- Ронит говорит, у тебя экстренное сообщение.

Авива стала серьезной и даже напряженной. На лице Ронит появилось удовольствие, очень похожее на злорадство. «Женская дружба», - иронически подумал я.

- Я решила, что мы с Эли поженимся. Официально. Поедем регистрироваться на Кипр. Назначим день. Через месяц.

Наступившая после этого пауза должна была подчеркнуть важность заявления. Авива смотрела прямо в глаза Меиру.

Мне передались чувства «хозяина» - смесь сожаления и облегчения. Облегчения было больше.

- Поздравляю. От души поздравляю.

- И я от души, - прострекотала Ронит.

- Полное единодушие, - не слишком весело улыбнулась Авива.

- Почему ты говоришь – я решила? Наверно, вы решили? Вместе с Элиягу? – подлила масла в огонь Ронит.

Авива не ответила и даже не взглянула в ее сторону. Она продолжала так пристально смотреть в глаза Меиру, что у меня невольно появилось желание спрятаться... Увы...

- Мне скоро будет двадцать восемь. Пора завести детей. Брак дает уверенность, что поднимать их я буду не одна при... ну, при любых поворотах. И потом мне до смерти надоел этот дурацкий холостяцкий стандарт. – И она обвела глазами все три одинаковые комнаты. - Мы снимем нормальную квартиру. На двоих это реально. У Эли машина, а на службу его отвозит армейская. Без машины это не жизнь, особенно в шиши-шабат, два дня из пяти. Все время приходится просить кого-то, чтобы подвезли и вернули на место.

Ронит тяжело вздохнула:

- Какая там машина?! На мою зарплату социального работника не очень-то развернешься.

- Гидам, Ронит, тоже платят как нищим.

- Что на эти гроши сделаешь? В отпуск за границу с трудом раз в год. И то со спонсором, который не всегда по душе. А по телу тем более. Разумеется, о присутствующих не говорят.

Им было жаль себя до слез.

- Наверно ты решила разумно, - задумчиво продолжала Ронит. – Элиягу парень хороший и на тебя не надышится. Но я пока себе все это с трудом представляю. Может, потому что я моложе, – не преминула она уколоть. - Все время с одним мужчиной. И какой может быть секс все время с одним и тем же?! Иной раз и двух-трех не хватает. Конечно, - она спохватилась, - о присутствующих не говорят.

- У тебя на уме только одно...

- Нет, погоди, Авива. Во-первых, у тебя это тоже на уме. А во-вторых, везде пишут, что в семейной жизни секс тоже главное. Без него и семьи нет. Есть только коллектив по выращиванию детей.

Ронит была очень довольна своим определением и с вызовом посмотрела на Авиву – и мы не лыком шиты!

Меир в дискуссию не вступал. Отодвинул кресло на середину комнаты, переводил взгляд с одной выступающей на другую и снисходительно улыбался.

- Секс, секс. Сколько можно о нем говорить?! С тринадцати лет я занимаюсь сексом.

– Увлекаюсь, - хихикнула Ронит.

- Как все вокруг. Так же, как ты, - отпарировала Авива. И продолжала, повернувшись к Меиру: - Даже на год раньше, чем нам начали в школе читать лекции о безопасном сексе. И вообще о сексе. Мне подружки все объясняли.

- А я с пятнадцати, - вздохнула Ронит. – В секс без груди не принимали.

Меня поразил и даже шокировал такой откровенный разговор на щекотливую тему. Без комплексов. Но, впрочем, и без лицемерия. Нужно привыкать. Новые времена...

«Сколько же человек через них с Ронит прошло», – так громко подумал Меир, что казалось, Авива и Ронит должны были услышать. Нет, громко было только для меня. И все-таки Авива если не услышала, то угадала мысли Меира. Наверно, она его хорошо изучила.

- А чего ты хотел? С тех пор, как я себя помню, со всех сторон слышу только одно – каждую секунду все может провалиться в преисподнюю. В любой момент могут достать террористы, а нет – так бросят ракету, а нет – начнется война. Вот-вот начнется. Особенно на нашем Ближнем Востоке. А не местная, так мировая. Потепление, наводнение, засуха. С самого детства становится ясно – нужно ловить сегодняшний кайф, не строить планы на будущее. А какой кайф – не вопрос. По всем каналам без конца о сексе. Какое это удовольствие, лучше не бывает. К тому же самое дешевое и доступное развлечение. И со временем оно действительно становится слишком дешевым...

Меир и я одновременно подумали, что у Элиягу будет умная жена. И красивая. Но вслух это высказал только Меир. Ронит, как и следовало ожидать, такое мнение не очень понравилось, и она возразила, подчеркивая свои мысли темпераментными жестами.

- Но секс действительно самое приятное, что есть в жизни. И я не понимаю, почему на это нужно накручивать сложности. Меир, ты сам всегда говоришь: «Если человек хочет, почему не пойти навстречу». Мы нормальные люди, такие, как все. Ничем не хуже других.

Вмешался голос секретарши:

- Экстренное сообщение по новостной программе.

Меир включил экран на третьей стене. Сообщали о том, что Индия объявила войну Пакистану. Их общий ядерный потенциал составляет сотни единиц. Совету безопасности с трудом удалось уговорить стороны пока воздержаться от начала военных действий и атомных бомбардировок...

Меир выключил экран.

- Кто тут может оставаться нормальным, в этом сумасшедшем доме? – пожала плечами Авива.
– Кроме Ронит...

Повисла невеселая пауза.

- Ладно, девочки. Жизнь не кончается. Выше нос. Завтра шабат. Наши предлагают собраться. Вечером, как обычно. И та же программа. В начале небольшой эстрадный концерт – в основном юмор – чтобы развеселить Авиву. Потом прошвырнемся по разным шоу. У Эли есть на завтра планы на твой счет?

- Нет, его отделение на территориях. Там опять что-то взорвалось. И какой-то палестинец застрелил проезжающего в машине поселенца...

- Без подробностей, надоело, – в голосе Меира прорезался металл. – Сама говоришь, нужно ловить кайф. Словом, я за вами заеду, и тебя, Авива, к ночи верну на место.

Авива была в сомнениях.

- Не знаю. Эли не слишком доволен, когда мы собираемся с тобой без него.

- Сомневается, что все кончится благополучно. И редко ошибается, – не упустила возможности укусь Ронит.

Я отчетливо уловил желание Меира закончить встречу. Промелькнула мысленная команда – незаметно нажать какую-то кнопку. Команда, наверно, была выполнена, потому что в эфире прозвучал голос секретарши:

- Прошу прощения. Через полчаса встреча с Гершоем. До этого нужно прочитать его книгу – двести сорок пять страниц.

- Все девочки, вы слышали. Будем разбегаться. Пора работать.

Ронит немедленно согласилась.

- Все, все, исчезаю. До завтра.

Экран потух.

Авива не исчезла. Она молча и глядя прямо нам в глаза сделала несколько шагов вперед. Казалось, еще мгновение, она перешагнет через экран и окажется у нас в комнате. Пауза затянулась, напряжение было почти физически ощутимо.

- Ты уверен, что я поступаю правильно? Мы не будем потом об этом жалеть?

Авива преобразилась, вся ее сдержанность и даже вальяжность исчезли без следа. Голос прерывался. Я почувствовал себя очень неловко, как и положено приличному человеку, который

неволью подслушивает интимный разговор, да еще и подсматривает в замочную скважину. Но что было делать?..

Меир подумал: «Опять «мы». Когда это кончится?..» Но ответил довольно мягко.

- Авива, Эли тебя любит...

- А ты? - нетерпеливо перебила она его.

Речитатив Меира был по содержанию немзыкальной копией арии Онегина. «Но я не создан для блаженства, ему чужда душа моя, напрасны ваши совершенства, их вовсе недостоин я» и далее по тексту, вы, наверно, помните. Почти дословно. Синхронно он думал примерно то же, только в более резкой форме. Иногда грубой. Правда, в его мыслях вполне определенно звучало и сожаление вместе с восхищением красотой и обаянием отвергнутой. Хотя вполне возможно, что эти чувства принадлежали не ему, а мне. Я стал время от времени путать мысли «хозяина» с моими собственными. При таком тесном симбиозе это было неизбежно.

- Зачем тебе нужен такой эгоист, как я?

- Ты не эгоист. Эгоист любит только себя, а ты и себя не любишь.

- Да, похоже, - в ответе Меира определенно чувствовалась горечь. Авива попала в цель. Наверно, он и от себя был не восторге. - Тем более. Мы правильно сделали, что перестали встречаться...

- Это ты называешь перестали... - Авива иронически усмехнулась.

Должен признаться, я время от времени терял нить разговора, хотя все мне было интересно. Причина для этого была более чем убедительной. Передо мной на расстоянии вытянутой руки стояла Афродита, выходящая из морской пены. Я старался не очень смотреть на эту пену. Новая женская мода все еще на меня действовала оглушающе. Такое зрелище могло увлечь даже более стойкого и хладнокровного человека, чем я... был в недавнем прошлом. Впрочем, я изо всех сил старался не отвлекаться.

- Да, - жестко подтвердил Меир, - перестали встречаться. Секс не повод для знакомства, как говорят французы. Теперь я бойфренд Ронит. Мы с ней подходим друг другу. Если она завтра с каким-нибудь спонсором укатит в круиз – я и ухом не поведу. А у тебя все всерьез. И дети... Я об этом даже думать не могу. Мало того, что сам не уверен ни в чем, так еще трястись за их жизнь, за будущее, которого скорей всего может не быть.

- Но Меир, живут же люди. И семьи. Не заглядывая далеко вперед и не замечая, что происходит рядом. Может, так и нужно – просто жить, несмотря ни на что? Мне все чаще так хочется быть нормальной женщиной...

Я услышал мысли Меира: «Это уже целая философия. Кажется, я избежал больших неприятностей. Бедный Эли!»

И вслух:

- Не будь душой. Сама говоришь, что мир становится похожим на сумасшедший дом. А в сумасшедшем доме нормальными являются ненормальные. Ну ладно... Оставим это. Ты о своем согласии уже сказала Эли?

- Пока нет. Я хотела раньше посоветоваться с вами. С тобой.

- Мы тебя поздравили.

- Поздравили! Черт бы тебя побрал!

Авива определенно стала терять над собой контроль.

- Да, я дура, и понимаю это. Наверно, начиталась бабушкиных романов. И никак не могу от тебя отстать. Люблю, что поделаешь. Тебя. А себя за это же не люблю. Видишь, мы оба себя не любим, но причины разные. Нет, я себя даже презираю за это...

«Все, пора заканчивать мелодраму, - подумал Меир. – Не ожидал. Всегда сдержанная... Надо же. И действительно, скоро заявится Гершой. Надо ей что-то пообещать, иначе этот цирк никогда не кончится».

- Так, Авива, - голос его был сухой и злой, еще менее приятный, чем обычно. - У меня через двадцать минут встреча с писателем. А я его книгу даже не открывал, двести пятьдесят страниц. Не подготовился. Это бизнес, а не игрушки. Бери себя в руки и уноси ноги. Эли пока ничего не говори, завтра я к тебе заеду пораньше и обсудим все серьезно.

Он сам отключил экран Авивы. Эту операцию я уже научился определять.

Меир облегченно вздохнул, послал вслед Авиве пару недоброжелательных и довольно неприличных мысленных посланий. Я на его примере лишней раз убедился в том, что человек в мыслях на порядок резче и грубее, чем в разговорах. Хорошо, что мы не телепаты, наше счастье.

В моем новом воплощении мне определенно не все нравилось. Но я решил не делать поспешных выводов. Педагогический опыт говорил мне, что не так просто с ходу разобраться в человеке.

Меир снова уселся за стол, включил компьютер.

- Пнина, будь добра, перешли мне роман Гершоя.

- Хорошо, Меир. Осталось шестнадцать минут, - ответил уже знакомый мне приятный голос.

- Знаю.

Оказалось, что секретарша не автомат, а вполне живое существо. Я переоценил прогресс, решив, что секретарь нечто роботизированное. Но стал более уважительно относиться к своей реинкарнации – секретаря может позволить себе не каждый.

На экране компьютера появилось заглавие книги: «Крайности». Это было последнее, что я мог прочитать. И последняя мысль Меира, которую я уловил: «Где это чертово авточтение...» Он набрал что-то на пульте. Изображение исчезло, его сменило мелькание, сразу зарябило в глазах. Спустя пару минут у меня начались отчаянные боли в том, что служило мне органом зрения, и в том месте, где прежде была моя голова. А не смотреть я не мог. Меир между тем думал с такой скоростью, что до меня ничего не доходило, какие-то бессвязные обрывки мыслей. Казалось, так продолжалось бесконечно. Попытки прекратил милый голос Пнины:

- Меир, появился Гершой. Начнете встречу?

- Минут через семь-восемь.

Меир пошел в ванную, сполоснул лицо, на кухне прихватил бутылку воды со стаканом, поставил на стол. Никаких бумаг на столе не было - компьютеризация! Надел, насколько я успел заметить, футболку, сел в кресло лицом к экрану, спиной ко входу. Я догадался, что аудиенция будет тоже телевизионной, как и утреннее свидание с девушками. А действительно, эффект присутствия полный, стоит ли тратить время, силы и деньги на бензин для поездки?

Я услышал торопливые размышления Меира: «Не успел почти ничего прочитать. Придется использовать запасной вариант».

Он был готов к встрече.

Что-то нажал на пульте.

Шимон Гершой

Я оказался прав, это было телесвидание. Напротив тоже за столом сидел, видимо, Гершой.

По ту сторону экрана все выглядело более солидным, но менее современным. Судя по обстановке это был рабочий кабинет, достаточно большой, полки с книгами, явно дорогие кожаные кресла, удобный диван. Все выдержано в мягких коричневых тонах. В тех же тонах был выдержан сам Гершой – солидный мужчина лет под шестьдесят, очки в коричневой оправе на загорелом бронзовом лице, волосы тоже какого-то бронзового оттенка, рубашка цвета кофе с молоком, но ближе к кофе. Брюки чуть светлее.

Когда начался сеанс связи, оба вежливо встали и поздоровались. Представились.

- Шимон.

- Меир, очень приятно.

Гость оказался высоким и худощавым, держался ровно и подтянуто. Чуть-чуть равновесие нарушал слишком мясистый для такого худого лица нос, который, казалось, заставлял своего хозяина немного склонять голову вперед. Манеры Шимона были вежливыми и тактичными, голос негромкий и мягкий, хотя легкая возрастная хрипотца время от времени давала о себе знать. Сугубо интеллигентный человек, сомневаться в этом не приходилось. Вот только взгляд его был, пожалуй, немного напряженным. Словно он все время ожидал чего-то неприятного. Мне он показался по внешнему виду и манерам бывшим прибалтом. Во всяком случае похож.

Они одновременно сели в кресла и пододвинули к себе компьютеры. Никто никого сесть не приглашал. Оба сознательно вели себя так, чтобы нельзя было почувствовать, кто у кого в гостях.

Начали с общих тем. Но не о погоде. Вместо погоды у них – я в этом убедился позже – были другие стандартные темы. Начал Шимон.

- Ты не слышал, нет ничего новенького из Пакистана? Там совещание у президента.

- Обойдется. Будем надеяться на лучше.

Сначала меня удивляло, что незнакомые люди, да еще значительно отличающиеся по возрасту, тем не менее друг с другом запросто на «ты» и по имени. Оказалось, в Израиле так принято. Проверено неоднократно.

На правах старшего по возрасту, Шимон перешел к делу.

- Я давно хотел заказать рецензию, но ты стоишь недешево. И только сейчас, с очень важной для меня книгой, я решился на такие расходы. Меир, я давно пытаюсь разгадать причину твоих успехов. Как получается, что после рецензии продажи растут? Все знают, что рецензия пишется за деньги, на правах рекламы. Но читателям это не мешает. И в последнем обзоре ты тоже на одном из первых мест по эффективности. Ведь это факт статистики. То есть объективная реальность.

Я услышал, как Меир ехидно подумал, что эта объективная реальность тоже была оплачена. «Хотя, – не без самодовольства отметил он про себя, - продажи действительно растут. Но даже правда нуждается в поливе».

Шимон вел себя в высшей степени сдержанно и корректно. Но я заметил, что он все время чем-то занимается. То поправит очки, то снимет их и протрет стекла. То слегка дернет себя за ухо. То почешет затылок. Потом потрет пальцем переносицу. Поведет плечами. Он все время был в движении. Не в суете, а именно в движении.

Об этом же подумал и Меир, мысленно повторив свое недавнее изречение: «В сумасшедшем доме нормальными являются ненормальные». Это был перебор, но все-таки у Шимона определенно были какие-то странности при всей его интеллигентности и серьезности.

- И что интересно, ты, Меир, авторов то хвалишь, то разносишь в пух и прах. Как это понимать? Они платят, а ты их потом ругаешь? То есть ты борец за правду? На их же деньги?

- Не волнуйся, Шимон, - я почувствовал, что Меир улыбнулся. - Тебя это не коснется. Все зависит от клиентов. Одни писатели хотят, чтобы их уважали, а для других самое главное, чтобы их покупали. Можно так похвалить, что никто не купит, и так обругать, что в магазинах будут очереди. А тебе бы чего хотелось?

Шимон растерялся.

- Ну-у-у, и чтоб хвалили, и чтоб покупали. Так может быть?

- Может. Но это будет намного дороже.

Шимон со скрытой обидой сказал:

- Но ведь и от качества книги кое-что зависит. Не правда ли?

- Да, если она дойдет до читателя. Но в бескрайнем море книжной продукции она может до него просто не дойти.

Шимон очень расстроился. Это было заметно.

- Да, сейчас есть деньги – есть книга. Каждый пятый что-то не только пишет, но и издает. Миллионы авторов. Все кому не лень. Напечатал на компьютере, обложку подобрал по фотошопу, переслал по Интернету, там же заплатил – и пожалуйста, везде стоит новый автор. Никаких ограничений. Может, графоман, их так просто не отличишь. Заходишь в магазин – и пропадает охота читать. Море необъятное. Да, в этом море без навигатора не обойдешься. Но как это у тебя получается? Как читатель попадает на крючок?

Меир засмеялся.

- Это секрет фирмы, но часть я могу открыть. Прежде всего, как и любой автор, я должен писать интересно, иначе никто рецензию не дочитает до конца. А тогда вообще говорить не о чем.

- Да, я заметил, что всегда дочитывал твою статью. Увлекала. Меир, а ведь это писательский талант.

Шимон, судя по всему, восторгался искренне, не льстил, иначе почему бы он так усердно одной рукой чесал затылок, а другой теребил кончик носа?

- Надеюсь, и ты мою дочитал, хотя бы из чувства долга.

Он явно рассчитывал на активное подтверждение Меира и тоже в сопровождении комплимента; так сказать, обмен любезностями. Но нарвался на очень спокойный ответ.

- Прочитал. Пятьдесят страниц. Тоже с интересом.

- Как? Из двухсот сорока пяти? – Шимон настолько растерялся, что замер в неподвижности. Рука застыла по дороге к очкам.

Меир спокойно и методично объяснил ему, что у него свои приемы работы. С каждым жанром по-разному. Развлекательную литературу он, конечно, читает сразу. Там никаких особых хитростей нет, главное – интрига и более-менее приличный язык.

- Но ведь твоя книга ближе к публицистике. К раздумьям.

- Да, - стал успокаиваться Шимон, – «раздумья» - это отличное определение.

- С таким серьезным материалом, - Шимон расцвел, - я работаю иначе. Поняв стиль и смысл, останавливаюсь на полдороги. Пытаюсь в беседе с автором выяснить то, что осталось за кадром. Его взгляды, позицию. И донести до читателя. Пока общая масса материала не забила свежесть восприятия. Это наиболее перспективное направление рекламы для литературы раздумий.

Шимон задумчиво потер лоб. Снял очки. Он был слишком умен, чтобы принять все за чистую монету. Но даже неглупые люди не способны устоять против лести. Словом, видно было, что он решил принять все сказанное за признак уважения к нему и его труду.

- Ну что ж, пытай меня. Я готов.

Все-таки смена настроений у него происходила с легкостью, необычной для такого солидного человека.

А Меир с удовольствием отметил про себя: «Трюк сработал. Отлично!»

Но мой «хозяин» был профи и к беседе все-таки подготовился. Он знал о клиенте довольно много, наверняка порылся в Интернете. Познакомился с этими сведениями и я – у Меира от меня секретов не было. Оказалось, наш гость начинал как подающий надежды серьезный литератор. Его первый сборник рассказов и первый роман были довольно заметным явлением в израильской литературе. Но потом он довольно резко свернул в фэнтези и стал что называется «клепать» книги, которые в моей юности называли довольно точно - «ширпотреб». Сейчас – я понял из беседы – вся массовая развлекательная литература называется «желтой». Так у них принято. Наверно, это правильно. Любимая тема Шимона - выдуманные люди, выдуманная планета, немного мистики и немного секса. Меир по-деловому, без излишних реверансов спросил, почему произошли такие перемены.

Шимон нисколько не смутился, а как и положено уважающему себя еврею, ответил вопросом на вопрос.

- Вот ты много читаешь. Во много раз больше, чем нормальный человек, - и он радостно рассмеялся своей невольной остроте. - Ха, нормальный человек! Тебе часто попадается хорошая литература?

- Крайне редко, - Меир все время что-то заносил в компьютер.

- И не потому, что сейчас выродились талантливые писатели. А потому, что писать хорошо уже смысла не имеет.

Шимон сделал паузу, надеясь услышать вопрос: «Почему?» Меир молчал.

- Чтобы писать хорошо, кроме таланта, нужно приложить немало усилий. Хорошая книга требует в несколько раз больше сил и времени, чем плохая. Это нелегкий труд. Зачем? Бессмысленно и просто глупо. Какие шансы, что ее найдут в море, о котором мы говорили? Ноль. А если за это время написать несколько «желтых» книг, то по законам рекламы, хоть что-то может дойти до читателя. Кто-то запомнит фамилию. Стоит на витрине целая подборка, уже солидно.

Меир щелкал клавишами. Оратору не мешал. Оратора подгонять было не нужно, только не прерывать. Шимон распался.

- И читателя это тоже вполне устраивает. Читать хорошую книгу сложнее, чем дешевую. Не только писать. Нужно думать, соображать. И при этом затрачивать усилия и время. Поэтому большинство, которое торопится жить, опасаясь просто-напросто ничего не успеть, предпочитает что-нибудь попроще. Какой у меня был выход? Биться головой о стенку? Семья, дети... Есть, правда, еще один путь к успеху – эпатаж на грани извращения, но это не для меня.

Он опять подождал вопроса. Вопросы не было.

- Есть еще одна причина общей серости. Хороший автор всегда пишет с расчетом на будущее. Даже если книга о прошлом. Раньше в сознании человечества всегда было будущее, а сейчас такая мысль и в голову не приходит. Какие там вечности, ценности и идеалы, не до жиру... Даже завтрашний день не гарантирован, не говоря уже о послезавтрашнем.

Меир по-прежнему молчал и, не глядя на экран, что-то быстро печатал.

- Зачем излишне нагружать себя культурой, когда можно использовать отведенное тебе, может, очень короткое время для удовольствия? Люди чувствуют себя бабочками-однодневками. А ведь это

противно природе человеческой. Это не может не калечить душу, какую защиту не изобретай. В какую веру не бросайся.

Меир с улыбкой спросил:

- Не слишком ли это глобальное объяснение падению нравов? Может, есть причины попроще? Сегодня мне один человек, - он имел в виду Авиву, - уже приводил подобное объяснение. В свое оправдание.

В это время раздался звук сирены. Шимон заметно побледнел:

- Это у вас или у меня?

- У вас. На юге. Из Газы. Пойдешь в убежище?

- Нет, я сделал бетонную крышу. Полгода тому назад попал под взрыв, отделался только шоком. Так что прошу меня простить за неадекватную реакцию.

Мы синхронно подумали: «Вот откуда странности». А Меир добавил: «Для сумасшедшего дома он еще достаточно адекватен».

Наступила тишина ожидания. Затем где-то раздался еле слышный взрыв.

- Далеко, - облегченно вздохнул Шимон. - А вот и ответ, Меир, на твою иронию. Иллюстрация к моим размышлениям. К нашим общим размышлениям. Это написано крупными буквами на лице у всех, даже у тех, кому кажется, что он ни о чем таком не думает. В нашем мире все сильнее звучат, я бы сказал, какие-то истерические нотки. Твой человек, о котором ты только что говорил, не очень ошибается. Можно просто ничего не успеть. Вот и бросаются либо в крайний цинизм, либо в фанатичную религию, одно другого стоит. В крайности. Так книга моя и называется - «Крайности». Смысла в жизни ни то, ни другое не добавляет.

Он замолчал, выжидательно глядя в глаза Меиру. Пришлось подбросить дров в затухающий костер.

- Шимон, но вера все же пытается поддержать человека. Ведь каждая религия, каждое учение, каждая мало-мальски приличная секта ищет свое понимание смысла жизни. На том и держатся.

- Вот-вот, вот оно! И что они нашли? Что они нам продают? Только одно - различные способы продолжения существования после смерти, в том или ином виде. Ад, рай, загробная жизнь, реинкарнация, бессмертие души и прочие вариации на эту тему. О чем это говорит, если вдуматься? Они пришли к выводу, что без продолжения в нашей жизни смысла нет. Любая вера - это в сущности замаскированная надежда на продолжение. Я бы даже сказал - мольба о продолжении. А его не будет. И нет особого предназначения человека, связи с мирозданием. С высшими силами. Ничего этого нет.

Меир не перебивал. Заносил все в компьютер. Но я уловил скепсис - это мысль далеко не новая. Впрочем, Шимон, как мне показалось, зашел с неожиданной стороны.

- Тщетная надежда! Есть только факт жизни, а не смысл ее.

Кстати, эту фразу я запомнил, интересная мысль. Шимон между тем продолжал:

- Наша жизнь возникла на Земле путем объективных случайных подходящих условий. И смысла в ней не больше, чем в зарождении амеб. Если бы все закончилось амебами, искали бы их связь с мирозданием? Или смысл амеб? Верили бы, что амебами сверху кто-то руководит? Ну, так получилось - пошло развитие дальше.

Меир прекратил печатать.

- Если не ошибаюсь, ты сторонник теории о пришельцах, которые оставили на Земле...

Гершой пренебрежительно махнул рукой.

- Это только для литературы. Цивилизация из космоса, а мы то ли потомки, то ли всходы их посева... Даже если так, то это не отвечает на вопрос, а только отодвигает его чуть дальше.

- Почему?

- Возникает следующий - а откуда взялась та цивилизация? Вопрос-то остается.

Меир поднял руки, признавая его правоту. А ободренный Шимон продолжал с прежним энтузиазмом:

- Нет уж, просто получили мы волею случая и естественного развития в подарок разумную жизнь. Кстати сказать, амeba и прочая живность на Земле живут уже миллионы лет, а на венец творенья Всевышний не очень расщедрился. Выделил «человеку разумному» с гулькин нос, каких-нибудь от силы десятков-другой тысяч лет. Крохи. Дорожить этим надо. И не строить себе иллюзий, что кто-то старался именно для нас. Если судить по отпущенному времени, то скорее для амeб. И

даже этот – по сравнению с жизнью на Земле – краткий миг гомо сапиенса стремительно подходит к концу. По нашей инициативе. Судя по всему, ждать осталось недолго.

Тут даже неслышимый Меир был заинтригован.

- Почему же ты решил писать эту книгу? Если все бесполезно?

– Из медицинских соображений, - у Шимона опять произошла смена настроения, он неожиданно развеселился, улыбка пересекла его худое лицо от края и до края. – Я почувствовал, что если не напишу и не издам то, что у меня не выходит из головы, то просто взорвусь. Или рехнусь. Окончательно.

Он неожиданно и пронизательно посмотрел нам в глаза и серьезно спросил:

- У тебя возникали уже такие мысли на мой счет, признайся?

Я мысленно сказал: «Да», Меир вслух вежливо сказал:

- Нет.

Мой разум, или точнее то, что от него осталось, активно поддерживал Шимона. Связь с другими мирами, перевоплощение, кто-то всесильный над нами, продолжение земной жизни - в эти чудеса трудно поверить в здравом уме и твердой памяти. Хоть и очень хочется. А как же тогда то, что со мной происходит? Как это прикажете объяснить? Никак не стыкуется! Но впрочем, я никого ни в чем не убеждаю. Я и себя до конца убедить не могу...

Признаюсь как на духу. Если мне иногда кажется, что все происшедшее со мной не больше чем галлюцинации после клинической смерти, то основной базой этих сомнений является логичная и здравая проповедь не совсем адекватного Шимона Гершоя. Но в таком случае и никакой проповеди бы не было! Нет, определенно не стыкуется...

Я не буду пытаться со стенографической точностью передавать все разговоры и события, невольным слушателем и зрителем которых мне довелось быть. Только то, что мне кажется наиболее интересным.

Немного успокаивала мысль, что Шимон сгущает краски, и не все обстоит так безнадежно. Он определенно был заиклен на этой теме до такой степени, что дважды попросил включить новостную программу. Меир, внутренне ругая гостя последними словами, среди которых чаще других звучало определение «чокнутый», тем не менее вежливо это делал. Но как назло, оба раза диктор вносил новые краски, которые подтверждали лейтмотив книги «Крайности». Ракета, взрыв которой мы слышали, попала в стоянку автомобилей. Есть раненые, и один из них в тяжелом состоянии. В Париже обнаружили и обезвредили большое взрывное устройство в одном из центральных магазинов. Обошлось без жертв. На лице Шимона после каждой новости проступало выражение: «Я говорил!» С восклицательным знаком!

Нет, я определенно за эти тридцать лет не много потерял.

Кстати, примерно посредине беседы мы услышали осторожный стук в дверь, затем женский или детский голос сказал:

- Меир, я здесь. Начну с кухни.

- Хорошо.

Он не повернул голову, поэтому у меня не было возможности увидеть, кто это был.

Часа через два беседа закончилась. Меир согласился писать рецензию на оговоренных прежде условиях. Каких – оба собеседника мне не сообщали. Но вздох Шимона при этих словах подтверждал, что для него условия были непростыми. Договорились о еще одной встрече, в четверг, тоже в десять часов утра.

Оба дружно встали, сказали буквально хором: «Было очень приятно», экран потух, аудиенция закончилась.

Португальский кораблик

Меир встал, потянулся, сделал несколько движений. Мне их делать было нечем. Затем мы вышли в коридор. Проходя мимо кухни, Меир задержался и сказал:

- Орна, можешь переходить в комнату. Я немного пройду.

- Хорошо, я здесь почти закончила.

Голос – теперь я мог точно определить – был девичий, но владелицу его я увидел только частично. На нас был направлен средних размеров зад в длинной, широкой темной юбке. Слегка

помятой. Все остальное было под столом и, судя по колебаниям видимой части, что-то там вытирало.

Меир вышел на улицу, прихватив и меня с собой. Он прищурил глаза от яркого солнца, надел слегка затемненные очки - за что я был ему очень благодарен. Не только солнце, но и вся открывшаяся передо мной панорама была очень яркой, насыщенной самыми разнообразными оттенками. Это был настоящий цветовой удар.

В своем недавнем путешествии по памятным местам Израиля – памятным для меня – я разыскал этот район. Он называется Рош-ха-Никра, заповедник и одновременно граница Израиля и Ливана на Средиземноморском побережье. Изумительное место для экскурсий, красивейшие гроты, я там облазил все, что возможно. И теперь не совсем уже различаю, что я видел, будучи в какой-то степени Меиром, а что в эту поездку по Израилю. Помню только, что первое впечатление было каким-то более неожиданным и праздничным. По-майски свежая зелень кустов и деревьев, весело взбирающихся на гору. Часть из них переливалась сочными разноцветными красками – то ли листья, то ли цветы. Фантазмагория! Белые мелованные скалы побережья, бурые безлесные участки горы. Светло-голубая гладь моря, вот оно, совсем недалеко, рукой подать, метров сто-сто пятьдесят, не больше. В таких случаях стандартным является определение «буйство красок», и здесь оно будет к месту.

Но в эту поездку я обнаружил и некоторые отличия от того, что видел во время моей реинкарнации.

Самыми существенными для этого рассказа отличиями были (или будут?) два новых поселения, утопающих в густом и пестром массиве растительности у самого подножия горы. Эти поселения должны появиться только лет через пятнадцать, после уже упомянутого мною пасхального землетрясения. Если мне не изменяет память, они займут часть территории нынешнего заповедника.

Но естественно, все эти подробности я узнал позже, а пока позвольте мне не только не слишком соблюдать хронологическую последовательность и времена глаголов, но и перестать извиняться за это. Извинения и пояснения становятся утомительными. Надеюсь, вы прекрасно сами во всем разберетесь.

Итак, возвращаюсь в будущее. Ближе к морю располагался светский поселок, примерно тридцать коттеджей, беленьких, стандартных, каждый на четыре квартиры. Одна квартира в каждом доме была холостяцкой однокомнатной. В такой квартире, ближней к морю, жил Меир. Мне тогда показалось – он жил в раю.

Другой поселок, через метров пятьсот, подальше от моря, был построен для бывших поселенцев, еврейских ультраортодоксов, которых удалось не без труда эвакуировать из по-прежнему оккупированных Израилем территорий. Таких «добровольцев» пока нашлось не слишком много, и их неременным условием было поселить всех вместе, подальше от светских районов. Может показаться, что поселки расположены слишком близко друг к другу, но это не так. Пятьсот метров, уверяю вас, достаточно солидное расстояние для маленького Израиля.

В религиозном поселке были коттеджи примерно такой же конструкции и размеров, но рассчитанные на две, а то и на одну квартиру - каждая ортодоксальная семья считала своим долгом воспроизвести на свет божий не менее десяти детей.

Все эти сведения я выяснил, порывшись в памяти Меира, который, мягко говоря, не благоволил к своим благочестивым соседям. Но это отношение не распространялось на обычных верующих евреев. Только на ультраортодоксов, которых он считал религиозными фанатиками. Наверно, были для этого основания.

В первый наш совместный с Меиром выход мне удалось обозреть не слишком много. Мой «хозяин» все видел много раз и не стал осматривать окрестности. Глядя прямо перед собой, он прошел маленький дворик, бросил взгляд на невысокий забор из кустов по его периметру, на садовый столик в углу двора, над которым был закреплен небольшой навес от солнца. От соседей участок Меира отделялся стеной чуть больше человеческого роста. На дворе была трава, но на траве дров не было (я пошутил).

Затем Меир повернул в сторону моря и неторопливо зашагал, глядя в основном себе под ноги. По другую сторону не очень широкой, но отлично заасфальтированной улицы, еще немного ближе к морю строился новый коттедж. Меир подумал, что работы идут не слишком активно. Там уже месяца три работали два араба. Один израильский, звали его Саид, а другой палестинский

гастарбайтер, имя которого Меиру не давалось. Проходя мимо, он вежливо поздоровался с рабочими. Саид, мужичок лет тридцати, ответил тоже вежливо, сопровождая «шолом» белозубой улыбкой на смуглом лице. Я бы лично его от сефарда – еврея восточного происхождения – ни за что не отличил. Второй араб, невысокий парнишка не старше двадцати лет, пробурчал что-то не слишком приветливо. И все время смотрел куда-то в сторону. Я его в анфас так толком и не разглядел.

Меир пошел дальше, посмеиваясь над собой за недавнюю, не свойственную ему общительность и демократичность. Воспоминания были свежими, и я даже, казалось, увидел картинку в цвете и звуке. Несколько дней назад, когда был жестокий хамсин, жара и пыль, Меир неожиданно для себя попытался изобразить доброго самаритянина. В его холодильнике в жару всегда стояло несколько пластмассовых бутылок с водой, в которую он по примеру древних греков добавлял совсем немного кислого красного вина. Отличное средство для утоления жажды. И вот войдя в положение жарящихся на солнце арабов, он вынул одну такую бутылку, надел сверху на горлышко два пластмассовых стакана, не поленился перейти дорогу и презентовал ее Саиду. Но демонстрация дружбы народов не удалась.

Саид как обычно расплылся в улыбке, с благодарностью принял угощение, разлил воду по стаканам, стал пить и нахваливать. А палестинец с обычной мрачной миной, полутвернувшись, пригубил воду и вдруг ощерился.

- Вино? – гневно спросил он.

- Здесь есть вино? – продолжая пить, тоже поинтересовался Саид. Его это открытие не слишком взволновало. – Нам Аллах вообще-то запрещает.

И он с удовольствием отпил еще немного.

- Всего пару ложек на бутылку. За такую малость вас из рая не выгонят, - неловко попытался отшутиться Меир.

Судя по всему, палестинец иврит все-таки понимал, потому что в ответ он выдал какую-то злую фразу на арабском.

- Что он сказал?

- Сказал, что есть много способов попасть в рай.

После чего Меир беседу закончил и больше с ними в разговоры не вступал. Он подумал, что этому палестинцу любить его, пожалуй, не за что. И еще подумал, что общаться нужно только с себе подобными. С такими же бабочками-однодневками – припомнился Гершой – как и он сам. И желательно той же национальности. Но тогда выходит, Шимон прав?

Меир шел к морю, упорно глядя себе под ноги. Туда же пришлось смотреть и мне. Краем глаза я видел только отсветы «буйства красок», о которых уже упоминал. Наконец я не выдержал и истерично беззвучно завопил что есть силы.

- Да остановись ты, черт бы тебя побрал! Что ж ты смотришь только под ноги? Какая красота вокруг, чурбан бесчувственный!

Результат был неожиданным. Не сразу, но через несколько шагов Меир остановился, глубоко вздохнул, расправил плечи, поднял голову и – представьте себе – окинул взглядом панораму. Мало того, он подумал: «Почему в последнее время я перестал получать удовольствие не только от природы, но и вообще от жизни. Даже от... - тут он дал такое определение секса, которое я из цензурных соображений повторить не решаюсь. – Хандра, определенно хандра. Нужно что-то с этим делать. И эта ночь была на редкость беспокойной... «.

Но надолго его не хватило, мой «хозяин» пошел дальше, снова глядя себе под ноги.

Еще одна случайность, или Меир все-таки немного реагирует если не на мои мысли, то на эмоции? Сам того не сознавая?

Я попытался командовать – стой, подыми голову, поправь очки! Никакой реакции. Все не так просто...

Меир тем временем дошел до моря, на невысоком обрыве стояло несколько удобных скамеек со спинками, он снял футболку и уютно устроился, подставив плечи для загара не очень злому майскому солнцу. В голове у него (по соседству со мной) зарождались варианты рецензии на книгу Гершоя. Очень интересно было при сем присутствовать. Содержание вам пересказывать не буду, отмечу только, что история с бутылкой воды по рецепту древних греков вошла в замыслы...

Постепенно мне удалось почти отключиться от размышлений Меира и просто наслаждаться морским пейзажем. Вода казалась такой чистой и свежей, что даже у меня, бестелесного, возникло

желание искупаться. Но желтая лента песка вдоль берега была пустынной. И купающихся в море не было. Только левее нас, на расстоянии метров двухсот, расположилась группа в основном немолодых мужчин и женщин. Это были туристы, которые после посещения заповедника устроили пикник на лоне природы. Как я догадался? Очень просто. Оказывается, об этом подумал Меир, а я снова пристроился к нему в кильватер, если продолжить морскую тематику.

Шум развеселившейся компании долетал и до нас. В ход пошло пиво. Меир решил, что это немцы. Пиво пили прямо из горлышка. Может, это англичане? Меир настаивал на немцах. Уж очень аккуратно они бутылки и мусор складывали в пакетики. Он не без ехидства добавил, что во всяком случае на израильтян это не похоже. Ему виднее. И мы дружно перестали обращать на них внимание.

Жаль, что уже практически нельзя купаться в море, думал Меир. Он с ностальгией вспоминал детские годы, когда еще можно было входить в воду где заблагорассудится, хотя и рекомендовалось купаться только в специально отведенных местах под присмотром спасателей. Уже тогда в море были маленькие кусающиеся рыбки, дальние родственницы пираний. Но со временем рыбки подросли и вошли во вкус. Меир выдвинул ногу и взглянул на небольшую вмятину на икре, память о встрече в далеком детстве с маленьким хищником.

Я внимательно прислушивался к его мыслям. Это было интересно.

В последние годы ситуация стала еще хуже. Из Атлантического океана в Средиземное море забрела популяция медуз-убийц. Все газеты писали, что это было следствием все возрастающего нарушения экологического баланса. Нашествие распространялось относительно быстро. От берегов Испании к Италии, Греции, Турции и в конце концов обосновалось по всему побережью. Появлялись медузы рано, в середине мая, исчезали только в августе. Практически все лето было испорчено. Кстати, и до этого весь июль – самая жара – море было забито огромными медузами. Они обжигали, но хотя бы не до смерти. А эти убийцы и жили дольше и были намного опаснее. Если с кусачими рыбками еще можно было сосуществовать – они плавали только внизу, кусали за пятки, икры, но пловцов не трогали, – то медузы были страшнее. Назывались они красиво «португальский кораблик», их щупальца, наполненные сильнодействующим ядом, были до пятидесяти метров длиной. Я даже подумал, что не точно понял Меира, разве такое возможно? Увы, да. Хотя он уточнил, что в распрямленном состоянии. Что это означает, я не совсем понял... Ядовитые щупальца оглушали человека и в большинстве случаев убивали его.

Правительство делало все, что могло. Или почти все. С рыбками бороться было невозможно, но для уничтожения медуз-убийц не так давно даже создали специальную береговую службу. И на официальных пляжах дежурили наблюдатели, которые следили, не появится ли вблизи заметный голубой гребешок, выступающий из воды на 10–15 сантиметров, отличительный признак «португальского кораблика». А специальные катера охотились за ними по всему ареалу израильского побережья.

«О, легки на помине», – услышал я мысленное восклицание Меира, и увидел где-то между нами и туристами на расстоянии метров ста от берега две ярко-голубые полосы, покачивающиеся на небольших волнах довольно спокойного моря.

- А вот и жертвы, – уже вслух добавил он, перенеся внимание на «бивак» туристов.

Там произошли изменения. Пиво начало бродить. Мужчины сняли рубашки, щеголяли в шортах. Некоторые женщины уже разделись до купальников, но не топлес – все-таки группа была возрастная, и распугивать спутников не стоило. А два лысых и крупных мужика с приличными пивными животами пошли еще дальше – они разделись догола и явно намеревались нырнуть в прохладу моря. Их с трудом удерживали две молоденькие и тоненькие девушки, наверно, местные гиды. Удерживали недолго, мужички, ласково похлопав их по плечам, ринулись в воду, подняв кучу брызг, и сразу поплыли. О кусающихся рыбках они, судя по всему, знали.

Их соотечественники сразу разделились на две команды, и стали хором что-то скандировать, вероятно, каждый в поддержку своего фаворита. Они хлопали друг друга по рукам, очевидно заключая пари. Галдеж стоял отчаянный. Пловцы плыли в море, медузы одна за другой медленно, еле заметно двинулись в направлении пловцов.

Меир очень спокойно сказал себе: «Я бы на их месте держал пари, кто из лысых первым отдаст богу душу».

Я пришел в ужас от этого спокойствия. Взывал к совести, матерился последними словами, призывал к действию. «Хозяин» был невозмутим.

Его образ мыслей был примерно таков: «Там есть люди, которые за это отвечают. Добежать я не успею и не вижу в этом необходимости. Тем более что обрыв довольно крутой. Орать как дурак благим матом не буду, тем более никто меня не услышит. А вот доложить, кому положено, это мой гражданский долг».

Законопослушный и не слишком чувствительный член общества не торопясь вынул мобильный телефон, набрал номер. Ответила справочная служба. Довольно долго приятный женский голос расхваливал свою организацию. «Мы самые надежные, мы всегда рады вам услужить...». Потом тот же голос предложил подождать, пока служащий освободится, заиграла приятная музыка. В это время пловцы и медузы неторопливо сближались. Немцы плыли неуклюже и медленно, а медузам... некуда было спешить. Мне казалось, я корчился в судорогах. Меир сохранял удивительное спокойствие.

Наконец справочная ответила. Меир попросил номер телефона срочного вызова береговой охраны. Набрал продиктованный ему номер.

Прозвучал зуммер, затем точно такая же самореклама срочного вызова береговой охраны. Затем тоже приятная музыка. Расстояние между охотниками и жертвами уже сократилось до нескольких десятков метров. Если я правильно понял Меира по поводу длины щупалец, то приближался финал.

Служба наконец ответила. Мужской голос. Меир заговорил неторопливо, взвешенно. Чувствовался опыт, но не волнение. Начал он с того, что попросил не отключаться, пока все не сообщит. Разумное предупреждение, переждать снова рекламу и музыку времени не было. Потом сказал о появлении медуз и дал координаты. Затем сообщил, что два пловца движутся медузам навстречу. И все четко, членораздельно, голос его от волнения не дрожал...

- Они что, идиоты? Не знают, что сейчас опасно?

В телефоне послышался звон посуды.

«Пьет кофе», - понял Меир.

- Идиоты, но они не знают. Туристы, по-моему, - немцы.

- Иностранцы? - На том конце наконец зазвучало беспокойство. Тут тоже ценят иностранцев больше, чем своих. - Срочно высылаю катер.

- Возле нас на горе есть пограничники и вертолеты. Я видел, они стреляли по медузам...

- Хорошо. Свяжусь.

- С кем я говорил?

- Саул, - безропотно ответил дежурный.

«Все, - подумал Меир, - теперь я знаю твое имя, и тебе будет не до кофе. Возможно расследование. Придется приложить максимум усилий. Если сильно поторопишься, успеешь... на похороны».

С чувством исполненного долга он откинулся на спинку скамейки и стал ждать завершения истории. Мягко говоря, не впадая в отчаяние. Это было ужасно. Хочу быть объективным, никаких садистских чувств он не испытывал, скорее сочувствовал. Но не более того.

Может, это было рационально. Но как-то не по-человечески. Я бы на его месте кубарем скатился с обрыва, побежал бы к туристам, крича и размахивая руками. Может, стал бы камни кидать в медуз, хоть они и были далеко. Попытался бы что-то сделать, даже бесполезное...

«Есть ситуации, когда человек помочь не в силах, нужно уметь это признать и не рвать без всякой пользы волосы на голове...»

Разумеется, это он сказал себе, не мне. И продолжал наблюдать трагедию, вступившую в последнюю фазу.

Но жизнь в данном случае поддержала мою точку зрения. Хотя только частично.

Туристы по-прежнему толпились на берегу, продолжая азартно кричать и размахивать руками. В воду зашла только одна довольно полная женщина, вошла по колено, не опасаясь кусающихся рыбок. Она не раздевалась, была в шортах и ярко-красной футболке. Даже на расстоянии заметно было напряжение в ее позе. Наверно, один из толстяков был ее мужем.

Вдруг кто из туристов увидел медуз; он что-то закричал, отчаянно тыча пальцем в их сторону. Очень быстро вся группа поняла, какая смертельная опасность нависла над пловцами. И стали все вместе, хором призывать их обратно. Но уставшие и увлеченные соревнованием, подбадриваемые пивом соперники не уловили разницу - кричат и кричат. Они продолжали плыть навстречу гибели.

И тут женщина, стоявшая в воде, сделала внезапно рывок вперед, вошла по горло в море и неожиданно издала душераздирающий вопль. Она ушла под воду, потом, взбивая пену, вынырнула, и снова раздался отчаянный крик о помощи. Немного отставший пловец – очевидно ее муж – мгновенно развернулся и, не тратя ни секунды, ринулся ее спасать. Откуда силы опять взялись! Жена продолжала очень натурально «тонуть». Первый пловец тоже притормозил, пытался, видимо, понять в чем дело, развернулся и поспешил на помощь. Но у него все было немного замедленно. Скорости ему не хватило. Вдруг он выскочил по пояс из воды – и исчез. Больше на поверхности так и не появился. Над тем местом, где он исчез, вскоре заколыхался голубой гребешок. А второй «кораблик», кажется, изменил курс и двинулся к берегу. Очень медленно, еле заметно. Но если учесть длину шупалец...

Второй пловец уже выбился из сил, но «тонущая» удвоила усилия, и продолжала издавать буквально предсмертные крики. У меня даже появились сомнения – а может, это не игра? Может действительно что-то под водой происходит? Рыбки?..

И вот муж доплыл до нее, и все – на большее у него сил не осталось. Жена перестала кричать и энергично стала тащить его из воды. Это было нелегко. Группа столпилась на берегу, но заходить в море никто не решался – «кораблик» плавал уже совсем близко. Наконец два человека – мужчина и одна из гидов - с криком отчаяния бросились в воду и поддержали достоинство рода человеческого. В обнимку они все вышли на берег, буквально волоча обессиленного пловца. Там их подхватили остальные.

«Счет один один,» – подвел итог Меир.

На берегу оба главных действующих лица упали на песок и - насколько можно было судить издали – потеряли сознание. Часть группы стала хлопотать над ними, а часть безмолвно стояла на берегу и смотрела на победительниц-медуз. Труп не всплывал.

Раздался шум вертолета, он завис над местом трагедии, море рассекли кипящие полосы.

«Порезал лазером. И телу досталось. Ничего не попишешь. А вот и катер. Будет убирать. Погрузить на борт триста килограммов отборного яда тоже непросто. И остатки трупа».

Меир наверняка не первый раз присутствовал на такой операции. Действительно, из-за мыса появился катер.

«Все дальнейшее ясно и не очень эстетично. Пора домой».

Он решительно поднялся со скамейки и пошел к поселку, не оглядываясь.

«Об этом хватит. Если на все реагировать...» - привычной формулой подвел черту Меир и легко переключился на обдумывание очередной рецензии. Больше воспоминание об этой трагедии в его сознании мне не попадалось. Может, в подсознании? Даже и в этом сомневаюсь. Вряд ли. Интересно, он такой толстокожий от рождения или жизнь обкатала? Мои перспективы в новой ипостаси становились все более безрадостными...

В отличие от «хозяина» я не мог думать ни о чем другом, все происшедшее как бесконечная лента прокручивалось у меня в сознании снова и снова. Удивительно, как этой немолодой женщине пришла в голову спасительная идея? Может она когда-то читала нечто подобное? Или опасность привела к мгновенному озарению? Ведь это был наилучший, а может, и единственный способ мгновенно мобилизовать все силы, которые оставались у ее мужа, и даже те, которых уже не было. В любом другом варианте он бы сначала потратил время, чтобы разобраться что к чему. Потом его мог сковать страх. Могли быть потрачены те доли секунды, которые его и спасли.

Вот что значит сильнейший стресс в сочетании с любовью и верностью. Это в равной степени относится и к мужу, и к жене.

А погибший в группе, судя по всему, был один. Один. Нет, дорогой Меир, не все поддается рациональному эгоизму.

Мы приближались к дому. Вокруг по-прежнему была экзотика и красота. Но жить на морском побережье и не купаться летом в жару... Как и в наше время, экологический дисбаланс продолжает жестокие шутки над жителями Земли, наказывая их за безответственность.

Орна

В салоне Орна что-то вытирала на столе. Когда Меир вошел, она медленно, с достоинством обернулась, и я смог ее как следует рассмотреть. Это была девушка лет семнадцати, не больше.

Среднего роста, безусловно не «тростиночка», но ничего более определенного о фигуре сказать было невозможно. Одета она была совсем не так, как две представительницы нового времени, с которыми я уже познакомился. Наверно, очень похоже одевались женщины две тысячи лет тому назад. Серая с длинными рукавами то ли кофта, то ли рубаша из не слишком тонкого материала, так и тянет сказать полотна, заправленная в неопределенной формы юбку, более темную, но еще более плотную, едва не касающуюся кромкой пола. Одежда не выглядела грязной – не буду брать грех на душу, – но уж не глаженной была наверняка. Из стиральной машины на веревку и затем на хозяйку – вот ее путь. И это объяснимо: в жарком климате Израиля ее приходилось стирать ежедневно, но уж гладить – сил не напасешься. Одетые по минимуму светские граждане Израиля носили либо что-то самовывравнивающееся и обтягивающее, либо нарочито мягое и, естественно, выглядели намного элегантней. Словом, я сразу же признал (разумеется, не без помощи Меира) в Орне дитя ортодоксального религиозного еврейства. Даже шея была прикрыта каким-то бесформенным и довольно-таки мягким воротником.

Все в Орне от пола и до этого злосчастного воротника выглядело допотопным, бесформенным и невыразительным. Но зато ее верхняя видимая часть была вполне симпатичной. Она не была красавицей, да к тому же совершенно не пользовалась макияжем, без чего мы женщин в любом возрасте уже не воспринимаем. Но многое заменяла свежесть молодости. Лицо ее было продолговатой формы, немного смуглое, как и положено еврейке марокканского происхождения, хотя светлее, чем у Ронит, скорее матовое. Может, потому, что она не загорала? Аккуратный носик, средних размеров лоб, хорошо очерченные и немного пухлые губы, чуть вопросительно приподнятые тонкие брови. Все в пределах пропорции и нормы. Как и часто бывает, глаза являлись решающим фактором для принятия решения, насколько симпатична их хозяйка.

Не хочу обидеть марокканских евреек, но у них глаза довольно часто располагаются слишком близко к переносице, и это придает лицу постоянно недовольное выражение. Но у Орны они были большие, безусловно выразительные и широко расставленные. Мне они показались черными, но временами в них появлялся медный отблеск, особенно тогда, когда в ней загорался интерес. Определение «загорался» я выбрал не случайно, в таких случаях, похоже, словно кто-то внутри щелкал переключателем, светились и широко распахивались глаза, вся она подавалась вперед, даже волосы, казалось, увеличивали художественный беспорядок на ее голове. О волосах стоит рассказать особо. Не о прическе, потому что таковой не было. Блестящие черные, слегка волнистые, довольно густые и не слишком длинные волосы были чисто вымытыми и ухоженными, а это всегда очень заметно со стороны. Хаос на голове выглядел естественным и даже каким-то продуманным. А может, так и было, может, не столь Орна была непосредственна, как мне казалось? Нет, вряд ли. А впрочем... Иногда какая-то прядь падала ей на глаза, и она лихо сдувала ее, очень симпатично выпятив нижнюю губу. Я такое видел только в кино, а в жизни не приходилось. Но ведь Орна в кино этого видеть не могла. У жителей соседнего ортодоксального поселка – я потом узнал – с этим было строго. Только относительно недавно в их общине разрешили смотреть одну программу по телевидению – специальную для ортодоксального населения. Там, кроме чтения торы и обсуждения этого чтения, практически ничего не было. Иногда театрализованные иллюстрации все на ту же тему. Судя по всему, в знак протеста против растущего на глазах легкомыслия и деморализации светского общества, ультраортодоксальные общины отодвинулись еще как минимум лет на тысячу-другую вглубь веков.

В обычном, не «включенном» состоянии Орна двигалась неторопливо, говорила чинно и серьезно. Наверно, так она представляла себе правильное поведение религиозной еврейки, связанной с тысячелетиями истории. В это время на лице ее и в не очень легкой походке можно было заметить уже накопившуюся усталость – она была старшей дочерью в доме, где росло девять детей, со дня на день ждали десятого. Старше ее – на три года – был только один брат, но тот давно сиднем сидел в ешиве и в помощники не годился. Я не раз слышал, как она говорила Меиру, что ходит к нему на уборку в надежде отдохнуть от вечных забот, а главное, от непрерывного шума и гама. Восемь детей в одной квартире, представляете себе это? И начинаются летние каникулы, когда они все будут в доме круглые сутки. Иной раз она появлялась совсем без блеска в глазах и даже с опущенными уголками губ, что было странно в ее возрасте. Но уже через час-другой выпрямлялась, движения становились легкими и даже почти изящными (до изящных она все-таки не дотягивала, видно было, что в «институтах, школах танцев и фитнесах» не обучалась). Иной раз даже начинала что-то

мурлыкать вслух. И это несмотря на работу, правда, не слишком тяжелую. Да и Меир ей время от времени говорил: «Куда мчишься, отдышись. Не так много работы, чтобы надрываться».

Наверно, он ее жалел. А Орна пугалась. Она приходила шесть раз в неделю, кроме субботы, по условиям договора на два часа, но они, как правило, выливались в четыре. И очень боялась, что малина кончится, что ее снова зашлют на постоянное отбытие срока в семью. Без отпуска и выходных.

Орна была девочка работающая. В пятницу она с семи утра до десяти убирала у живущей через два дома от Меира бабы Розы, а к десяти появлялась у Меира.

Баба Роза несколько лет тому назад овдовела, дети и внуки уехали в Америку, в Израиле она осталась в своей неплохой трехкомнатной квартире. Но одна. Старушка в Орне души не чаяла, кормила и поила ее, ждала как дорогого гостя.

И все-таки местом у Меира Орна дорожила гораздо больше. Здесь, кроме приличного заработка, был другой мир. И в этот мир входил телеэкран и компьютер, которыми она пользовалась вопреки официальному распоряжению отца и формальному запрещению Меира. С этой темы и начался первый их разговор, на котором я присутствовал в качестве невидимого соглядатая.

- Меир, - солидно и по-деловому начала она, - ты знаешь, какие последние новости из Индии?

- Не знаю и знать не хочу, - буркнул Меир.

- Как ты можешь? Это смертельно опасно для всех.

- Мы в состоянии что-то изменить? Если на все реагировать, никаких сил не хватит.

- Я тебя иногда не понимаю, - это прозвучало довольно смело.

Меир развеселился.

- Только иногда? Это не так плохо.

Орна смутилась.

- Ну ладно, - в этот момент в Орне щелкнул «переключатель», и она заговорила быстро и энергично. Даже тон голоса изменился, стал выше. – Действительно, ужас что творится. Тысячи индусов бросились в провинцию Кашмир, там живет много мусульман, и считается, что ни Индия, ни Пакистан их бомбить не будут. Но начались драки с местными мусульманами, уже есть жертвы. И немало. Смотреть на это просто невозможно!..

- А кто тебе разрешил смотреть? Я обещал отцу, что ты телевизор включать не будешь. И компьютер, кстати, тоже.

Орна потухла. Безнадежно махнула рукой.

- Отец. Он больше для меня рав Барух, чем отец. Он думает - главное, чтобы не было соблазнов. Не видеть и не слышать того, что тебя не устраивает. Истинно верующий, - в голосе Орны появился металл, – не должен бояться соблазнов. Он должен их преодолевать. И что это за вера, которой страшны испытания?

- Ух ты, - еще больше развеселился Меир. – Так я скоро пойду в ешиву. Ты меня перевоспитаешь.

- Смейся, смейся, - смутилась Орна, - а дела вокруг такие, что пора всем о душе подумать. И тебе тоже. Как бы не опоздать.

На меня эта фраза произвела впечатление. На него, судя по всему, не очень.

Меир уселся за стол, пододвинул компьютер. Работать по-прежнему не хотелось. Он вздохнул и повернулся к Орне. Та уже собиралась уходить из салона, но уловив желание хозяина продолжать разговор, с готовностью остановилась.

- Вот ты и подумай о душе, - насмешливо продолжил Меир. – Чти отца своего. Почему не слушаешь его? Почему включаешь телеэкраны?

Снова возмущенно загорелись глаза, и волосы пришли в движение.

- А что я должна делать? Смотреть только наш единственный канал? Я о Торе знаю не меньше, чем бубнят нам телераввины, все как один косноязычные. Или читать газетку на двух листочках, где тоже о делах в мире ничего не пишут? Если бы я не покупала нормальные газеты – за твои деньги, Меир – и не записалась в библиотеку, тоже без разрешения отца, то о чем бы мы говорили?

- А родители знают, что ты читаешь? Их взгляды на воспитание...

- Меир, у нас девять детей, ждем десятого. Плюс ешива. Откуда у них время и силы на воспитание? Я ничего давно им не рассказываю. Или совру, чтоб не ругались.

- Я не помню, есть в Торе такая заповедь – не обмани?

- Такой заповеди нет, – она неожиданно засмеялась. Смех был приятный, а улыбка ее определенно украсила. – Если бы была такая заповедь, то евреи бы давно вымерли вместе с другими народами. А мы до сих пор живы.

- Ты, оказывается, опасный человек. Что из тебя получится, когда вырастешь?

- Вырастешь... - покраснела от возмущения Орна. – Мне уже... будет семнадцать.

- Ты действительно непредсказуема. Отец меня предупреждал, что нужно быть с тобой постороже. А почему тебя называют «пцаца»?

Я вначале это слово перевел как «бомба», но Меир представил себе самодельный заряд взрывчатки; вероятно, это связано с привычными представлениями о терроре. По-русски «бомба» звучит не совсем точно. Поэтому я буду использовать слово «пцаца» – с ударением на последнем слоге - без перевода. Тем более, мне кажется, оно как-то сочетается с обликом Орны. Созвучно.

Орна задохнулась от возмущения.

- И это тоже отец обо мне рассказал?

– Да, он сказал, что как честный человек должен меня предупредить. И сказал, что года три тому назад ты стукнула старшего брата бутылкой по голове, так что он потом неделю провалялся в больнице. И двух подруг отдубасила, еле тебя от них оторвали...

- Меир, - буквально прошипела Орна. - Я пойду на кухню. Обед готовить. От греха подальше...

Она нарочито спокойно и неторопливо повернулась, вышла из салона и аккуратно прикрыла за собой дверь.

- Пцаца на сей раз не взорвалась, - вслух сообщил себе Меир и нехотя повернулся к компьютеру.

Начались мои пытки. Он опять включил программу авточтения, снова боль овладела всем моим сознанием. Нужно было срочно искать противоядие, чтобы не сойти с ума. Я перепробовал различные варианты, но так и не нашел способа уменьшить муки. Где-то около часа меня поджаривали на сковороде. Этот час мне показался вечностью – в аду. Утешило только то, что Меир дал себе обещание в обозримом будущем авточтение не включать. Да, пожалуй, он все-таки испытывал какие-то негативные ощущения от моих страданий.

Прервала мои мучения Орна. Она появилась в дверях и очень спокойно, как ни в чем не бывало, сказала:

- Меир, иди обедать. Сегодня пятница, мне уже скоро пора домой.

Она не притворялась спокойной, скорей всего была действительно не злопамятной. Меир, не повернув головы, сказал:

- Ты еще не приняла душ и не переоделась. В таком виде я тебя к столу не пушу.

- Но Меир...

- Орна! – это уже с раздражением.

Я услышал, как захлопнулась дверь. Дисциплина в этом доме все-таки была.

Меир с облегчением закрыл компьютер, сделал несколько физических упражнений – мне кажется, это было для него делом привычным - и пошел на кухню. Там вкусно пахло. Оказывается, запахи я ощущал – тоже через обоняние «хозяина». На плите в прозрачной синтетической посуде довольно аппетитно выглядели - не только пахли - цыпленок, тушеные овощи, что-то на первое, кажется, это был бульон. Какие-то приправы, мне неизвестные. Увы, слюнки у меня не потекли, желудочный сок не стал выделяться... Но хватит жаловаться, я вас уже достаточно приучил к мысли, что у меня остался только голый разум. В том количестве, в котором он у меня был. К сожалению, отсутствие желания участвовать в трапезе оказалось еще не самым тяжелым разочарованием в моем новом качестве. Меня ждали испытания покруче. Но не будем забегать вперед.

На столе стоял только один прибор. Меир проворчал:

- Каждый раз одно и то же.

Установив напротив первого прибора еще один, помыл руки под краном для посуды – ванная занята. Был этим нарушением санитарии очень недоволен – он, кажется, у нас педант. Уселся за стол. Стал про себя ворчать, что с его стороны это непорядочно – готовка в ранее оговоренные обязанности домработницы не входила. Только уборка.

Тут появилась розовая и помолодевшая – еще! – Орна. Вместо рабочей одежды на ней была другая, которая отличалась от предыдущей только тем, что на этот раз верх был темнее низа. Все остальное под копирку, включая замятый воротник.

Она приняла новый прибор как должное и стала весело раскладывать порции.

Меир все тем же недовольным тоном вслух сообщил то, о чем думал недавно про себя.

Где-то посредине тирады Орна его довольно бесцеремонно перебила:

- Это у нас как чтение недельной главы Торы. Обязательное блюдо. Меир, мы не договаривались и насчет моего питания. Правда? – она уселась напротив и со вздохом продолжила: – Дома бы я не могла готовить то, что мне нравится. И так вкусно. Ты же знаешь, мы очень бедно живем. Во всем отказываем себе. И на наряды тоже денег нет. Все собираюсь на твои деньги купить что-то получше, чтобы не позорить своего знаменитого хозяина. А что делать? Из одиннадцати человек – ждем двенадцатого – только я работаю. Да отец в ешиве стипендию получает. Все остальное на пособие. Каждая копейка на счету.

- И все равно как-то это нехорошо. Мы с твоим отцом договаривались...

- А одному сидеть и жевать покупную пиццу лучше? – Орна почувствовала, что переборщила и застеснялась.

Меир только погрозил пальцем. А сам подумал, что он действительно стал привыкать к нормальной еде и к общению с «этим нахальным младенцем». Вот для сравнения, по субботам к нему приезжает Ронит, но во-первых, она любит, чтобы ее угощали и за ней ухаживали, а потом... Нет, с имеющей первую академическую степень девицей разговор не слишком получается. Правда, зато отлично получается все остальное, потому что, пожалуй, только это остальное по-настоящему Ронит и интересуется.

А Орне еще все в этой жизни интересно, и она слушает Меира как пророка. Хотя не боится вступать в споры и пререкания. Ну, это у нее типично еврейская черта – твердая вера совместно с неукротимым желанием возражать... Но все в пределах естественного такта, который неожиданно для Меира оказался у почти беспризорного члена многодетной семьи. Все-таки уважение к старшим было в их среде скорее всего органичным. Одна из немногих, с точки зрения Меира, положительных черт ортодоксального воспитания. Зато бесконечные условности, ограничения, ханжество. И даже невежество во всем, что касается современной жизни. Хотя «нахальный младенец» с этим невежеством борется по собственной инициативе и безуспешно. И говорит вполне прилично, куда лучше, чем заикленные только на одной Торе ортодоксы, с которыми Меиру доводилось общаться...

Они с аппетитом ели, переговаривались друг с другом привычно и неторопливо. И обед и беседа им давались легко. Время от времени наступали естественные паузы. А когда кто-нибудь продолжал заброшенную раньше тему, то другой сразу улавливал, о чем речь. Подхватывал мысль без напряжения. По-моему, это было признаком взаимопонимания. Так было и при очередном витке разговора.

- А кто вас заставляет? Зачем иметь десять детей...

- Пока девять...

- Если их нельзя содержать прилично. Это же люди, а не стадо баранов.

- Господь нас учит...

- Не наговаривайте на него. Если вам поверить, он какой-то садист.

- Меир, не богохульствуй!.. – Орна в ужасе закрыла глаза. Потом открыла. Меир по-прежнему сидел на месте неиспеленный. Тогда она мысленно искала возражения, и конечно, нашла стандартное и привычное.

- Если бы не мы, то евреев бы уже давно не было. Много веков мы хранили...

Меир только пожал плечами.

- Я не спорю. Но сколько можно жить тем, что было? И это не повод, чтобы тащить всех за волосы назад к предкам. В пещеры. Орна, я не богохульствую. Это вы возводите на Бога напраслину. Зачем Он вас создал? Чтобы вы отказывали себе в радости, соблюдали кучу мешающих жить условностей? Носили неудобную одежду? Рожали бездумно, безответственно и без конца? Для этого вы появляетесь на свет?

- Господь сказал: «Плодитесь, размножайтесь».

- «Соображайте, когда размножаетесь», - этого он не сказал?

Орна собралась с силами и ответила на пределе серьезности:

- Нас Бог создал для того, чтобы мы Ему служили и славили Его. Мы народ Бога. Служить Ему – главное в жизни еврея. И славить.

Меир неожиданно и довольно ехидно засмеялся:

- Это ж надо до такого додуматься – Бог создал нас для того, чтобы Ему служили и Его славили. «Я сам их создал специально для того, чтоб они Меня же и славили!». Это что-то запредельное. Такое тщеславие! Это чересчур даже для Бога. Нет, вы определенно на него наговариваете. Ваши раввины. Если пастырь говорит: «Главная цель человека – служить Богу, для этого вас Господь создал», - все, с этим пастырем и с его богом не о чем больше разговаривать.

Орна забыла закрыть рот. Такие мысли в ее юную головку не приходили. А Меир продолжал с еще большим сарказмом:

- И уж если вы Ему служите, то пусть Он вам и зарплату выдает. Почему вы сидите на пособиях государства, то есть за счет работающих?

Прямых возражений Орна не нашла, поэтому просто перешла в контрнаступление по проверенному принципу «сам такой!».

- А что, лучше так, как у вас? Ходить голыми, всем напоказ? Не жизнь, а какая-то сплошная собачья свадьба. Это лучше? – чувствовалось, что возмущение в ней зрело давно. – Содом и Гоморра какая-то.

- При чем тут Содом и Гоморра?

Орна покраснела, долго колебалась, видно было, что она изо всех сил старается сдержаться. Уважение к старшим, к хозяину и все такое прочее... Но соблазн оказался сильнее.

- Меир, я каждый день убираю твою кровать. Я же не слепая. Два, а то и три сорта шпилек утром... и волосы разного цвета...

Мне показалось, что Меир покраснел. Во всяком случае, должен был бы, по моему мнению...

- Все, детям до шестнадцати лет это кино обсуждать не разрешается.

- Мне уже шестнадцать.

- Смотри, как бы я не превратил тебя в соляной столб. Тогда будет и Содом и Гоморра.

Нет, мне показалось. Мой «хозяин» никак не реагировал на разоблачение. Он искренне считал это вполне нормальной ситуацией. Впрочем, я не был уверен в том, что понял Орну правильно.

Но судя по всему, мои подозрения имели основания. У Меира действительно был дефицит моральных установок, на мой взгляд, даже минимальных. Когда Орна встала и направилась к мойке для мытья посуды, он, глядя ей вслед, мимоходом, небрежно подумал: «Интересно посмотреть, какая у нее фигура под этой хламидой. Как-нибудь стоит вроде бы случайно заскочить в ванную, когда она будет под душем».

Я возмутился до крайности, буквально вскипел от такого цинизма. Словно в ответ Меир только пожал плечами: «А что такого? На Востоке девушки взрослеют рано».

И даже пошел дальше:

- Интересно, зачем Господь создал твое тело, если его никто не видит и никогда не увидит? Даже муж.

Орна покраснела до корней волос. Отвернулась к мойке. Но промолчала.

Они были, безусловно, из разных миров.

Утешало только одно – нетерпимости в их отношениях, несмотря на противоречия, не было. Меир разговаривал с ней с мягкой сочувственной иронией, а она в свою очередь старалась не переступать границы уважительного отношения к его возрасту, положению и знаниям. Разговор продолжался все так же спокойно, без внутреннего напряжения. По-прежнему неторопливо, с паузами. Как ни странно...

Орна быстренько вымыла посуду, протерла стол. Сказала, что список покупок на следующую неделю висит, как обычно, на дверце холодильника, и попрощалась до воскресенья. В будни она появлялась после четырех часов дня, потому что училась в девятом классе – в переводе с Меира на русский – церковно-приходской религиозной школы. Разумеется, еврейской. В том, чему их там учили, опять-таки по мнению Меира, была только одна приятная идея: женщина произошла не от обезьяны, а из ребра Адама. Мысль, что женщина родом из обезьян, была ему неприятна. Мужчина еще куда ни шло. Все остальные темы обучения в реальном мире применения не находили. Я не берусь оспаривать это мнение. Все-таки ему виднее...

Орна ушла. Меир побродил по кухне, попытался что-нибудь положить на место – ничего подходящего не нашел. «Младенец» все убрал качественно.

- Ну что ж, пора на заслуженный отдых, как обычно, - громко сказал он. Я обратил внимание, что у него уже появилась привычка одинокого человека – думать вслух.

Он на скорую руку принял душ. Стол и кресла поставил на место, пульт вернул на прикроватный столик – аккуратный и педантичный холостяк. Кстати сказать, когда просыпался, то обязательно снова переносил стол вплотную к экрану. И не лень было? Снял шорты и улегся в кровать. Затем связался с секретаршей и вежливо попросил позвонить ему через два часа. Как обычно. А пока ни с кем не соединять.

Через несколько минут он уже спал. Это и было - «как обычно». Его мозг при столь напряженной работе нуждался в обязательном дневном отдыхе.

А я? Я то ли дремал, то ли бодрствовал. Стало довольно темно и тихо. «Хозяин» почти отключил мои контакты с внешним миром. Наконец-то меня перестала оглушать масса новых впечатлений, и можно было попытаться хотя бы приблизительно представить себе, что меня ожидает. Останусь ли я навсегда «пришпиленным» к Меиру или сольюсь с ним и исчезну навсегда? Скорее всего второе. Никаких даже самых туманных ощущений, что кто-то живет внутри моего сознания, у меня никогда не было, и вероятно, точно так же произойдет и с Меиром. Вряд ли мой случай станет исключением из правил.

А хотел ли я им стать? Рано делать выводы, да и приглашения я еще не получил. Придется ждать развития событий.

Мои невеселые размышления были прерваны на самом интересном месте. Внезапно словно в тумане появилось цветное изображение. И звук. Приглушенная космическая музыка. Изображение становилось все более четким, но по-прежнему фантазмагорическим, нереальным. Я понял – Меиру что-то снится. Да, это был сон.

Голубое небо. На белом облаке весь в белоснежных одеждах сидел, судя по всему, бог. Он был не то очень обижен, не то рассержен поведением и образом жизни Меира.

- Зачем ты живешь, без цели и без смысла? Одно легкомыслие и цинизм. Как бабочка-однодневка, - строго, но почему-то голосом Шимона Гершоя спросил бог. И добавил уже голосом Орны: - Дела вокруг такие, что пора всем о душе подумать. И тебе тоже. Как бы не опоздать.

Меир стал шевелиться и даже постанывать.

Я присмотрелся к богу. Он был лысым. И кого-то мне напоминал. Туман рассеивался, и я узнал... себя! Вот это да! Как я мог сниться Меиру, который не только меня никогда не видел, но даже не подозревал о моем существовании? Так значит, связь все-таки существует?

Меир вздрогнул, проснулся и сел. Тряхнул головой, прогоняя наваждение.

- Что за черт! Приснится же такая чушь. Лысый господь бог! Тьфу, какая гадость.

Это уже было обидно...

Меир снова лег, перевернулся на другой бок и через минуту спал сном праведника. Железная нервная система. Можно только позавидовать.

А я продолжал думать свою думу. Но с постепенно угасающим энтузиазмом. Мое сознание тоже нуждалось в отдыхе.

Элиягу

Очнулся я от нескольких вспышек света. Это «хозяин» промаргивался, что вполне естественно для человека после здорового сна. Потом мы оба сладко в унисон зевнули. Он потянулся, бодро вскочил с кровати и снова сделал несколько физических упражнений – к этому я уже стал привыкать. Потом душ, потом стакан чего-то непонятного, заранее приготовленного Орной – он не забыл ее мысленно поблагодарить. Потом Меир вернулся в салон, решительно воссоздал рабочее место и уселся перед компьютером. А я отчаянно и безнадежно то ли взмолился, то ли просто завыл – нет, умоляю, ни в коем случае не включай свою адскую машину авточтения!

Меир включил компьютер. И застыл в нерешительности.

«Чем заняться? Книгу Гершоя я уже днем закончил. По плану нужно бы пробежать роман мадам Бейль «Я на всех и все на мне», эротическая муть. Женщины, как всегда, в первых сексуально озабоченных рядах. Не вдохновляет...»

У меня появилась надежда, и я добавил стенаний и даже угроз. В том смысле, что я могу двинуться, как говорят в Одессе, мозгами, а это дело заразное. Его мозги размещаются вперемежку с моими. Но больше, конечно, слезно молил.

«Ладно, - решил «хозяин», - начну писать рецензию на Гершоя».

На этот раз я издал такой вопль восторга, что если бы мог действительно зазвучать, то заткнул бы за пояс любого индейца или Гарзана.

«Смотри ты, даже настроение улучшилось, - одобрил мои старания «хозяин». - А действительно, до чего нелепо тратить силы на просеивание этой желтой мути. И потом рекомендовать людям оглуплять себя всякой чушью. И сам волей-неволей становишься идиотом. Все-таки при чтении никогда не удастся полностью отключать мозги. И все труднее их промывать...»

Нет, что ни говорите, а связь между мной и «хозяином» прослеживалась. При должной настойчивости я мог бы попытаться сыграть роль серого кардинала.

Меир начал печатать будущую рецензию. За этим процессом я мог следить без напряжения. Даже читать, потому что он писал по-английски. Этот пока еще полуфабрикат был неглуп, оригинален и безусловно вызывал интерес. Мое мнение о способностях «хозяина» находило реальное подтверждение.

Так мы дружно работали часа два. Прервал работу зуммер мобильного телефона. Он был в кармане шорт Меира. Значит, мобильные телефоны дожили и до их времени...

Я услышал мужской очень напористый и решительный голос.

- Привет, Меир. что новенького?

- Привет, Эли. Все хорошо. Работаю.

- Брось, - безапелляционно заявил Эли. – Я знаю, что по пятницам ты работаешь до шести. А сейчас шесть минут седьмого. Дружище, я недалеко от тебя. Еду в часть. Хочу к тебе заехать на полчаса. Есть серьезное дело.

Меир расстроился. «Знаем мы твое дело. Опять Авива. Ты меня достал до печенок».

Но вслух вежливо сказал:

- Я хотел поработать. А о чем пойдет речь?..

- Это не телефонный разговор, - отрезал Эли. – Буду через двенадцать минут. Виски у меня с собой. Сто долларов бутылка, вкус изумительный.

И он повесил трубку.

«Я никогда не мог с ним бороться, - безнадежно подумал Меир. – Столько лет его знаю и не найду противоядия. Он мной командует, как своими солдатами. Впрочем, он с детства был такой. Как танк. И кличка в классе была у него «Миркава». Еврейский танк».

Судя по командирскому голосу, мне казалось, что должен появиться некто такой бравой и подтянутой - военная косточка. Офицер лучшей армии Востока. И большое впечатление на меня произвело указанное время прибытия: не через десять или пятнадцать минут – как сказал бы человек гражданский – а через двенадцать. Но получилось не совсем так.

Где-то через полчаса раздался звонок в дверь. Меир пошел открывать. На пороге возник человек в военной форме, которая довольно небрежно сидела на нем. Пилотка в перекрученном погоне. То ли гимнастерка, то ли рубашка цвета хаки была чуть скособочена. Брюки слегка вытянуты на коленях и немного помяты. Ботинки грубые, на толстой подошве, нечищенные. Нет, подтянутости и молодцеватости в нем я не обнаружил. А время прибытия... тут армейская привычка указывать точные сроки боролась с израильской тенденцией вечно опаздывать. Победила тенденция.

В последнее посещение Израиля я убедился, что в чрезмерной аккуратности и подтянутости израильских военнослужащих от рядового до генерала обвинить нельзя. Скорее наоборот. Но армия-то воюет хорошо! Может, действительно главное – чтобы солдату было удобно? Не знаю. А с другой стороны, вроде бы разболтанность... Нет, не берусь судить.

Но вернусь к Эли. Среднего роста, крепкого телосложения. Есть подозрение, что в будущем будет склонен к полноте. Но пока это только намек на нее. Темные, коротко подстриженные волосы. Продолговатая с довольно мощными челюстями физиономия. Лицо - несмотря на загар – выдает европейское происхождение, кожа от природы светлая. Темные очки с диоптриями не снимает: не то дальновзоркость, не то близорукость. Довольно симпатичный, какая-то мужественность вперемежку с легкой небрежностью в нем есть. Вполне может нравиться женщинам. Это все я определил по внешним параметрам. А внутреннее содержание...

Он пробыл у нас около часа, и за это время у меня сложилось довольно полное впечатление о нем. Помогли мне в этом его разговорчивость и саркастические возражения и замечания Меира, чаще всего мысленные.

Родителей Эли привезли из Польши еще в детском возрасте. Так что он был настоящим сабром – рожденным в Израиле. Их семья покинула Польшу в конце семидесятых годов прошлого столетия. Тогда, когда партийный босс Гомулка объявил «пятой колонной» последние тридцать тысяч евреев, еще не убежавших от местного социалистического антисемитизма. Это были жалкие остатки некогда мощной диаспоры. Конечно же, вся семья изгнанников стала убежденными сионистами – не без помощи польской общественности. А у Эли странным образом сочетались еврейский патриотизм и гордость за свое европейское происхождение. Он объяснял это тем, что каждый еврей должен помнить не только о древних национальных корнях, но и корнях галутных. Впрочем, Меир считал, что в этом есть скрываемое даже от себя сознание превосходства ашкеназов перед сефардами. Иначе почему бы Эли время от времени смачно произносил «пся крев» - других польских слов он уже не помнил. И слишком часто повторял фразу «ваша восточная ментальность...» по поводу и без повода.

Они учились в одной школе, довольно часто сталкивались – Израиль маленькая восьмимиллионная деревня. Но настоящей близости между ними не было. Эли был человеком активным, боевито-политизированным и в этом смысле, безусловно, мог считаться полной противоположностью Меиру и его демонстративно эпикурейскому отношению к жизни. Я так до конца и не выяснил, была такая позиция моего «хозяина» протестной или вызванной необходимостью – безнадежным и бесконечным напряжением.

Но в последнее время Эли зачастил. И причину этого ни от кого не скрывал – он явно «запал» на Авиву. Она – по его убеждению - была самой серьезной женщиной в их компании, и если бы не разлагающее влияние общества и лично Меира, из нее вполне мог бы получиться отличный человек. Это следовало понимать так – человек достойный самого Эли. К этому времени Меир уже практически разошелся с Авивой и переключился на Ронит. Что означает понятие «практически», которое мысленно употребил Меир, я тогда не понял. Но опять-таки внутренне, Меир соглашался с Эли и по поводу достоинств Авивы и по поводу характера его негативного влияния. Но особого раскаяния в нем я не обнаружил. До сих пор ни в чем похожем на самокопание или, упаси бог, раскаяние «хозяин» мною замечен не был.

Все усилия и недюжинное упорство Эли направил на то, чтобы оторвать Авиву от этого порочного окружения. И сейчас он приступил к намеченной цели сразу же после обычных для израильтян автоматических приветствий:

- Что слышно?

- Все в порядке. Что нового?

- Все прекрасно.

Отодвинув плечом зазевавшегося Меира, Эли прошел прямо на кухню, на ходу вытаскивая из кармана брюк бутылку виски с эффектной наклейкой.

- Давай стаканы и маслины, я сейчас еду на границу с Сирией по меньшей мере на неделю, неплохо бы минералки, и хочу кое о чем тебя попросить. Это касается Авивы.

«Ну вот, началось», - безнадежно подумал Меир.

- Насколько я понял,.. сыр тоже можешь добавить, у тебя с Авивой все давно закончилось?

- Закончилось, - соврал Меир. Точнее подумал, что соврал. Интересно, почему? Вроде бы действительно закончилось?

- Я очень хотел бы, чтобы ты не втягивал ее в ваше болото.

Эли не церемонился. Меир на это отреагировал с ленивым безразличием. Достал банку маслин, тарелки, вилки. Сыр. Попутно пытался поменять тему, но неудачно.

- Постой, ты же должен быть на территориях?

Эли прекратил разливать виски и уставился прямо нам в глаза.

- Откуда ты знаешь? А где минералка? Ты опять разговаривал с Авивой? Меир, я же просил!

Слово «просил» звучало, как «приказал».

- Нет, - соврал Меир, - Ронит сказала, что ты все время на территориях.

Эли долил виски в свой стакан.

- Лехаим.

- Лехаим.

Этот тост я знал и без перевода.

Они сели и стали закусывать маслинами и сыром.

- Изумительное виски.

- Прекрасное, - соврал Меир. Виски ему не нравилось.

- Я скажу тебе напрямую, не люблю хитростей... Сыр острый, это хорошо. Надеюсь, что ты не будешь с ней созваниваться, а тем более видеться. Оставишь ее в покое.

- Конечно, о чем речь, - соврал Меир, даже не моргнув глазом. Если бы моргнул, я бы это заметил.

- Я прошу тебя по-хорошему.

- А что, может быть по-плохому? – не выдержал пассивный нейтралитет Меир.

- В наше сумасшедшее время чего не бывает. Я твердо решил насчет Авивы. А меня, подвинь мне маслинки, ты знаешь, остановить трудно, пся крев.

- Тебя не остановишь, - опять соврал Меир. На него командирские замашки Эли впечатления не производили.

На лице Эли отразились колебания: сообщать - не сообщать. Решился.

- Знаешь... я предложил Авиве выйти за меня замуж.

Меир чуть не сказал «знаю». Вот был бы скандал! Но вовремя спохватился и соврал:

- Откуда мне знать? И что она ответила?

- Обещала подумать.

Мне показалось, что за командирским апломбом Эли скрывалось беспокойство. Во всяком случае в том, что касалось Авивы.

Следующие минут двадцать продолжался примерно такой же разговор на ту же тему. Но после третьей «порции» Меиру все-таки удалось изменить направление беседы.

- Зачем ты направляешься на границу с Сирией? Да еще в пятницу. Вы же обычно по субботам дома?

И Эли с удовольствием пересел на своего запасного любимого конька, а скорее даже на основного. Борьба, война и политика - все это для него было одним общим понятием.

- А кто-то должен защищать таких, как ты, которым на все наплевать? Кто-то за вас должен это делать?

- Может, если бы вы нас меньше защищали, на нас бы меньше нападали... - не удержался Меир.

Он подумал, что два политически заикленных клиента в один день – это уже слишком. Правда, при всей увлеченности Шимона и Эли политикой, их позиции были прямо противоположны.

Оказывается, Эли был не каким-то специфическим израильским явлением, аналогичные идеи стали программой для значительной части населения, которая в мое, то есть в наше время еще считалась прогрессивным человечеством. Агрессия стала проникать и в доселе благополучные либеральные страны. Там появилось новое явление – разрастались воинственные общественные отряды борцов с эмигрантами. Нелегальных эмигрантов (а за компанию не только нелегальных) вылавливали и буквально вышвыривали за границу. Те отвечали уличными беспорядками, актами насилия и вандализма. И, естественно, терактами. Это в свою очередь вызывало... словом, известная всем цепная реакция. Израиль уже не исключение, просто везде свои нюансы общих неприятностей.

Патриоты для решения проблем признавали только силу. Их взгляды сводились к усовершенствованному известному изречению Торы по поводу ока и зуба: нужно вынуть око и вырвать зуб у противника раньше, чем он это сделает тебе. Просто и убедительно.

- Ты помнишь, был черный президент США? Он предложил протянуть руку всем, кто разожмет кулак. И что получилось? Пшик. Мы должны крепко сжать кулаки и не бояться бить ими. Речь идет о существовании нашего образа жизни в борьбе цивилизаций. Они понимают только силу. Исламское подбрюшье нашего континента...

Время от времени Эли добавлял в пустеющие стаканы виски.

Постепенно Меир стал отключаться и не слишком вникал в его рассуждения, а значит, ничего не понимал и почти ничего не слышал и я. Но вот наше внимание привлекла новая тема.

- Я тебе скажу по секрету то, что и так знают многие. Те, кому положено. На следующей неделе мы начнем мощным наступлением оборонительную войну против Сирии. Поэтому я туда и направляюсь. На границу стягиваются наши войска. И сирийцы не дремлют.

- Они собираются на нас напасть?

- Не важно, мы должны их опередить. Сколько можно терпеть? Они требуют вернуть Голаны, поддерживают палестинцев, вооружают Хизбаллу. Надо отбить у них охоту раз и навсегда. Но это не так просто. У Ирана наготове ракеты. Но и мы не лыком шиты... У нас тоже есть атомное оружие...

Вопрос идет о жизни и смерти... Слушай, кончились маслины... Тут нельзя ограничиваться полумерами...

Меир молодец, он изо всех сил старался не слышать – и не переводить мне – разглагольствования Эли. Которые, к сожалению, имели серьезные основания и вписывались в картину, нарисованную Шимоном Гершоом. Я стал понимать, почему Меир не включает новостные передачи телевидения. Одной утренней с лихвою хватало на весь день.

Когда Эли поднялся и направился к выходу, его основательно качало. К сожалению, у него была не очень типичная для евреев слабость, возможно, связанная с европейскими корнями. Увы, эмигранты из стран Восточной Европы нередко грешат этим. Он иногда перебирал спиртного, правда довольно редко и только вследствие серьезных причин. В таком состоянии Эли мог позволить себе лишнее, становился не очень управляемым. Сейчас перспективы на сирийской границе наверняка были солидным основанием для стресса. А Меир почему-то подумал, что фиаско его планов по поводу Авивы могло вызвать аналогичные последствия. Если не более серьезные.

- Как же ты в таком состоянии поедешь?

- Все в порядке. У меня за рулем солдат. Ну ладно, прощай, друг, - и он обнял Меира. – Я еду исполнять свой долг, а ты добросовестно исполняй свой.

- Какой? – не понял Меир.

- Для Авивы ты умер. Пока умер условно, - последнее замечание прозвучало двусмысленно.

- Не сомневайся, - последний раз соврал Меир.

Когда за Эли закрылась дверь, Меир подумал: «Нужно позвонить Авиве, чтобы она не проболталась. Ну и денек. Эли догрузил по полной программе. Это все реально. Такие, как он, не шутят.»

Меир зябко передернул плечами.

«Сирия, Иран. Рукой подать. Ну, после таких новостей, надеюсь, мы загуляем завтра на всю катушку».

Мы поужинали – очень легко – и отправились спать. Мне кажется, я отключился раньше, чем «хозяин». Сегодня я это заслужил.

O tempora, o mores!

Утро началось так же, как и предыдущее, за одним приятным исключением – секретарша молчала и телеэкран не включался. Я понял, что по субботам Меир давал себе полный отдых - без новостей и без работы. Я воспрянул духом. Отлично!

Зарядка, на сей раз легкая. Душ. Легкий завтрак. Затем состоялась субботняя часовая пробежка вдоль морского побережья. Я позавидовал Меиру, наверняка он ощущал приятную легкую усталость. Я же только испытывал раздражение, потому что изображение непрерывно в течение часа дергалось вверх-вниз при каждом толчке бегуна. Это вполне могло бы привести к головной боли, если бы она – голова – у меня была. Но в конце концов даже скачущий прекрасный пейзаж все-таки примирил меня с действительностью.

По возвращении домой, естественно, опять душ. Затем Меир открыл баночку со светлой жидкостью, на которой я успел заметить надпись «Energy» – какой-то энергетический напиток, – и справился с ним в два глотка. Надел футболку и шорты, сунул в карман список Орны и отправился на машине делать покупки на неделю. Поверьте, машина была самая что ни на есть обычная и далеко не новая. Красная «вольво». Она не заслуживает описания. Не буду повторять и восторгов перед окружающей природой, тем более что ехали мы всего несколько минут и ничего нового я в принципе не успел увидеть. Магазин был недалеко от поселка.

По дороге Меир мысленно и временами вслух ворчал, что Орна и компания не только сами себе портят жизнь, но и других не забывают. В единственный выходной день в Израиле по их требованию закрыты все магазины, кроме арабских. Но природа не терпит пустоты, и в арабском магазине, в который мы вошли, жизнь была ключом. Наглядное доказательство того, что самое невыгодное дело в мире – принципы.

Магазин был большой, с тележками, все как положено. Супермаркет. На полках лежали... Короче говоря, признаков того, что прошло тридцать лет, на прилавках я не обнаружил. А вот покупатели представляли интерес. Это был Вавилон. Как писал когда-то Пушкин в одной не

слишком серьезной сказке: «Тут их было всех сортов, всех размеров и цветов». Правда, он писал не о посетителях магазина, уж простите и мне некоторую фривольность...

Беленькие, такие, как Авива. Смугленькие, такие, как Меир и Ронит. Чуть смуглее, такие, как Саид с палестинцем. Черные – абсолютно – эфиопы. Серенькие – вероятно смесь эфиопов с белыми, такая смесь дает сероватый оттенок кожи. И довольно большое количество желтеньких, с косым разрезом глаз. Последние в Израиле проходили под обобщенным названием «филиппинцы». Их долго и в больших количествах завозили в качестве гастарбайтеров. Вполне естественно, не мытьем так катаньем, они оседали и получали гражданство. Единственное в мире национальное еврейское государство выглядело очень пестрым. И я подумал, что население в мире перемешивается все больше и больше. Это неизбежно. Неотвратимо. Борьба за национальную идентификацию, за чистоту веры или расы просто безнадежна.

Тем временем Меир связался по мобильному телефону с Авивой и рассказал о визите Эли. Предупредил, чтоб была осторожна. Обещал заехать за ней часов в восемь вечера. Даже воспоминания о слове, данном Эли, я в его мыслях не обнаружил. Такие мелочи Меира не волновали.

День прошел без всяких приключений. Он пообедал, потом поспал – ночь предстояла нелегкая. Я уснуть не мог, поток впечатлений извне уменьшился, и я снова затосковал по несвершившемуся прошлому. По Марине. Я даже кажется почувствовал свое сердце. Во всяком случае оно определенно ныло.

Ближе к восьми Меир стал собираться. Надел красивую полупрозрачную рубашку, выгодно подчеркивающую его мускулистый торс. Полоска живота оставалась голой, так сейчас одеваются летом наши молодые девушки, впрочем и некоторые немолодые тоже. Те, кто не может примириться с возрастом.

События в этот вечер развивались по нарастающей.

Сначала мы заехали за Авивой, потом за Ронит. В сумме дорога заняла минут двадцать, не больше. Было уже темно, красот вокруг я не различал, тем более, что шоссе было освещено скудно. Гораздо хуже, чем в мою экскурсионную поездку по Израилю. Наверно, к тому времени обострятся проблемы с арабами, усилится нефтяной кризис и тому подобное...

Авива нас встретила в полной боевой готовности. Ронит была не готова. То и другое соответствовало моим ожиданиям. Макияж, прическа были у Ронит полностью оформлены. Но еще несколько минут она дефилировала взад и вперед в таком виде, в каком появилась на телеэкране вчера утром. Кстати сказать, я стал к этому привыкать и уже не выглядел дикарем в своих собственных глазах. Не знаю, насколько ее сборы могли затянуться, если бы Меир очень спокойно не сказал:

- Еще пять минут – и мы уезжаем.

Результат был налицо – Ронит не мешкая надела платье, всунула ноги в туфли, взяла сумочку и объявила:

- Я готова.

Наверно, Меир в таких случаях угрозы выполнял.

Девушки были в длинных платьях. Вечерних. Очень красивых. Ронит в светло-голубом, с глубоким вырезом. Авива в темном, с не менее глубоким декольте и открытой спиной. Обе - просто очаровательны. Впрочем, признал я без ложной скромности, Меир тоже был им под стать.

Интересно, где должна произойти встреча? В ресторане, в театре?

Но к моему удивлению, мы вернулись в квартиру Меира.

Один стол, четыре кресла, где разместятся гости?

- Все на кухне и в холодильнике. Как обычно. Девочки, за работу.

Меир перенес стол на центр комнаты, к нему придвинул кресла, но расставил их не вокруг стола, а только с одной стороны. Это я понял – чтобы можно было смотреть на телеэкран. Рядом поставил прикроватный столик с пультом.

Авива принялась готовить салат – насколько я успел заметить - из овощей и фруктов, комбинированный. У нас такое не принято. Ронит раскладывала по тарелкам маслины, сыр, фрукты и все это переносила на стол. Потом посреди натюрморта появилось две бутылки воды, бутылка вина и бутылка виски. Бокалы, салфетки, приборы – все как положено, в быстром и, по-видимому, привычном темпе.

Когда они все закончили, уселись за стол и выпили по бокалу – женщины вина, Меир виски, – зажегся один боковой экран, и в нем появилась примерно такая же компания, только столика было два и соответственно за ним и народу побольше. Не прошло и двух минут – на другом боковом экране появилась третья, еще более многочисленная группа. Почти одновременно! Удивительная пунктуальность для израильтян. Приветствия, шуточки, тосты – полное ощущение, что компания одна и помещение одно, настолько качественным было объемное изображение. А стереофоническая система подавала звук точно из той точки, где был говорящий. Наверняка новые технологии.

Все чувствовали себя свободно, подходили с двух сторон к вроде бы не существующей, во всяком случае невидимой стене, общались накоротке. Даже чокались, и была полная иллюзия, что раздается звон бокала о бокал. Наконец-то я увидел в будущем что-то по настоящему новое и непривычное.

Меир вчера говорил Авиве и Ронит: «Наши предлагают собраться, вечером, как обычно». Значит, это была его постоянная компания. А может, в недалеком будущем и моя. Поэтому я наблюдал за всем происходящим с вполне объяснимым интересом, старался ничего не пропустить. Компания на первый взгляд показалась мне симпатичной.

Женщины, так же как наши с Меиром спутницы, были тщательно причесаны, одеты в длинные, я бы сказал роскошные вечерние платья, туфли на высоких каблуках. Смотрелись они очень эффектно. Смелые разрезы и вырезы платьев не слишком скрывали их женские прелести.

Присутствующие были довольно молоды. Мужчины в районе тридцати, женщины немного моложе. Выглядели свежими, загорелыми, можно смело утверждать, что от непосильной работы и недоедания никто из них не страдал.

Компания была этнически смешанная. Одна пара - определенно арабы; я так решил, потому что мужчину звали Ахмед, по-моему - веское основание для такого подозрения. Молоденькая и очень симпатичная девчушка с хитрющими раскосыми глазками явно появилась на свет не без участия филиппинской диаспоры. Правда, эфиопов не было.

Мой педагогический опыт подсказывал, что большинство присутствующих — с образованием. Типичные представители среднего класса, я бы так сказал по первому впечатлению. И довольно-таки цивилизованные. Не было резких и грубых интонаций, женского немелодичного визга, всего того, чем отличаются компании попроще. Нет, эти молодые люди были довольно воспитанными и цивилизованными, во всяком случае по форме. А содержание...

На мой взгляд, цивилизованность и культура уже давно не одно и то же. Хотя понимаю, что это спорное утверждение представителя отживающего поколения. Я считаю, что не может быть культуры без хоть какого-то знания хорошего искусства, литературы и без - скажу высокопарно – хотя бы намек на идеалы. В беседе, даже застольной, должны быть какие-то следы этих понятий. Но даже следов и намеков подобного в их разговорах я не заметил. Правда, я не все и не всех мог слышать и понимать – только то, на что обращал внимание Меир. Поэтому выводы, возможно, основываются на неполной информации.

О чем они говорили? Ни о чем. Во всяком случае, ни о чем серьезном. О работе, в том смысле, что она надоела ужасно, и если бы были деньги, то нашлось бы занятие поинтересней. Завидовали Меиру – тому не нужно с утра бежать на службу. Обменивались новостями типа сплетен местного происхождения или почерпнутых из гламурных изданий – конечно, не о политике, упаси бог. Что носят, где купить, как сохранить фигуру, о тренажерах – о здоровье пока еще не очень заботились. Кто с кем и что вытворяет. Самой серьезной оказалась, «филиппинка», она попросила у Меира совета, что почитать. Ей бы хотелось что-нибудь полегче и «пожелтее».

- На серьезное у меня нет ни сил, ни желания. Я читаю или десять минут вечером, чтобы уснуть, или в туалете.

Удивления такое отношение к литературе у окружающих не вызвало. Соседи одобрительно покивали головой...

Все сведения я выловил из громких и становившихся все более возбужденными разговоров. Вполне возможно, кроме спиртных напитков, стоящих на всех столах, в ход шла и «травка». Ронит и Меир определенно причащались – угощала Ронит, - а Авива пока воздерживалась.

В самом начале вечера кто-то спросил у Меира, почему их сегодня так мало. Но за него ответила Ронит:

- Шушана со своими укатила на две недели в Европу. А Эли, – и она сделала интригующую паузу, – сегодня не будет.

- Он в части, на севере, - неохотно дополнила Авива.

Раздался демонстративный вздох облегчения. Кто-то сказал:

- Слава Богу, не будет агитировать нас за еврейскую власть.

По-моему, это был Ахмед. Эли с его патриотическими взглядами в фаворе у них не был. А «филиппинка», глядя с почти нескрываемой завистью на Авиву, добавила:

- Но зато Меир сегодня внесет свой посильный вклад в дело обороны Израиля. Вместо Эли...

Мой «хозяин» только улыбнулся в ответ. И подумал: «Я ей позвоню. Если человек хочет, почему не пойти навстречу».

Я сделал вывод, что в этой компании никакие разговоры о смысле жизни, о высоких чувствах просто невозможны. И вообще само собой разумелось, что ни к чему серьезно относиться нельзя. А уж строить далеко идущие планы - признак полного идиотизма. Думали ли они подобным образом или разыгрывали демонстративный цинизм, не знаю. Но, увы, боюсь, что примерно так и думали.

Невольно мне припомнилось известное по литературе «потерянное поколение». Но оно было результатом уже прошедшей тяжелейшей войны, а это формировалось в предчувствии будущей, которая на глазах становилась настоящей.

Кто-то в соседней комнате громко рассказывал, что следующим летом поедет отдыхать в Финляндию. Говорят, на тамошних озерах до сих пор отменная рыбалка. Меир переспросил:

- Когда, когда?

- На следующее лето.

- По этому поводу расскажу вам свежий анекдот, - предложил Меир.

- Анекдот, анекдот! – все повернулись к нам.

- Хаим спрашивает у Моше: «Сколько тебе лет?» Моше отвечает: «Летом исполнится семьдесят пять». «Э, батенька, - говорит Хаим, - да ты оптимист».

Анекдот был принят на «ура» и наверняка вошел в анналы компании. В течение вечера я не раз слышал, как в ответ на любой глагол в будущем времени следовала немедленная реакция: «Э, да ты, батенька, оптимист», сопровождаемая громким смехом.

Такая вот атмосфера... На ожидание светлого будущего мало похоже...

Но самой популярной темой, я бы сказал общим фоном, были скользкие остроты ниже пояса не только на грани фола, но и далеко за гранью. В этом они оказались поистине неистощимы. Английское слово «fuck» было самым употребляемым и далеко не самым сомнительным в разговорах.

Вели ли они себя прилично? Пожалуй да, хотя и излишней скромностью не отличались. Пары обнимались, целовались, было и то, что во времена моей юности называлось «обжиматься». Может, немного покруче, чем мы себе позволяли. Словом, вполне естественное и ожидаемое в такой ситуации поведение. Одна беда – я не мог понять, кто чей, как говорит молодежь, «френд». А по старой привычке пытался это уяснить. Присутствующие непрерывно совершали за столами броуново движение, но перемена мест на поведение гуляющих абсолютно не влияла. На новом месте те же объятия, те же поцелуи... и те же остроты. У Меира разнообразия было меньше, в пору было ему посочувствовать. И все-таки все происходило - как бы точнее определить - в пределах разумного, без неэстетичных крайностей. Я думаю, вы понимаете, о чем речь. На известные из истории пиршества эпохи заката Римской империи это похоже не было.

Но я уже говорил, что события развивались по нарастающей.

Я бы хотел, пока не поздно, заранее оправдаться. Волею неизвестной мне власти я был присоединен к молодому человеку в самом расцвете сил. Который безусловно имел успех у женщин и не был аскетом, скорее наоборот. И поэтому я не мог – при всем желании – избежать щекотливых положений. Поймите меня, я просто вынужден рассказывать вам обо всем, иначе вы мало что поймете. Мы взрослые люди и знаем, что секс играет серьезную, временами решающую роль в нашей жизни. Как и любовь, хотя эти два понятия все больше и больше отдаляются друг от друга на практике. Разумеется, никаких эротических описаний не ждите, но сами факты и настроения из жизни, как и слова из песни, не выкинешь. Останется пустота.

Но вернусь на вечеринку. Примерно через час на центральном экране на фоне красивых и технически совершенных декораций появились артисты. Зрители радостно их приветствовали, те еще радостней отвечали. Боюсь, артисты уже тоже были «в тонусе», зрители им в этом не уступали, поэтому обстановка была самая раскрепощенная.

Концерт продолжался примерно час. К этому времени они мне... основательно надоели. Темы и тексты выступлений были примерно такими же, как и беседы за столом. Я и сейчас не понимаю, почему зрители смотрят за деньги то, что могут рассказать себе сами, и примерно на том же уровне. Это были все те же «Камеди клубы» и «Зеркала» с тем же набором острот. Живучий жанр! Должен признать, пошлость не увеличилась, может потому, что резервы были использованы еще в наше время. Иногда остроты рождались прямо на глазах, тяга к экспромту только увеличилась со временем. Но чаще всего роды явно были преждевременными. Кто-то из умных людей сказал, что хороший экспромт должен быть отработан и отшлифован заранее. С нашими артистами этот умный человек пока не встретился.

Наконец концерт благополучно завершился. Продолжением вечера занимался адвокат Моти, человек с остреньким носом и веселыми глазками, из ашкеназийцев. Его Меир называл «половым разбойником» (в моем переводе), и кажется, был с ним дружен. Во всяком случае они несколько раз чокались у стенки и тихонько разговаривали на тему новых «волонтерок», которых у Моти, по его словам, было несметное количество.

Так вот этот Моти объявил, что заказал поход в мюнхенский «Рай», секс парти де-люкс. Каждая комната может идти самостоятельно. Это сообщение было встречено бурными аплодисментами, особенно женской половиной.

Я уже не удивился, когда мы, переключив все три экрана – и соответственно попрощавшись с соседями, - оказались в центре огромного и богатого помещения «Рая». Музыка, пестрое освещение, помосты, на которых хозяйничали атлетичные красавцы в белых, трикотажных, в обтяжку, как у принца в балете «Лебединое озеро», трико, - очень эффектно! А некоторые уже без них – работа есть работа. Вокруг помостов толпы зрителей, они же соучастники.

Веселье было в разгаре, раскованность буквально захлестывала всех. Вот тут пиршества времен распада Римской империи могут сравнения и не выдержать.

Мне как-то показывали раньше по Интернету такие секс парти. Они и в наши дни не слишком редкое явление. И растущее со дня на день. Я человек старой формации и поэтому спустя непродолжительное время отключился. Нет, человечество даром тридцать лет не теряло.

В этом «Раю» были масштабы!.. Думаю, несколько сот человек, как на приличном концерте. Добавьте не меньшее число невидимых гостей, таких, как мы. Абсолютное большинство составляли молодые и вполне симпатичные женщины, были и в возрасте, но тоже вполне ничего. То есть я хочу этим сказать, они наверняка могли найти себе индивидуальные развлечения. Что их собрало здесь в таком количестве? Увы, я не только не культуролог и не социолог, но даже не сексолог. Объяснить тенденцию не пытаюсь. То ли причина в боязни «ничего не успеть», как считает Гершой, то ли в этом просто проявилось свойство человеческого характера – не знаю.

В воздухе витало возбуждение, и равнодушных зрителей не было. Помните замечательную фразу из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию» – «Танцуют все!»? Это был тот самый случай. Все в той или иной мере были участниками, как пишет обычно в обвинениях прокуратура, «развратных действий». Иногда и в самой, самой что ни на есть прямой. А так как бойцов-стриптизеров на всех не хватало, то выстраивались очереди.

С удивлением я услышал, как Меир процедил сквозь зубы: «Собачья свадьба!» От этого циника и вольнодумца я такого не ожидал. Все вокруг были веселы и не скрывали возбуждения. Может, только Авива, которая – я заметил – как антенна воспринимала настроения Меира, чувствовала неловкость. А Ронит была всей душой состальными.

Вдруг она радостно закричала:

- Смотрите, смотрите, Шушана. Что она творит! Шушана, Шушана!

- Не кричи, - остановил ее Меир, - она, во-первых, тебя не слышит и не видит. А во-вторых, сейчас все равно ответить не может.

Ронит зашлась от смеха:

- Ой не выдержу, сейчас она действительно ответить не может...

- Собачья свадьба, - опять Меир.

- Что ты сказал, какая свадьба?

- Нет, ничего.

О своих впечатлениях вам рассказывать не буду. Для человека, который ничего не чувствует, только видит это все, испытание не из легких. Представьте себе на моем месте высохшую до основания старую деву, которой показали разгул. Этой старой девой был я.

К счастью, и Меир был явно не в настроении. Поэтому несмотря на отчаянные протесты Ронит, минут через пятнадцать-двадцать экраны потухли. Вот преимущество телевечеринок – нажал кнопку, и ты у себя дома. Ронит надулась, Авива вздохнула с облегчением. Стали убирать со стола посуду и остатки еды. Когда Ронит была на кухне, Авива улучила момент и сказала:

- Ты собирался со мной поговорить...

- Не к спеху, Эли не будет целую неделю.

Вошла Ронит, и разговор прервался.

- Ты отвезешь меня домой?

- Авивочка, я выпил. И накурился. Оставайся.

Авива не отвечала.

Меир тоже понимал ее без слов, поэтому сказал:

- Не волнуйся, я тоже устал как черт. Обещаю, будем просто спать.

Ронит, судя по всему, знала, что Меир слов на ветер не бросает, и зло уронила:

- Тогда я тоже бы лучше поехала домой. Может, вызовем такси?

- Девочки, вы же знаете, ездить на такси сейчас тоже небезопасно. Все дороги по субботам кишат обкурившимися юнцами, которые ничего не соблюдают. Таксисты ездят с автоматами...

- Тем более, мы остаемся не в первый раз, - реплика Ронит явно относилась к Авиве. – Но если Меир собирается провести эту ночь, как обещал, то это действительно будет всем нам в новинку...

- Идите под душ. Я уберу на кухне.

Ронит сделала последнюю попытку:

- Ты не пойдешь с нами?

Так вот почему два душа и большая площадь...

- Ронит, успокойся. Идите.

Меир ловко и привычно стал хозяйничать на кухне. Мои ощущения в этот вечер – что-то близкое к брезгливости. И одновременно, подозрение, что я ханжа. Неожиданно Меир вслух сказал, обращаясь, разумеется, не ко мне. В воздух.

- Ай-яй-яй, у миллиарда людей на Земле многоженство разрешено.

Чем-то я его все-таки тревожил...

Через некоторое время из душа вышли Авива с Ронит, но не в обычной спортивной форме, как я ожидал, а в очень красивых узорных ночных пижамах и даже в комнатных туфлях. Комплект всего самого необходимого на такой случай они хранили у Меира.

Он принял душ. В салоне была почти полная темнота. И группа заняла явно привычные позиции: Меир на спине в центре, обнимает подруг, их головы на его предплечьях.

Ронит пыталась делать какие-то телодвижения, но Меир прикрикнул:

- Ронит, я же сказал, успокойся.

Она затихла.

Авива тихонько поцеловала Меира в щеку. Но подтекст этой ласки был не такой, как у попыток Ронит. Прямо противоположный. И Меир это понял. Он понял, что сегодня для нее последний такой вечер. Она была благодарна ему за то, что он выполняет обещанное. Если бы он начал любовную возню, вряд ли Авива удержалась от участия в ней. Она, во-первых, любила Меира. А во-вторых...

Для тех, кому Авива симпатична – так же как и мне, - хочу сказать не в оправдание, а скорее просто в объяснение. Опыт двух проведенных мною в этом мире дней подтвердил то, что она говорила Меиру прошлым утром. Авива почти с детских лет была приучена к тому, что секс это просто секс – и не больше. Что-то вроде приятной игры. В книгах она читала, что есть иные, высокие чувства, связанные с сексом, но воспринимала это как романтические фантазии, не связанные с жизнью. Таков был общепринятый в ее обществе взгляд на любовь. Она должна была пройти через необъяснимую и непреодолимую тягу к Меиру, чтобы понять, что кроме удовольствия, в этой жизни есть что-то куда более серьезное, есть чувства, которые могут быть источником и других отношений, более значительных и важных.

Впрочем, кажется, я навязываю свое мнение...

Ронит все никак не могла успокоиться. Она совершенно справедливо считала Авиву причиной испорченного вечера и потому ехидно спросила:

- Ты уже назначила Эли день свадьбы?

- Нет, я передумала. Свадьбы не будет.

- Будешь ждать принца на белом коне?

- Буду.

- Или на красной «вольво».

- Может, и на красной «вольво», - согласилась Авива.

Наступила длинная пауза в разговоре. Никто и не пытался уснуть.

Спустя некоторое время Авива спросила Меира:

- Тебе сегодня не понравился «Рай»? Ты же сам упрекал меня в ханжестве.

- Собачья свадьба, - Меир становился однообразным.

Он по аналогии вспомнил автора этого изречения и задумчиво сказал:

- А может, наши антиподы все-таки в чем-то правы?

- Кто? Кто? – в один голос спросили Авива и Ронит.

- Кто наши антиподы? Мои соседи, ультраортодоксы. У них строго насчет нравственности. В приказном порядке.

Ронит оживилась.

- Ты что? У меня родственники там. У них вместо любви долг и богоугодное дело.

- Они даже мужа толком не выбирают. Родители им предлагают в лучшем случае пару вариантов, и все, - включилась Авива.

- И не пробуют, как у них секс получится, - это Ронит убивало больше всего. – Рожать всю жизнь от человека, который тебе оказался физически неприятен. Не говоря ни о чем другом. А ведь такое вполне может быть. Ужас.

- Я не верю в нравственность по приказу, - тихо добавила Авива.

- А вообще в нравственность ты веришь? – это прозвучало резко. Меир почувствовал неловкость. Уж кто бы в этом упрекал, но не он. Тем не менее продолжил: – Дурацкое сексшоу! Вы видели, какой плакат висит при входе? «Содержите в чистоте ваши места общественного пользования!»

- Он давно там висит. Ну, смешно. И что? – хихикнув, вставила Ронит.

- А я только сейчас обратил внимание... Черт-те что!

Я тоже плаката не заметил, но на меня произнесенный Меиром текст произвел просто удручающее впечатление своей пошлостью. И главное – никто не видит в нем ничего из ряда вон выходящего. Всего-навсего черный юмор, не более того.

Этот вывод тут же подтвердила Ронит.

- Да что такого в этом плакате?

- Ты соображаешь, что стало местами общественного пользования?

- Я-то уж точно соображаю. Ты сейчас скажешь – святая святых. С тебя станется. Но ведь это секс-шоу. Для того туда и ходят. И сегодня это самый популярный, между прочим, проект в Европе и Америке. Обошел по посещаемости концерты попзвезд.

Меир неожиданно, в первую очередь для себя, очень задумчиво и отчетливо сказал:

- А я вряд ли хотел бы стать совладельцем мест общественного пользования.

Авива тихонько ойкнула.

Меир спохватился и постарался превратить все в шутку:

- По-моему, я становлюсь на старости лет моралистом.

- Действительно, с тобой сегодня что-то творится. Ты стал настоящим занудой, - Ронит ничего толком не поняла, но интуитивно обиделась.

Авива, мне кажется, все понимала, но переживала молча и в разговоры не вступала. Сейчас прозвучал ответ на тот вопрос, который она вчера утром задавала Меиру. Обещанный разговор оказался не нужен.

Наступила долгая пауза. Нарушил ее Меир, постарался оправдаться.

- Последние дни со мной действительно черт знает что творится. Ничего не хочу делать, просто отвращение ко всему на свете. И то не так, и это не так. Мне кажется, я скоро начну думать о смысле жизни, - его смех прозвучал натужно и искусственно. – Может, этот чертов Гершой меня заразил своими «Крайностями»?

И тут неожиданно устами младенца - Ронит – заговорила истина.

- А я знаю, в чем дело! Это у тебя кризис зрелого возраста. Кризис тридцатилетия, так он называется. Я читала во вчерашней газете. Сейчас он косит всех без разбора. Тех, кому в районе тридцати. Как там сказано? Сейчас вспомню. Переоценка ценностей, сопровождается глубокой депрессией. Поиск смысла жизни, все так, как ты говоришь.

И она обратилась к Авиве:

- А ты почему лежишь, как бревно? Не отмалчивайся. Ты читала статью про кризис? Или он у тебя тоже наступил? В твоём возрасте самое время...

Ронит пыталась оживить компаньонов по койке скандалом. Но не получилось. Прервал зуммер мобильного телефона.

- Это мой, - со вздохом сказала Авива. – Эли с проверкой...

- Может, не брать трубку, и он отстанет?

- Нет, Меир, он будет звонить до утра.

- Миркава, еврейский танк...

Авива встала, подошла к столу, там лежали их с Ронит сумочки.

- Эли, ты знаешь, который час? Я уже сплю.

- Меир, - зашептала Ронит, - зачем ты ее таскаешь за собой? Мне это надоело!

- Тихо, он услышит.

- Пусть слышит. Я сама ему расскажу...

Авива тем временем теряла терпение:

- Не командуй. Я не твой солдат... Я всегда переключаю домашний на мобильный... Эли, ты меня достал. Я выключаю телефон. Делай, что хочешь. Приезжай, проверяй... Бери с собой артиллерию...

Пора их оставить. Я-то отключиться не мог, но вас избавлю от затянувшегося почти до утра бесконечного вечера.

Диагноз профессора Файера

На сей раз обошлось без артиллерии.

Только стало светать, потихоньку ушла Авива. Примерно через час проснулась Ронит – ей тоже нужно было на работу. Перед уходом она все-таки от Меира своего добилась, правда, и сопротивления с его стороны никакого не встретила.

«Если человек хочет, почему не пойти навстречу...»

Только одна подробность, и то потому, что это имело последствия в дальнейшем.

После совместного с Меиром мытья в душе – не пропадать же излишней площади – Ронит вышла из кабинки и подошла к умывальнику и зеркалу. Там на полках стояла целая батарея в расчете не только на хозяина, но и на разнообразные вкусы посетительниц. А их, судя по всему, хватало, потому что полка напоминала небольшой суперфарм. Ронит в зеркале обнаружила у себя где-то какой-то прыщик и попросила Меира дать йод. Он вручил ей что-то в зеленом пузырьке. Предупредил, чтобы она не запачкалась, так как это зелье отмывается с трудом. И тут же Ронит залила яркой зеленью сверкающий белизной умывальник. Наш педант-холостяк был этим расстроен, вынул из стоящей отдельно тумбочки какой-то флакон, резиновые перчатки и поручил безответной Ронит все смыть. И опять предупредил, что моющее средство очень сильное...только в перчатках... чтоб не попало на тело... не говоря уже о глазах... обязательно положи на место в тумбочку... С тем и ушел досыпать.

Потом мы с «хозяином» спали часов до одиннадцати. И он опять проснулся раньше меня. Немного постонал, вслух пожаловался, что «после вчерашнего» болит голова. Я впервые почувствовал преимущество – у меня ничего не болело.

После душа и обычного завтрака мы уселись за компьютер. Меир стал дорабатывать рецензию на книгу Гершоя. Она рождалась легко и явно удавалась, может быть, потому, что неожиданно нашла отклик в его душе.(?) Мы с «хозяином» это отметили с обоюдным удовольствием. И я тоже увлекся, время летело незаметно. Судя по всему, к четвергу она будет вчерне готова, но рассказывать, подумал Меир, автору об этом ни в коем случае нельзя. Чтобы заработать такие деньги, нужно время, хотя бы месяц, иначе это будет выглядеть просто неприлично.

Работу прервал осторожный стук в дверь. Появилась Орна, значит четыре часа. Она вежливо поздоровалась, предложила что-нибудь перекусить. Меир дисциплинированно прервал работу и пошел на кухню. Его уже ждали бутерброды и кофе. С молоком. Ивритяне пьют с молоком.

- Орна, мы вчера немного насорили. Ты начни с кухни, потом душевая, прихожая. Можно во дворе прибрать. А завтра уберешь салон.

- Хорошо. Как скажешь. Еще кофе?

- Спасибо, можно...

- Меир, какой-то дедушка новый у вас в поселке появился. Ты его знаешь? Каждый раз его вижу под красным деревом, когда сюда иду. Чуть дальше нового дома. Сидит на ящике. На другом ящике вода и еще что-то.

- Еще один сумасшедший, - недовольно буркнул Меир, у него все еще побаливала голова. – Говорят, какой-то еврей из Америки. Ни слова на иврите. Язык вроде бы английский. У нашего брата-еврея есть такая привычка – живут, там где лучше, а умирать приезжают сюда. Он купил такой стандарт, как мой, но на другом краю поселка. Его все зовут «американец».

- Как он под красное дерево добирается каждый день? Такой дряхлый! Ему, наверно, лет сто. На вид. Вот у меня прадед Рувен, ему девяносто два, так он еще хоть куда.

- Ну, это от человека зависит. Как кому повезет. Да, дедок так себе, не слишком бодрый. Но приветливый. Когда я прохожу мимо, он каждый раз встает и машет ручкой. Мол, привет. Я машу в ответ. Он хоть и сумасшедший, но безобидный. Все, спасибо, было вкусно. Я пошел к морю. Работать сегодня видимо больше не буду.

- Ужин в шесть, не забудь.

- Не забуду. А ты в шесть отправляйся домой.

- Как же я без недельной главы Торы за ужином?!

Меир безнадежно махнул рукой. Ее не переспоришь. Но не удержался от мести:

– Ладно, пщца, веди себя хорошо.

И поспешно захлопнул за собой дверь. Он вспомнил, что бутылки с пивом стояли на полке прямо под рукой у Орны.

Меир вышел на улицу, повернул к морю. Прошел мимо строящегося дома, поздоровался с рабочими. Через несколько шагов вновь приветливо взмахнул рукой. И тут я увидел под деревом старичка-«американца». Когда мы первый раз проходили здесь, я был слишком увлечен красотами природы, чтобы обратить на него внимание. Тем более, что сидел он под довольно крупным деревом с ярко-красной плоской сплошной кроной, вполне заменяющей надежный навес от солнца. Это дерево заслуживало уважительного внимания, чего нельзя было сказать о человечке под его сенью.

«Американец» поднялся и тоже приветливо помахал Меиру рукой. Я подумал, что это было единственным доступным ему развлечением – приветствовать редких прохожих. Насколько я успел заметить – Меир взглянул на него лишь мельком – дедок был какой-то ссохшийся, в белой панамке на голове (может, платочке). Стоял не слишком ровно и махал рукой не слишком энергично. Похоже, что если этот еврей приехал на родную землю умирать, то долго ждать ему не придется...

Я переключился на природу. Это море было намного светлее, нет, скорее зеленее того, к которому я привык. Вода, прибрежный песок, да и весь берег, даже весной казался слегка выгоревшим от яркого, никогда не прячущегося даже за легким облачком солнца. А что будет летом в разгар жары? Какой жизненной силой должна обладать местная флора, чтобы сохранять яркие, да еще столь разнообразные цвета в таких нелегких условиях?

Меир пристроился на той же скамейке, что и в прошлый раз. Наверно, это тоже была традиция. Я подумал, что он уже обрастает привычками, а это определенно тенденция к переходу в статус старого холостяка. Жаль, если это действительно так.

Мой «хозяин» нежился на солнышке и все пытался разобраться в себе самом. В том, почему меняется его отношение к работе. И меняется отношение к своему времяпрепровождению. К своим привычным успехам на сексуальном фронте. А самое главное – почему такие скептические мысли у него появились? Не было раньше этого. В общем и целом он всегда был в ровном хорошем настроении, и нужно было очень постараться, чтобы его испортить. В этом смысле он был довольно толстокожим и старался никого слишком близко не подпускать. Я повторяю ту оценку, которую он в эти минуты откровения давал самому себе.

Размышления прервал звонок мобильного телефона.

- Шолом, Меир. Что слышно?

- Все в порядке. Как дела?

- Прекрасно.

«Моти» – прочитал я в его памяти.

- Я тут недалеко. Закончил разговор с идиотом клиентом. Если ты свободен, давай перекусим в твоём кафе. Поговорим... настроение ни к черту.

- Моти, по-моему, это заразно. И у меня не лучше. Давай, только есть я не буду, у меня в шесть обед. Дома.

- Ты становишься рабом привычек. Ладно, выпьем кофе, а может, и не только кофе. Я могу быть через пятнадцать минут.

- О'кей.

Меир еще немного посидел на скамейке, покопался в себе и подвел неутешительный итог.

- Хандра, хандра, - так громко сказал он, что сидевший неподалеку удод испугался и отлетел на безопасное расстояние.

- Ухожу, не волнуйся, ухожу, - успокоил он птицу и пешком направился на свидание с Моти. Я сопровождал его с удовольствием.

Кафе было недалеко. Беленькое небольшое зданьице, навес, столики под ним. Мух не было – я обратил внимание, – хотя стерильной чистоты вокруг тоже не замечалось. Как и в то мое посещение, в будущем Израиль чистотой и аккуратностью не отличался. Увы. (В «будущем» и «не отличался»). Нелепое сочетание. А как прикажете сказать?)

Моти уже был там. На столе стояли два красивых тяжелых стакана с виски и в вазочках минимальный израильский закусочный ассортимент - маслины и орешки. Плюс обязательные две бутылочки минеральной воды.

Внешность Моти я в двух словах уже описал. Больше не стоит, он не главный герой. Могу только добавить, что наш «ходок» был на полголовы ниже Меира, но с вполне приличной и стройной фигурой, чем и привлекал женский контингент. Плюс, разумеется, напор и откровенное желание как можно быстрее добиться своего, а это всегда ценилось и будет цениться.

Моти сразу без преамбулы приступил к делу. Это была его манера.

- У меня есть отличный вариант – две волонтерки. Еще нет семнадцати. Свежести неопишуемой. Рост под метр девяносто. Ты же знаешь нынешних акселераторок(?)...

Он любил не просто высоких, а высоченных.

Меир не очень бодро ответил:

- Я не знаю...

И Моти неожиданно скис:

- Хуже всего, что и я не знаю. Удивляюсь себе – такой рост, такие фигурки, такая свежесть...

Что-то я не в тонусе последнее время.

- Но вчера ты был в форме.

- Притворялся, из последних сил. Хотел у тебя найти поддержку.

- Не найдешь. Я совсем развалился. Работу забросил...

Они, с сочувствием глядя друг на друга, чокнулись, сделали по паре глотков.

Моти уныло сказал:

- Не знаю, замену этому делу я не найду. И время сейчас золотое. Клев отличный. Ты знаешь, я заметил, когда где-то рядом война, а тем более у нас – предложение превышает спрос. Женщины любого возраста боятся опоздать.

- Может, переключиться на что-нибудь другое? Найти работу, с перспективой, солидную, с дальним прицелом...

- Ха, с дальним прицелом. А кто нам даст время прицелиться? Мы все время на мушке.

Они еще сделали по паре глотков. Орешки, маслинки...

Моти продолжал:

- У меня дядя в Америке, богатый.

- Я знаю.

- Он говорит: «Сколько можно разводами заниматься? Тебе тридцать один год. Займись делом. Мне нужны деньги пристроить. Я собираюсь заложить какой-нибудь завод, солидный. Может, это сделать в Израиле? А ты на нем будешь главным юристом, и вообще моя правая рука. У вас ведь там в этом смысле целина. Никакой техники, кроме танков и «узи», вы не делаете.

- Да, в основном моющие средства и что-то из солей Мертвого моря. Это точно. Никакой техники, кроме военной. Абсолютно, – подтвердил Меир.

- Вот! За семьдесят лет ни одного самого плюгавого завода не построили. Только всякий «хай-тек», одни разработки. И электроника из купленных за границей деталей. То, что можно взять в карман, и бежать. И земля ничья, и границ нет, а надежность, как на болоте. Раз – и ушел под воду.

Полстраны не работает, а молится. Кто будет здесь обосновываться? Я дяде так и сказал. Пусть лучше даст наличными.

И Моти горько рассмеялся.

Выпили.

- Моти, сейчас везде один черт. В Индии и Пакистане лучше? Хотя знаешь, я раньше во все эти дела не вдавался. Жил себе в свое удовольствие. Твердил всем, что думать об этом себе дороже. А смысла никакого. Помогало.

Я подумал, что у Моти тоже появился гость. Такой, как я. Словно подслушав мои мысли, Меир спросил:

- Слушай, у тебя это давно?

- Что это?

- Мысли. За тобой такого дефекта раньше не замечалось.

- В последнее время. А у тебя?

- Я просто сдвинулся. Все время зол на себя, недоволен собой до отвращения, честное слово.

- А у меня наоборот. Я зол на всех. На тех, кто виноват, что мир такой идиотский. Ты знаешь, стыдно сказать, я даже Ахмеда видеть последнее время не могу. Везде, где взрывают, без арабов не обходится. Или других мусульман. Если бы не они, все могло бы быть иначе. Иногда такие мысли лезут в голову - дали бы мне автомат, я бы всех подряд...

Я подумал: «Значит, вот тебе какой «напарник» попался. Агрессивный».

Меир удивленно протянул:

- Слу-у-шай, Моти! Ты заметил? Нас как будто подменили. А ты знаешь, что мне вчера рассказала Ронит?

И передал ее версию о кризисе тридцатилетия. Моти на это не отреагировал. Для лечения заказал еще порцию виски. Не помогло, пришлось заказывать еще одну. Я удивился: «Смотри, что творится. А говорят, евреи не пьют. Неужели это мое влияние?»

Около шести Меир спохватился, что Орна ждет его с обедом. «Нужно идти, неудобно». Тоже странная чувствительность для него.

Они с Моти допили виски, попрощались и разошлись, так ни о чем толком не договорившись. Длинноногие и свежие акселератки были предоставлены самим себе. Отпущены на волю, в пампасы...

А по дороге домой Меир принял решение, оказавшееся очень важным впоследствии для нас обоих.

Моральное состояние Моти произвело на него большое впечатление, сходство с его собственными мрачными мыслями сомнений не вызывало. Похоже на то, что его хандра не просто случайный выброс настроения, а нечто более существенное. Имеющее серьезную подоплеку. И это действительно может быть кризис зрелого возраста. Меир, вполне естественно, об этом явлении кое-что слышал, краем уха. В суть особенно не вникал. Как многие из нас, он считал эту проблему преувеличенной или даже надуманной. Просто отдельные люди, по его мнению, проявляли истеричную слабость характера и искали этому оправдание. А психологи с удовольствием воспользовались этим и оформили все наукообразно и солидно. Появилась еще одна отрасль медицинского бизнеса. Не первый и не последний такой случай.

Но теперь он приходил к мысли, что не все так просто и однозначно. Кажется, это не просто фикция. И Меир решил сегодня же порыться в Интернете, посмотреть что к чему. Тему запроса он знал: «Кризис тридцатилетия».

Орну он застал на кухне. Она сидела и неотрывно, с каким-то детским сожалением смотрела на приготовленную и уже остывающую на плите еду.

Преувеличением будет сказать, что дома Орна голодала, но золотистая, умело обжаренная и, судя по размерам, молодая курочка так аппетитно выглядела, да еще в обрамлении не менее золотистого риса с розовенькими кусочками моркови... Я подумал, что полчаса, на которые опоздал Меир, наедине с этим блюдом бедной девочке стоили немало усилий.

- Я уже думала, что ты не придешь, и собиралась идти домой.

На ее лице явственно читалось дополнение – «не поевши». И уже давно на полную мощность работал скрытый темперамент. Глаза недовольные, волосы торчком...

А Меир понял, почему торопился домой, только сейчас понял. Он знал, что Орна без него ни к чему не притронется и уйдет несолоно хлебавши. Ее было, оказывается, жалко... Если он к каждой домработнице будет торопиться к назначенному времени, до чего дело может дойти? Ответа на этот вопрос у него не было.

Орна, которая явно собиралась высказать недовольство опозданием хозяина, учуяла запах спиртного, а потому от дальнейших комментариев отказалась.

Они молча сели ужинать.

Ели с удовольствием. У Меира после виски и прогулки аппетит удвоился, а у Орны за полчаса наедине с курицей тоже не уменьшился.

Но молчание долго не продлилось. Орна не способна была копить отрицательные эмоции.

- Ты знаешь, что бомбардировщики с атомными бомбами НАТО сейчас бардажи... бомбражи...

Меир едва не поперхнулся. Во рту пересохло.

- Бомбят? Бомбардируют?

- Нет, что ты. Хасва халила, нет. – Я понял, что это означает «не дай бог». – Они летают в том районе.

- Барражируют, - с огромным облегчением догадался Меир. – Орна, сколько раз тебе говорить – не пользуйся словами, смысл которых не понимаешь.

Он основательно перепугался, несмотря на свое демонстративное хладнокровие.

- Смысл я понимаю, а запомнить слово не смогла. И они предупредили пакистанцев и индусов, что если вылетит хоть одна ракета, они немедленно бросят туда атомную бомбу, будь там хоть город или не город.

Меир ответил любимым рефреном:

- Мы на что-то можем повлиять? Тогда сменим тему.

Но отвлечься было совсем непросто. Каждый из них ясно представлял себе, как гудящие самолеты, словно огромные мухи, летают взад-вперед над Индией и Пакистаном. Мухи, начиненные атомными бомбами...

- Чертовы идиоты, - в сердцах сказал Меир. К кому это относилось, было не ясно. Наверно, ко всем. – Настоящие идиоты! И главное, что все понимают – кто первый начнет, тот и победил. Кто быстрее выхватит пистолет, как в вестернах.

- Почему?

- Один залп из всех установок – и нет противника. Ну перехватят одну-две ракеты с ядерными боеголовками. Остальных хватит на всех. Вот и нервотрепка.

Они продолжали есть молча. Орна уже сожалела, что затронула эту тему. «Но нельзя же жить закрыв глаза! Все-таки я права».

Так прошло несколько минут. Молчание становилось тяжелым. И Орна предложила новый предмет для разговора. Молодость отвлекается от проблем легче.

- Меир, ответь мне на один вопрос. Ты давно обещал. Что такого хитрого в этом авточтении, и почему его никому не дают? А тебе дали.

Он с охотой откликнулся на предложенную Орной тему. Это лучше, чем представлять себе, что произойдет, если какая-нибудь гудящая в небе муха... Бр-р-р.

- Во-первых, это два вопроса, а не один. Что такое авточтение – это одно, а почему его мало кому дают – совсем другое. С чего начать?

- С начала. Как это делается. Я подсматривала, когда ты читал. Ничего на экране не видно. А ты смотришь. Что там происходит?

- Это немного сложно. Ладно, ладно, не обижайся. Попробую объяснить. Ты знаешь, что в кино и телевидении заложен принцип – быстро меняющиеся одна за другой картинка-кадры? А вместе получается движение.

- Конечно, знаю, - Орна даже оскорбилась.

- У нашего глаза есть такое свойство, – Меир говорил медленно и четко, стараясь быть понятным - если изображение появится на очень короткое время, скажем, сотую долю секунды, то мы его просто не увидим. Но вот лет шестьдесят тому назад разгорелся скандал. Оказывается, наши глаза действительно не видят изображения, которое длится эту долю секунды, но в сознание оно как-то попадает и там закрепляется. Этот эффект принято называть «двадцать пятый кадр». Так условились, для простоты. Потому что в то время фильмы пускали с частотой двадцать четыре кадра в минуту. Затем кто-то сообразил, что в короткие промежутки между сменой картинок основного фильма

можно показывать другой фильм, который ты вроде не видишь, но в памяти он остается. И стали таким образом показывать рекламу. Нелегально.

- То есть как это?

- Ну представь, ты смотришь фильм про любовь. Хотя про любовь вам нельзя... Смотришь фильм про Моисея. И вдруг тебе страшно захотелось купить памперсы. Или йогурт. Потому что пускали два фильма сразу. Один ты видела, а другой проникал в тебя бессознательно. И второй действовал сильнее. Вгрызался в мозги. Понимаешь?

- Ух ты!

Меир подумал, что рассказывать Орне что-нибудь не нагрузка, а удовольствие. Она так замечательно слушает. Глаза широко открыты, подалась всем телом вперед, каждое слово хватается на лету.

- А потом какая-то японская секта решила невидимо пускать фильм, разрушающий психику.

- Террористы? - привычным термином отреагировала Орна.

- Да. Человек смотрит все тот же фильм про... про... ну да, про Моисея, но на этот раз памперсы не хочет. Он впадает в истерику. Или сходит с ума. Особенно дети. Поэтому были введены законы, которые приравнивали любое такое контрабандное кино к тяжкому уголовному преступлению.

- Ну и?

- Но наука не Тора, она не может допустить, чтобы ничего не менялось тысячи лет. И вот относительно недавно обнаружили, что если способом контрабандного кино, то есть двадцать пятого кадра, пускать печатный текст, то ты вроде ничего не видишь, но глотаешь, сам того не замечая, страницу за страницей с огромной скоростью. Но к этому нужно постепенно приучать мозг. И нужна специальная компьютерная программа, которую дают только по особому разрешению. Под подписку.

- А почему всем не дают? Пусть бы себе читали.

- Не уверены, что это безопасно. Перегрузка. Огромное количество информации в мозг заталкивается быстро и насильно. Автоматически.

Меир уже говорил не столько Орне, сколько самому себе, и смотрел куда-то в пространство:

- Тысяча страниц ежедневно, и на девяносто девять процентов не нужная никому дребедень. Все извилины забиваются этим мусором. Уж кто-кто, а я отлично знаю, что все рекламируемые специальные способы очистки мозгов полная чушь. Это промывка мозгов в переносном смысле, но не в прямом. Таблетки, гипноз ничего не дают. Только дополнительный вред. А мозги не резиновые. Можно совсем без них остаться. Вот я и думаю, может, в этом тоже причина моего кризиса?.. Нет, надо бросать эту работу.

Меир остановился, услышав непривычные звуки. Орна громко хлюпала носом и размазывала по щекам слезы.

- Меир, брось обязательно. Ну их, эти деньги. Сам говоришь, что опасно... Я тебя очень прошу... Меир!

Она остановилась. Поняла – умная девочка, – что это не очень прилично. Кто она ему? И попыталась шуткой смягчить ситуацию:

- Сэкономишь на мне. Я буду убирать бесплатно.

Меира такая забота растрогала, и к тому же он почувствовал жалость к себе. Самонадеянный толстокожий стоик становился мягче, и эти несомненные изменения характера его пугали.

- А знаешь, Орна, мне интересное сравнение пришло в голову. Как раз по теме. Один человек – Гершой - мне заказал рецензию на книгу. Там главная идея – непрерывно барражирующие над нами атомные бомбардировщики, барражирующие террористы и патриоты, барражирующие палестинцы и поселенцы, короче бесконечное напряжение и тревога, - он обрисовал руками свод над собой, - вгрызаются нам в мозг и душу насильно и незаметно. А это, в сущности, двадцать пятый кадр и есть. И что-то в нас изменяют. Мы этого не признаем, не замечаем. Мы говорим себе – нет, ни о чем таком я даже не думаю, у меня своих личных забот хватает. А оно уже внутри...

Орна с трудом удержалась, чтобы снова не начать шмыгать носом, на этот раз от жалости не только к нему, но и к себе, и ко всем вообще. Она интуитивно чувствовала правоту Гершоя.

Меир остановился. Разговор становился слишком доверительным. Все-таки дистанцию нарушать не стоило. Он поблагодарил Орну за вкусный обед и за заботу, попрощался с ней авансом

и решительно направился в салон. Там он уселся за компьютер и стал выяснять, как говорят врачи, возможный диагноз своего заболевания.

В Интернете он сразу нашел нужную тему, по каким-то ему ведомым признакам браковал или отбирал нужные статьи, делал все на удивление быстро и ловко. А уж пальцы по клавишам летали просто неуловимо. Профессионал! Впрочем, наверно, они все с детства приучены к компьютеру... Статьи были на английском языке. Это было очень даже кстати. Я мог читать независимо от него, хотя если я смотрел не совсем туда, куда он, то приходилось напрягаться.

Наконец Меир остановился на большой действительно серьезной статье некоего профессора Файера из Лондонской центральной психоневрологической клиники. В преамбуле говорилось, что статья скорее научно-популярная и предназначена не только для специалистов. Она действительно была не слишком наукообразна и вполне понятна простому смертному (интересно, а кем я мог считаться в тот период?).

Экран компьютера все-таки был довольно большим, и на странице размещалось много строк. Меир внимательно стал читать начало, где подробнейшим образом описывались признаки, затем последствия этой болезни, в том числе депрессия, бессонница, пессимизм, суицидные настроения и так далее и тому подобное. Предупреждали, что легкомысленное отношение недопустимо, приводились впечатляющие примеры, как говорится с цифрами в руках. Меир читал и перечитывал эту страшилку, впрочем, основанную на фактах. Так как последствия кризиса касались только его, то я быстренько пробежал это глазами и в конце наткнулся на нечто, обращенное непосредственно ко мне.

Оказалось, что не так давно стал известен вполне четкий и конкретный симптом, относящийся только к этому заболеванию. В период пика кризиса появляется новый, очень четкий и достаточно сильный, в некоторых случаях даже мощный сигнал, расположенный в районе передней спайки мозга. Сигнал появляется у пациента во сне, держится, не меняя своих параметров, в течение семи суток, а затем так же внезапно исчезает примерно за десять-пятнадцать минут. Он как бы бесследно растворяется в мозгу. Энцефалограмма показывает следы сигнала, которые словно затухающие искры расходятся по всей поверхности коры головного мозга.

Эти показатели удивительно идентичны для практически всех пациентов. Поэтому во многих научных источниках кризис тридцатилетия стал именоваться *«недельным синдромом»*. Дальше говорилось, что всевозможные анализы не показывают никаких изменений в организме человека, отклонения отмечаются только в плоскости психики. И снова подчеркивалось, что эти факты достоверны и тщательно проверены.

На этом месте Меир перевернул страницу, но главное я усвоил – сегодня воскресенье, а в ночь с четверга на пятницу я снова отдам богу душу. А Меиру, возможно, свое сознание. Во всяком случае связь между таким явлением, как реинкарнация, и кризисом тридцатилетия стала для меня абсолютно доказанной.

Кроме различных процедур и медикаментов, естественно рекомендовали перемену обстановки, отдых. В том числе туристические поездки с их непрерывной сменой впечатлений.

Я с солидной долей иронии отметил, что такое вполне может быть. При интересных путешествиях «гость» может увлечься красотами природы, переменой мест и перестанет морочить голову и приставать с поучениями к «хозяину».

Заканчивалась статья очередными страшилками, которые ждут всех, кто отнесется к предупреждению несерьезно.

Мы оба печально задумались. Меир решил прогуляться. Я не возражал. В кухне было темно - Орна уже ушла. Мы вышли на полутемную улицу, спустились к берегу и побрели по плотному песку вдоль полосы прибоя. Дышали озоном. Я мысленно.

Судьба моя стала очевидной - повлияю на его сознание, насколько удастся, и затем растворюсь без следа. Такова моя миссия. У меня все время перед глазами была картина – искры моего затухающего сознания на коре головного мозга Меира. Впечатляющий образ! Чтобы избавиться от этого зрелища, я прислушался к его мыслям. За это время он твердо решил немедленно отправиться в поездку минимум дней на двадцать куда-нибудь на экзотические острова. Я понял, что о деньгах Меир не задумывается, а значит, они у него есть. Тем более в его мозгу промелькнуло изображение довольно солидного коттеджа, на который он, судя по всему, нацелился. Нет, Меир не зря страдал, он зарабатывал неплохо. И еще раз промелькнул коттедж немногим меньше. Я понял – поездка и

здоровье требовали жертв, но пока не очень больших. На черный день еще денег на особнячок останется.

Особенно его занимало, с кем поехать. Одному было бессмысленно, только еще больше заиклишься на переживаниях. Я бы не сомневаясь поехал с Авивой, но этот дурень...

- Решено, поеду с Авивой, - громко, словно возражая самому себе, сказал Меир. – Похоже, что я был просто идиотом в последнее время. А Ронит я сыт по горло!

Это было сказано так громко и с таким остервенением, что идущая навстречу парочка метнулась в сторону. Как недавний угод, помните? Мой «хозяин» определенно терял равновесие.

Смешно, но мысль о грядущем путешествии меня привлекала. Интересно, успеет он уехать при мне? Нужно попытаться его подтолкнуть. И я стал зудеть, что ехать нужно как можно быстрее. Это меня как-то отвлекало от картины угасающих искр на фоне коры головного мозга...

Мы рано легли с намерением хорошо выспаться. Но это нам не удалось. Мой «хозяин» ворочался с боку на бок и не давал мне покоя. Его мысли гудели у меня в голове – или в сознании, не важно – набатом.

Знаете, какое «оригинальное» открытие пришло Меиру в голову прежде всего? Если что-нибудь будет не так, то Ронит даже в его сторону не посмотрит, а Авива будет с ним «и в горе и в радости». Пока «все было так» он о ней всерьез не задумывался. Я советую тем, кто решает свою судьбу, прислушаться к этой тривиальной, но совсем не глупой мысли. Задуматься, не дожидаясь неприятностей, тогда, как правило, бывает уже поздно.

Где-то под утро он окончательно решил бросить свое доходное дело и заняться... представьте себе, каким-нибудь творчеством. «В конце концов я действительно способный человек, зачем размениваюсь на мелочи», - уговаривал он себя.

Я ему не поверил, и с не слишком доброй насмешкой подумал: «Укатали сивку крутые горки. А где ты был раньше, когда спихивал любящую тебя Авиву к этому боевитому Эли, который ни тебе, ни мне не нравится? Когда все, кроме твоего драгоценного спокойствия, было тебе по барабану». Я почему-то в эту ночь был уверен, что когда уляжется «недельный синдром» (царство мне небесное!), Меир снова станет таким, как был. Или почти таким. В эту ночь никакого желания стать им у меня не было. Я даже взбунтовался против... не знаю, против кого. Но взбунтовался. «Дали бы мне умереть спокойно, мне, Виктору Сергеевичу, и не устраивали приключений на мою голову!».

А беспокойное поведение «хозяина» в течение всей ночи только вызывало у меня сильнейшие приливы недоброжелательности. Я вспомнил героиню чеховского рассказа «Спать хочется» нянюшку Варьку и обрадовался, что не имею возможности поступить так же, как она. Хотя желание иногда появлялось. Вдобавок ко всему он время от времени вспоминал о барражирующих бомбардировщиках, и это спокойствия не добавляло. Меня бомбардировщики занимали меньше, хотя впервые за все время я подумал: «Если действительно им на голову что-то сбросят, куда денут меня?» Вопрос, конечно, интересный...

Благими намереньями...

Наступило утро понедельника. Как у старательного школьника накануне экзамена, перед моим мысленным взором висело мрачное напоминание: «Осталось четыре дня!»

А может, это не так уж плохо? Лучше, чем «проклятая неизвестность».

С утра у Меира снова болела голова, и у меня тоже была очень достоверная имитация этого явления. Но тем не менее телеэкран Меир включил еще до традиционного сообщения Пнины. До начала новостной программы. Без пяти восемь. Отношения Пакистана и Индии приобретали для него интерес.

Но оказывается, общественность в основном уже успокоилась и пообвыкла. И редакция новостей тоже. Диктор где-то на пятом-шестом месте после всяких, на мой взгляд ерундовых, сообщений, наконец упомянул и о бомбардировщиках. А какие поводы для волнений? Он напомнил, что во время холодной войны такие бомбардировщики были на постоянном дежурстве с обеих сторон долгие годы, летали круглые сутки, и никто этому не ужасался. И сейчас летают, ну и что? Я правда подумал, что тогда все-таки бардака было меньше, во всяком случае со стороны американцев. И хотел было постучать по дереву, чтоб не сглазить, но было нечем и не по чему... А я, признаюсь, немного суеверен.

«А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо». И в ту же секунду дитя своего времени Меир выбросил бомбардировщиков из головы. Я лишний раз убедился, что принцип: «Если на все реагировать – сил не хватит», - один из основополагающих в их обществе.

На этот раз он новости выключил до демонстрации голодающих, убегающих, истекающих...

Зарядку Меир не делал, было не до того. Он снова вернулся к своим проблемам и развил бурную деятельность. Сел к компьютеру и стал просматривать предложения на отдых в районе островов Океании на ближайшие два-три дня. Оказалось, утром в пятницу есть рейс на Сейшелы, куда он давно хотел попасть. И есть возможность заказать туристический маршрут с остановками в приличных гостиницах, но лучше – советовали - об этом поговорить непосредственно с гидом агентства. У Меира был собственный гид, который, как ему казалось, будет лично заинтересован в этой экскурсии.

И он позвонил по телефону Авиве.

Разговор оказался деловым и на удивление коротким.

- Привет, Авива, что слышно?

- Полный порядок. Как дела?

- Прекрасно!

Ритуал соблюден, можно переходить к делу.

- Ты на работе?

- Конечно.

- Я хотел спросить, ты действительно решила не выходить за Эли?

Пауза.

- И не собиралась.

- Ты ему сказала об этом?

Пауза.

- Я ему уже много раз говорила, что за него не выйду. И ничего другого.

- А почему же ты...

- Это я сказала для тебя. Хотела...

Пауза.

- А почему он говорит...

- Мало ли что он говорит. Ты не знаешь Эли?

Пауза.

- Авива, мне нужно отдохнуть. У меня проблемы...

- Я знаю. Видно по тебе.

- Я решил в эту пятницу полететь на Сейшелы. На двадцать дней.

Пауза.

- С кем? С...

Меир ее энергично перебил.

- С тобой, Авива. Поедешь?

Без паузы.

- Поеду. Когда ты говоришь?

- В эту пятницу. А работа?

- Договорюсь. Мои проблемы. Но денег...

- Это мои проблемы.

Длинная пауза.

- Меир, что бы дальше с нами ни произошло, я рада.

Везет же этому Меиру. У меня даже снова возникло такое же ощущение недоброжелательности по отношению к нему, как этой ночью. И почти кровожадные мысли. Я боялся, что он снова обидит Авиву. Вполне возможный вариант... Но кажется, Меир всерьез пытался себя убедить, что начинает новую жизнь.

После этого они регулярно перезванивались в течение часа. Обсуждали маршруты. Авива наводила справки. Уточняла подробности. Согласовывала это с Меиром. Голос ее с каждым звонком становился все веселее. В конце разговоров он просто звенел от счастья.

Меир перевел деньги со своего счета, и поездка стала делом решенным. Остались кое-какие формальные мелочи.

- Авива, не стоит ничего говорить Эли.

- Почему?

- Для него это будет катастрофой. А ты его знаешь, напьется, прибежит сюда с автоматом и всех перестреляет сдуру.

- Перестань говорить глупости.

- Но зачем нам лишняя нервозность? Ты же ему ничего не обещала и ничего не должна объяснять. Или я неправ?

В голосе Меира прозвучало подозрение.

- Не должна, - пауза. – Но Эли, ты же знаешь...

- Да, он до сих пор не может понять, что секс это всего лишь секс. И не повод... ни к чему.

- Я уже тоже этого не понимаю, - твердо сказала Авива.

«Похоже, она говорит то, что думает», - мы с Меиром были единодушны.

Пауза.

- Целую.

- Целую.

Поцелуй Авивы был теплее, но и Меир звучал не безразлично.

Тонус его поднялся. Он даже стал напевать что-то на восточный манер. Его голос, а тем более слух мне по-прежнему не нравились, такое исполнение не улучшало настроения. Наконец он перестал фальшивить и решил заняться делом.

«Теперь нужно исполнить сыновний долг. Сегодня понедельник, мама должна быть дома, она во вторую смену».

Он сел к столу и взял пульт. Оказывается, разговаривали они по телефону из дома примерно так, как проходила беседа с Шимоном Гершоем. Теперь я понял, для чего стол днем стоит вплотную у экрана, а кресла повернуты к нему. Разумно, телефонный разговор превращается в беседу за столом. Двойным столом.

И действительно, когда зажегся экран, за почти таким же столом с расположенным на нем пультом сидела женщина моего возраста; может, чуть помоложе.

- Шолом, мама. Что слышно?

- Шолом, сынок. Все в порядке. Как дела?

- Прекрасно. Как папа?

- Слава богу. Возится со своими птицами. Сейчас весна, у орнитологов хлопот много.

Она не была похожа на Меира. Более смуглая, черные с сединой коротко стриженные волосы, глаза – должен признать – довольно близко к переносице, но постоянная улыбка не позволяла ей выглядеть недовольной. Сухощавая, подтянутая, в симпатичном розовом спортивном костюме. Приятная, в общем, женщина, но Меир, наверное, пошел в отца.

Его мать говорила так же быстро, как Ронит, так же жестикулировала. И вообще, я подумал, что Ронит в возрасте будет примерно такой же. И вспомнил, что у той тоже, пожалуй, близко посажены глаза. При первой встрече я этого не заметил, мое внимание тогда отвлекли другие подробности...

В семейном разговоре не было ничего интересного для посторонних, пересказывать не буду. Обычные родительские претензии – почему не приезжает, почему так редко звонит. Должен понимать, он у них один, а судя по всему, внуков ждать придется долго. Меир оправдывался, ближе, чем теперь, он к ней, даже если приедет, не будет. И в доказательство протянул руку. Она сделала то же самое, было полное впечатление, что коснулись пальцами.

Меир подумал, что пора ее отвлечь от этой темы, и спросил, как дела в больнице. Он знал, что делает. О работе она могла говорить долго и охотно.

Оказалось, что в больнице, где она работала медсестрой, произошел очередной скандал. Рассказам об этом скандале и был посвящен почти весь наш визит. Со всеми подробностями и даже в лицах. Больной дал по физиономии врачу, с которым она дежурила. Тот ходит теперь с огромным синяком.

- Но, мама, это происходит регулярно.

- Да, - она вздохнула, - все чаще.

- Распустились люди, - поддакнул Меир.

- Ты знаешь, дорогой, все друг друга стоят. Этот врач так с ним разговаривал, что у меня самой руки чесались. Больной не выдержал и говорит: «Вы нас, больных, не любите». А наш умник отвечает: «Я и здоровых не люблю, а от больных меня просто тошнит». И схлопотал. Знаешь, Меир,

я слышу разговоры наших врачей, и думаю – куда это все идет? Все-таки в наше время так не было. Знаешь, как говорит наш анестезиолог? Большой интеллигент.

Это было сказано с презрением. Смотри ты, и у них интеллигентов не любят. Мать Меира стала кого-то копировать, говорить в нос, растягивая слова:

- Если жизнь человеческая сейчас ничего не стоит, то почему врачи должны так уж усердно за нее бороться? В этом нет логики, только одна клятва Гипократа взамен. Мучаешься, мучаешься, а он вышел за порог – и пиф-паф. Или наелся химии, надыхался отходами производства. Его калечат все кому не лень. И опять к нам. Что, нам больше всех надо? Другое дело – за хорошие деньги...

Наконец рассказ о больнице был закончен, и Меир сказал то, для чего звонил. Что он устал, неважно себя чувствует и в пятницу улетает на двадцать дней на Сейшелы.

- С Ронит?

Мама была в курсе дела.

- Нет, с Авивой.

Она с явным облегчением вздохнула.

- Это уже лучше.

Бедная Ронит, за что ей так достается?

- Знаешь, Меир, а ты выглядишь неплохо. Поправился. К тому же ты стал какой-то ухоженный, честное слово. Видно, что питаешься регулярно, не по этим пиццериям. Орна...

- Да, это все Орна. Мне даже неудобно, я ей сколько раз напоминал – готовить мы не договаривались.

- Хорошая девочка. Я с ней иногда болтаю по телефону. Не испорченная, и не зацикленная, как эти ортодоксы. – Она неожиданно, без улыбки и строго посмотрела на Меира. - Знаешь, не вздумай ее обидеть!

Я почувствовал, что Меир покраснел, не то от неожиданности, не то от возмущения.

- Да что ты, мама! И в мыслях такого нет. Как ты могла подумать!

У него действительно и в мыслях такого не было, а кто их – его мысли – знает лучше меня.

Следующим был Моти. Но по мобильному.

- Я еду в отпуск. На Сейшелы. На двадцать дней.

- Ух ты! Завидую. Хотя... с Ронит?

- Нет, представь себе, с Авивой.

- Тогда завидую. Хотя... Ты знаешь, что рецидив бывает гораздо опасней заболевания?

- В наше время все может случиться, - философски заметил Меир.

Они пожаловались друг другу на настроение, на депрессию. Моти с сожалением констатировал, что теперь вечерами в кафе «Пингвин» в Нагарии ему придется одному ловить волонтерок, хотя клев сейчас дай боже. Оказывается, Меир все-таки выезжает в город, а я уж думал, что он сиднем сидит в этих своих экранах.

После разговора с Моти Меир недолго колебался по поводу Ронит – сообщать, не сообщать. Решил себя не беспокоить. Вместо этого вернулся к заботам о себе родном и сделал легкую разминку. Потом перед дневным сном пришла пора легкого обеда, приготовленного Орной. Основной будет в шесть часов вечера. Жизнь была неплохо налажена. В пять минут третьего он уже спал.

Я тоже время от времени дремал. Но в основном думал о Марине. И о прожитой жизни. Больше о Марине. Я не хочу навязываться вам со своими чувствами, в принципе не в моем характере плакаться в жилетку. Но как только выдавалась минута, когда я принадлежал себе, то... оказывалось, что в воспоминаниях я себе не принадлежу. Как и не принадлежал в последние полгода жизни. Как это называется – парадокс? Можно считать и так.

В четыре часа раздался голос Пнины. Они очень недолго обсуждали свои дела – минут пять. Я не вникал. Потом обычная разминка – без тренажера - и душ. После душа его в кухне уже ждали жизнерадостно улыбающаяся, но как обычно старающаяся держаться солидно, Орна, бутерброд с красной рыб(к)ой и стакан сока. Я бы на его месте на жизнь не жаловался.

Потом мы ушли на берег. Я понял, что Меир обычно не мешает Орне убирать. Традиционное «шолом» рабочим на стройке, традиционный взмах рукой с трудом поднявшемуся, но приветливо улыбающемуся дедку – и вот она любимая скамейка. Впрочем, сегодня возбужденный Меир на скамейке долго не усидел и пошел по берегу вдоль прибоа.

Я думать не мог, хотя было о чем. Он строил такие громкие и яркие мысленные планы своего грядущего отпуска, что буквально оглушал меня. Короче говоря, когда он повернул домой, я был счастлив. И подумал, что мне еще повезло. А если бы он с самого начала был таким темпераментным и впечатлительным?

- Что-то ты сегодня рано, - недовольным тоном встретила нас Орна. – Я еще не дожарила стейки и не была в душе.

Она заметно помрачнела. И вскоре простодушно выдала причину недовольства.

- Убирала салон, - и с брезгливостью: - меняла постель.

Понятно, она нашла следы Авивы и Ронит.

На Меира это никакого впечатления не произвело, он только лихо подмигнул – знай наших!

Орна укоризненно покачала головой.

- Орна, ты скоро будешь хозяйкой в этом доме. Я уезжаю на двадцать дней в отпуск. Тоже сможешь приводить сюда кого захочешь в любых количествах.

И он немелодично заржал после этой бестактности. Не сомневаюсь, мы с Орной оценили остроту и ее сопровождение одинаково.

Орна довольно долго боролась с собой, но в конце концов спросила:

- С Ронит?

- С Авивой, хотя тебя это не касается.

- Уже лучше.

Все как сговорились. Мне даже стало Ронит немного жалко.

Орна продолжала:

- Она красивая. И умная, я слышала, как вы разговаривали. И к тебе хорошо относится. И не очень легкомысленная. Не то что эта Ронит.

Но с каждым комплиментом в адрес Авивы ее голос становился все суше.

Потом она некоторое время молча возилась у плиты и затем неожиданно и тихо спросила:

- Это вроде как свадебное путешествие?

- Много будешь знать, скоро состаришься. Детям до шестнадцати лет это кино смотреть...

- Мне уже есть шестнадцать. И даже больше, - очень резко сказала, почти прикрикнула Орна. Переключатель в ней сработал на полную мощность, глаза сверкали, волосы, казалось, шевелились от возмущения.

- Что с тобой, - удивился Меир, - дома что-то не так?

- Дома все так.

Орна повернулась к мойке и... уронила тарелку. Стала вынимать осколки и немного порезалась. Пососала палец. Затем с видимым усилием взяла себя в руки, поставила стейки на медленный огонь.

- Я пойду в душ. Присмотри за мясом.

Уже в дверях еле слышно пробурчала:

– Жених...

«Что с ней?» - подумал толстокожий Меир. Я, кажется, догадывался. Не исключено, что предполагаемое свадебное путешествие Меира, выбившее Орну из равновесия, сыграло не последнюю роль в будущих событиях.

Меир проверил стейки. Сделал очень маленький огонек. На столе стоял один прибор, он недовольно поставил второй. «Каждый раз одно и то же». С ворчанием помыл руки, старательно вымыл после этого раковину специальной тряпочкой...

И в это время из ванной донесся отчаянный визг:

- Ой, глаза, ой, печет. Боже, что это? Я не вижу, где душ? Я ничего не вижу! Ой, мама!

Мы даже в первую секунду не поняли, что это Орна.

Меир опрометью кинулся в душ.

Чтобы вам было все понятно, я сразу расскажу то, что выяснилось впоследствии. Дверца душа открывалась так, что можно было, протянув руку, взять что-нибудь с полки у зеркала. Ближе всего стояла батарея шампуней. Орна взяла флакон, где оказалось мало шампуня, начала намыливать голову. Обнаружила нехватку и, естественно не открывая глаз, взяла следующий. Но эта безответственная Ронит – вполне, признаю, заслужившая свою недобрую славу - вчера утром (помните?) ядовитый раствор для отбеливания раковины, конечно же, не поставила на место в шкафчик внизу. Он остался стоять среди шампуней. Раствор был жидким, текучим, и теперь

полфлакона оказалось на голове и на теле бедной девочки. Она выпустила из рук шланг душа, а когда попыталась его увидеть, то глаза пронзила резкая боль. И почти сразу началось сильное жжение по всему телу, особенно в чувствительных местах. Словом, для крика были все основания.

Меир ворвался в душевую кабинку, увидел на полу флакон, из которого уже вытек весь раствор, сразу понял, что случилось, и очень испугался. Дело могло кончиться трагедией. Он ловко поймал мечущийся под напором воды по дну кабинки душ на гибком шланге, другой рукой одновременно открыл кран холодной воды жесткого душа, поставил ничего не видящую и не соображающую Орну под поток. Затем одной рукой стал манипулировать гибким душем, а другой старательно стирал с головы, с лица, потом с тела пену вместе с ядовитой жидкостью. Жидкость была маслянистая, скользила под рукой, нужно было тереть до тех пор, пока кожа под ладонью не начнет скрипеть. Орна как могла ему помогала.

Вначале он обругал дикими словами Ронит, но потом переключился на пострадавшую. Голос его стал очень сочувствующим, заботливым и даже непривычно нежным.

- Ну миленькая моя. Маленькая. Хорошая моя. Все будет в порядке. Я с тобой.

Пока Орне было больно, все это было к стати. Но насмерть перепуганный Меир затянул акт милосердия. Она стала приходить в себя и осознавать, что происходит. Меир тщательно стирал следы жидкости со спины, с груди, не задумываясь ни о чем, кроме возможных последствий от ожогов, опускался все ниже. И при этом почти бессознательно приговаривал слова, которые Орна никогда в жизни не слышала. Внизу спины в ложбинке собралось много не то пены, не то раствора, и Меир принялся их добросовестно смывать и стирать. Всему на свете есть предел, даже для религиозного человека. Сначала стресс, боль, затем спасение, потом боль стала уходить, а прикосновения и ласковые слова остались. Короче говоря, когда Меир сказал ей «хамуда» – в переводе милая, лапушка, самое ласковое в Израиле обращение к ребенку или девушке, – ноги у Орны стали ватными, голова закружилась. Она вся обмякла. Испуганный Меир подхватил ее и повернул к себе.

- Что, что такое, хамуда, тебе плохо?

Опять «хамуда»! Все, сопротивления не осталось. Орна обхватила Меира за шею, прижалась к нему всем телом и сказала:

- Мне хорошо, Меир.

С этого момента она повторяла только одно слово. Меир. Меир. Меир...

И что сделал этот паршивец? То же, что и я в бытность живым. Он по-своему повторил историю, связанную с душем, и тоже с успехом воспользовался обстоятельствами. Ирония судьбы. Впору добавить «Или с легким паром», что вполне соответствует ситуации.

Но отнесся Меир ко всему намного проще.

«Если человек хочет, почему не пойти навстречу, - привычно подумал он и добавил, словно обращаясь ко мне: – Я же говорил, на Востоке девушки взрослеют рано».

Он завернул ее в большое полотенце и отнес в салон.

С этого момента часа на два я постарался отключиться, как мог, а вас отключаю полностью.

Когда они успокоились, в голове у Меира мелькали примерно такие мысли:

«Кто бы мог подумать? Она и нежная, и страстная. И откуда что берется? Природа... А без робы она очень неплоха... Очень...» Ничего даже отдаленно похожего на угрызания совести по поводу совращения религиозной девочки у Меира не было, можете мне поверить. Боюсь, что у него бывал контингент и помоложе...

А Орна? Вопреки моим ожиданиям, она не казалась испуганной или оглушенной. Скорее была, я бы сказал, умиротворенной, скорее так. Некоторое время я этому поудивлялся, а потом вспомнил, что примерно так же выглядела и Марина утром. Пришлось окончательно смириться с тем, что женщин в любом возрасте и положении я никогда понять не смогу.

А между тем в настроении Меира наступила перемена. Он стал молчалив и задумчив. Охлаждение еще раньше меня почувствовала Орна и истолковала это по-своему. Она вспомнила, что в иврите есть другие слова, кроме «Меир, Меир, Меир», и сказала:

- Ты не думай, я все понимаю. Ну, случилось. Я во всем виновата, но висеть на тебе не собираюсь. Это больше не повторится.

«Не повторится, если ты больше не будешь у меня работать. Знаем мы это все, проходили. Но жалко, я уже привык к тебе... Хотя дело не в этом».

В чем дело, я пока не понял. В голове Меира вертелись какие-то смутные подозрения.

- Ты не переживай, я рада, что так вышло.

Вот уж переживать Меир даже не собирался. Не в его характере.

- Ты прав, наши раввины врут. Не мог Бог лишить людей радости, от которой... от которой... - она долго подыскивала слова, – умереть можно. Не жалко. Не мог он любовь заменить долгом.

Меир молчал и о чем-то раздумывал. Но я слушал Орну. Она говорила не очень связно, с придыханием, еще не пришла в себя как следует.

- То, что... ну, случилось, поможет мне уйти от них. Я давно хотела, но все духа не хватало. Их невежество. И то нельзя, и это нельзя. Все боятся друг друга... И еще у меня есть одна причина их не любить... Теперь все, хватит. Спасибо тебе, Меир... Меир, конечно, не только за это. За все.

Молчание Меира стало ощутимым.

- Ты почему молчишь? Я не то говорю?

Наконец Меир высказался:

- Слушай, подруга, а ведь я у тебя не первый.

Это был не вопрос, а утверждение. Он меня огорошил.

А Орна... теперь мы увидели, что такое настоящая истерика отчаяния. Она задохнулась, стала хватать ртом воздух, потом зарыдала так, что мы испугались, как бы к нам не прибежали соседи, подумав, что здесь кого-то в лучшем случае насилуют. Ее тело трясло, как в лихорадке. Для такой истерике нужна серьезная причина... и настоящий темперамент.

Меир снова перепугался, стал ее успокаивать, прижал ее к себе, говорил, что ничего плохого в этом нет, дело житейское. Постепенно приступ стал стихать, и она смогла выдать из себя:

- Это Шломо... когда мне было двенадцать лет...

- Твой старший брат? Которого ты бутылкой по голове? – стал кое-что понимать Меир.

Орна с трудом, преодолевая затухающую истерику, рассказала свою историю. Я понял, что в этих ортодоксальных, выпавших из общества замкнутых системах, где все или обязательно к исполнению, или запрещено, такое, увы, время от времени происходит. Человеческая натура не может без вреда для себя находиться в жестком корсете из суровых, во многом бессмысленных правил. Она приобретает форму этого корсета, но при этом уродует свое природное содержание, свое естество... Это не носи, так не поступай, а поступай только так, вне зависимости от своего желания. Этого с этим не ешь, а этого вообще не ешь ни в коем случае. Лишай себя удовольствий, они от дьявола. Молитвы, посты и прочее, и прочее... В этих замкнутых системах обязательно бытует притворство, наушничество. И нередко неизбежное – наряду с моральным - и физическое насилие.

История Орны не скажу что типична – конечно, нет, – но и не является таким уж из ряда вон исключением. В этой роли выступают не только братья, но и отцы. Впрочем, вам это и без меня известно.

Орна лет с десяти оборудовала себе на чердаке у слухового окна тайное убежище. Притащила туда какой-то старый матрас, тумбочку, в которой стала хранить свою «нелегальную литературу». Как только появлялась возможность скрыться от непрерывного шума и гама, Орна забиралась на чердак, укладывалась на матрас и читала все, что ей удавалось добыть.

Когда ей едва исполнилось двенадцать лет, ее брат Шломо, которому уже шел шестнадцатый, выследил ее и изнасиловал. Воспитанная в подчинении к старшим, она не решилась кричать, звать на помощь, только отбивалась, как могла. Но силы были неравны.

Когда он ушел, у нее была только одна мысль – как скрыть от всех следы своего позора. Она была в крови, юбка разорвана, рукав висел на одной нитке. Это был ужас, который она не могла как следует осознать. Девочка ничего не сказала родным, ей было стыдно. И культовое почтение к старшим... Так часто бывает в аналогичных случаях, а уж в ультраортодоксальной семье под спудом молчания скрываются иной раз и не такие вещи.

Может, все так бы и закончилось, если бы Шломо не повадился преследовать ее. Безднаказанность его поощряла. Но после третьего такого нападения Орна набралась мужества и рассказала все матери. К ее удивлению, та не пришла в ужас, а может, просто сохраняла хладнокровие. Главное, сказала она, никому ни слова. Даже отцу. Честь семьи. Я поговорю со Шломо. И помни о *Рехилут*.

- Рехилут?

- Это заповедь о неразглашении. «Не ходи сплетником в народе своем».

- Какая же это сплетня? Чистая правда, - возмутился уже давно переполненный сочувствием Меир.

- Даже если это правда, лучше ее скрыть. Промолчать. Нас так учат. Есть законы «лашон хара», то есть «плохие слова». Даже если официально попросят рассказать о случившемся, даже официально, ты понимаешь, что я имею в виду, то лучше солгать, чем давать правдивые сведения. Это может нанести вред нашей общине. Мир превыше всего. И, главное, это не разрушает единство евреев. Так нам объясняют.

- Ну да, даже ложь во имя единства. Хорошо единство! Это какая-то заповедь об укрывательстве. А отец знал?

- Я думаю, сделал вид, что не знает. Я тебе уже говорила, для рава Баруха главное не видеть и не слышать того, что его не устраивает. А в наших домах женщины всем заправляют.

Месяц разговоры матери действовали. А потом началось все сначала. И тогда Орна стала носить с собой бутылку пива, благо покроей ее одежды позволял спрятать и более громоздкое оружие. И при первом же нападении в соседнем лесочке Орна от души дала брату бутылкой по голове. Он упал, лицо залила кровь. Орна не торопясь пришла домой и сказала маме:

- Шломо лежит в лесочке, ему нехорошо.

Ее никто ни о чем не спросил. Даже отец. Шломо пролежал в больнице неделю, наложили швы. С тех пор он обходит ее десятой дорогой. Он человек трусливый, но пакостный. Да и родители сохраняют дистанцию. Пцаца!

- Видишь, Орна, - задумчиво сказал Меир, - если все запрещено, это значит, что все разрешено, только с черного хода.

- Так оно и есть. У нас был еще случай, совсем недавно. Отец моей соученицы... Сам рав Марзель этот скандал еле потушил. - И она повторила: - Когда все запрещено, то все разрешено с черного хода. А если все разрешено? Как у вас?

- Тогда... тогда все обесценивается.

- Обесценивается? Да, наверно... А середины не видно. Все-таки, Меир, ты очень умный, - она немного подумала и со вздохом добавила: - И красивый...

Потом чуть-чуть придвинулась к нему. Это был опасный поворот, и Меир поспешил поменять тему.

- Я видел, тут бродил один из ваших. Невысокий, толстенький такой. Мне показалось, следит за тобой. В черной шляпе. Молодой. Это, наверно, брат?

Орна только пожала плечами.

Они помолчали, потом заговорили, каждый о своем.

- Это плохо, когда все можно и все доступно. Играючи. Пересташь уважать и других, и себя. И себя... и других... - он почему-то с грустью подумал об Авиве.

- Играючи... А мне тоже иногда кажется, что мы играем, - это уже Орна. - Ты знаешь, что сказала моя тетя из Ашдода, которая не так давно ушла из общины? Страшный был скандал. Что мы не живем, а продолжаем разыгрывать какую-то пьесу, написанную кем-то три тысячи лет тому назад. Отгородились от мира и играем. Текст выучили. Одежда театральная, мечи бутафорские, и чувства такие же, - в глазах у нее стояли слезы.

Мы с Меиром с удивлением и с уважением посмотрели на Орну. Девочка понимает и чувствует...

Они разговаривали на равных. Не было взрослого и ребенка. И причина была не в недавней физической близости, а в том, что Орна была уже сложившимся и неглупым человеком.

- Теперь я уйду от них. Это точно. Поеду к тете в Ашдод. Но она пока в Европе. В отпуске.

К моему стыду, Меир слушал с сочувствием, но помощь не предложил. Орна, наверно, этого и не ожидала. Она знала его лучше, чем я.

Разошлись они где-то около девяти. попрощались тепло, по-дружески. На прощание Меир чмокнул ее в щечку. Это ни о чем не говорило - на Востоке принято так прощаться. И здороваться тоже.

По дороге Орна зашла на кухню и выбросила в мусорный ящик дымящиеся угольки бывших стейков.

Меир был не слишком доволен происшедшим. Лишние неприятности, которых и без того хватало. Плохо будет, если она уйдет от него. И дело не только в том, что нужно будет искать новую домработницу, а в том, что он уже по-человечески к Орне привык. И снова ходить в пиццерию...

Лишние хлопоты, то, что он не любит больше всего. Ладно, впереди отпуск, а там посмотрим...

«Пора на заслуженный отдых», - вспомнил он не без самодовольства свои сегодняшние ратные подвиги. И улегся спать.

Что ж, я опять убедился, что моё продолжение было далеко от идеала.

Но определенно его нервы и хваленая уравновешенность стали сдавать. Он опять не давал мне уснуть. Ворочался, вздрагивал. Я понимал, что вопрос спорный, может – и даже скорей всего – это я тревожил его покой. До моего появления он из-за подобных мелочей, включая недавний тет-а-тет с Орной, даже не подумал бы расстраиваться. А сейчас «ни сна, ни отдыха измученной душе». Но в таких случаях каждый считает другого виновным.

И снова я – в который уже раз – задумался над главным вопросом: а есть ли вообще у меня желание становиться Меиром?

Я попробовал понять, что для человека является самым главным. Для отдельного человека. Вне времени и технических достижений. История намного более долговременна, чем вспышка успехов последних двух столетий. И поэтому, так ли важен прогресс для конкретного человека? Ведь он сравнивает свою жизнь не с предками, а с современниками. Так все-таки, что стабильно и не подвержено времени?

Самое главное, думал я - чтобы не было ощущения одиночества. Не аутофобии, то есть не страха, а именно чувства одиночества. Чувства! Потому что бывает - рядом уйма народу, даже больше, чем нужно, но все равно кажется, что ты на необитаемом острове. Так было у меня с «соседкой». Лучшее средство против чувства одиночества – любовь. Чтобы ты мог быть уверен - есть кто-то еще, кроме тебя, реальный, не фантом в этом ужасающе бесконечном огромном мире. Только любовь рождает эту уверенность...

Меир не имел на это шансов, и я не испытывал ни малейшего желания влезть в его шкуру и в его безнадежное время. Настроения протеста, которые появились у меня в прошлую беспокойную ночь, только усилились. Как бы в ответ Меир глухо застонал. Я увидел, что ему снится пустой, ужасающе бесконечный мир, наполненный зловещими фантомами.

Кажется, я на себя, на него – и на вас – нагнал страху. Но в моем положении это было простительно. Шутки шутками, но я аки бестелесный дух или призрак фактически не четыре дня, а целых тридцать лет как неприкаянный брожу по земле, вмешиваюсь в чужую жизнь и никак не успокоюсь. Я почувствовал усталость. Есть ли возможность шумно вздохнуть с облегчением – как и полагается призраку в рождественских историях - и наконец отбыть... не знаю куда, туда, куда положено отбывать призракам? Впрочем, знаю. Назад в свое время. И упокоиться на Таировском кладбище, в присутствии не слишком большого количества близких людей. Даже, может быть, и Марины...

В этот момент мне и запала в сознание мысль, что если я буду искренне, активно несовместим с Меиром, если все будет в нем раздражать, то на меня махнут рукой, не будут насиловать и отправят назад. Вычеркнув все из памяти. Не могут же они допустить, чтобы в человеке растворилось враждебное ему сознание? Впрочем, мы знаем много примеров, когда люди живут в вечном раздразе с собой. Может, это следствие такого симбиоза?

Нет, я все-таки верю в доброе начало операции «реинкарнация». И мне показалось, что кто-то в моем подсознании одобрительно подмигнул, так, мол, держать.

Я успокоился, вернулся к привычным мыслям о Марине и незаметно уснул.

Антиподы

Меир с утра начал настраиваться на отпуск. Не включал новости, не делал зарядку. После завтрака спустя рукава, без настроения поработал у компьютера. Подчистил кое-какие хвосты. Связался с Пниной, что-то с ней обговорил. Заплатил коммунальные услуги, и все такое прочее.

Воспоминание об Орне и легкое беспокойство по ее поводу возникало все же в его сознании, но мимолетно. Если на все реагировать...

Пару раз звонила Авива и все тем же звенящим голосом предлагала что-то купить, в том числе снаряжение для подводной охоты. Меир покровительственно, но, пожалуй, даже любовно

подсмеивался над ней. Ничего, говорил он, покупать не надо. Там все дешевле и лучшего качества. Авива охотно соглашалась. Мне показалось, для нее было главным позвонить и убедиться, что все это наяву.

Но ближе к обеду последовал неприятный звонок. Ронит предлагала купить билеты на итальянскую комедию. На пятницу. Это уже была дилемма – говорить или не говорить о грядущем отъезде? Он сказал. С кем, разумеется, не уточнял. Сцена была в духе той самой итальянской комедии, на которую им попасть было не суждено. С бросанием трубки, криками и неприличными словами. И прямой угрозой – если она узнает, что он едет с Авивой, то выцарапает глаза им обоим. Напоминание, что она за этот год моталась сначала с толстым греком, потом с худым французом по Европе, ее не убедило. Как можно сравнивать? Они на нее тратили деньги, а ее собственный бойфренд тратит их на кого попало. Своеобразная логика. С облегчением Меир подумал, что такой непосильный темперамент ему не по плечу и хорошо, что он решился вырваться на волю. Он позвонил Авиве и велел не признаваться Ронит даже под пытками, потому что если та накапает Эли, скандал еще больше разрастется.

Все это тянулось до двух часов, до положенного по распорядку дневного сна. Усталый после непривычных напряженных дней и ночей, Меир сказал Пнине, что его не нужно ни с кем не соединять до четырех часов, даже если наступит конец света. Мы оба мгновенно заснули.

В четыре часа Пнина нас разбудила и сказала, что насчет конца света Меир не очень ошибся. Он почти наступил. Один из барражирующих бомбардировщиков потерпел аварию над Пакистаном восточнее Карачи. С дымным шлейфом от одного мотора он долго тянул в сторону моря, то есть сам факт аварии скрыть было невозможно. Весь мир – кроме нас с Меиром – с замиранием сердца следил за этой картиной. Не только страны участники конфликта, но и Иран, Россия, а также, естественно, НАТО на всякий случай навели друг на друга ракетные установки и подняли самолеты в небо. Но вот час тому назад выяснилось, что летчики героически дотянули до глубокой расщелины Аравийского моря, утопили две бомбы и катапультировались до того, как самолет нырнул в море. Все кончилось довольно благополучно, если не считать потопленного падающим самолетом небольшого картографического судна с экипажем двадцать два человека. Но об этом почти никто и не вспоминал.

Сейчас идет обсуждение этого инцидента по первой программе за круглым столом.

Меир включил экран. Действительно, несколько человек обсуждало эти новости. Видимо, специалисты. И тоже говорили, что незачем особенно расстраиваться. Уже не один раз теряли атомные бомбы вместе с самолетами. Еще в 1968 году американцы потеряли четыре бомбы возле берегов Гренландии. Три нашли, четвертую до сих пор ищут. И пошло, и пошло. Они нудно перечисляли все случаи. Потом объяснили, что атомный взрыв в таких ситуациях невозможен, пока летчик перед самым бомбометанием не произведет некие манипуляции – говоривший сделал вид, что ему-то хорошо известно какие. Лопнувшая бомба может только угрожать радиоактивным заражением на много километров вокруг. Тоже неплохо, но до нас это заражение не дойдет. Зато все участники и зрители этого шоу немного отрезвели, и Пакистан с Индией решили продолжить переговоры. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Надолго ли?

Но для Меира этих сведений было вполне достаточно, чтобы начисто выбросить инцидент из головы. Вместе с бомбардировщиками.

Он посмотрел на часы – полпятого. Орны нет. Вот это действительно повод для беспокойства. Он даже вышел на улицу и посмотрел в ту сторону, откуда она должна была появиться. Нет, не видно.

Мне пока еще не приходилось видеть моего «хозяина» столь явно нервничающим. Так продолжалось до пяти. И вдруг раздался стук в дверь. Это не Орна, у нее есть ключи от входной двери. Меир пошел открывать... и это оказалась все-таки Орна. В странной одежде. Юбка короткая, чуть ниже колен, почти лопается на бедрах. Рубашка в обтяжку, с трудом сдерживается пуговицами, как оказалось, на довольно пышной груди. Только непокорные волосы и победно горящие глаза убедительно доказывали, что перед нами все та же Орна.

Она не была напугана, расстроена. Она была горда собой.

Орна прошла прямо в кухню, села – поморщившись от боли – и стала рассказывать.

Вчера она вернулась домой в начале десятого. Вся семья уже стояла на ушах. Начался допрос с пристрастием, главным прокурором была мать, следователем, естественно, Шломо, а безмолвным верховным судьей отец.

Чтобы не затягивать агонию, она сразу сообщила, что уходит из семьи и из религии. Во всяком случае, из такой религии, как у них. Из ультраортодоксальной.

Начался шумный скандал: бесчестье, разврат, позор семьи! Она скорее умрет, чем ей будет позволено опозорить всю их общину. А потом мать неожиданно и в лоб спросила Орну: «Ты спала с ним?»

В ответ Орна немного растерялась, но сказала: «Вас это не касается».

Меир, испытывая некоторую неловкость, спросил:

- То есть ты не сказала «нет»?

- Но и не сказала «да». Чтобы не было пути назад. И чтоб они перестали мне сватать этого дурацкого жениха, сына рава из ешивы.

Но мать все поняла. И закричала: «Бесстыжая девка! Потаскуха! Что он подумает, что подумают люди о нашем честном имени?»

«А чего тут думать? Он и так все знает о вашем честном имени. Я ему рассказала», - и она выразительно посмотрела на шрам на виске Шломо..

Мать осеклась, а рав Барух поднялся и сказал, что пойдет в синагогу молиться за заблудшую дочь. Его уход был сигналом. Мать и три старших брата скрутили ее. Шломо собственноручно довольно больно избил ее по спине и по мягкому месту заранее заготовленной палкой, правда, стараясь сделать это незаметно от матери, а мать в свою очередь старалась этого не замечать. Затем Орну отвели в туалет на втором этаже, раздели догола и заперли. Есть-пить не давали, но хорошо, там был кран. Только время от времени спрашивали: «Ты еще не передумала?»

Почти сутки в довольно узком туалете, можете себе представить? Там было маленькое слуховое окно, и все-таки можно было бы попытаться пролезть в него. Но голой, куда денешься? К счастью, чуть позже рядом повесили стираное белье. Орна проявила смекалку и из деталей сливного бачка соорудила крючок. Дотянулась до белья, втянула одежду младшей сестры, кое-как оделась, выждала момент, когда в зоне видимости никого не было, пролезла, исцарапавшись, через окошко, содрала при падении локоть...

- И вот я здесь!

Меир подумал, что в этой одежде ей намного лучше, чем в своем обычном балахоне. Нет, он неисправим!

Впрочем, в данном случае я придираюсь. Он проявил большое сочувствие, к тому же пообещал всемерную помощь. Мало того, сказал, что он ее не оставит и она вполне может на него положиться.

- Ты голодна? Бедная девочка. Иди в душ, я тебе дам чистую пижаму, вымойся. А я пока приготовлю что-нибудь поесть.

Все это было сказано с такой искренней заботой, что у Орны на глаза навернулись слезы. А я подумал, что если он будет продолжать в том же духе, то антагонизма у нас может и не получиться.

Но по поводу пижамы, несмотря на драматичность момента, Орна проявила строптивость:

- Пижаму я сама возьму. Можно подумать, что твои дамы их стирают. Там есть пару новых, на непредвиденный случай...

Меир подумал: «Я сам из этой девочки сделал женщину, теперь должен терпеть женский характер».

Но Орна исправила положение; возвращаясь из салона с бельем в руках, она сказала:

- Я тебе очень благодарна, Меир, и нуждаюсь в помощи. Но ты, пожалуйста, не связывай, - она густо покраснела, - одно с другим. Я уеду к тете в Ашдод, у меня все наладится.

И ушла в душ.

Я испытывал уважение к этой девочке. Меир, по-моему, тоже. Но в отличие от него, я не поверил, что все так просто. Слишком красноречивыми были глаза Орны. Они просто пылали восторгом, когда она смотрела на Меира. И все-таки хотелось надеяться, что несмотря на молодость, сильный характер Орны преодолет все выпавшие на ее долю испытания. Нет, она не сломается, есть в этой девочке жизненная сила...

Меир сделал пару бутербродов с соленой рыбой, пару с колбасой. Подумал и добавил бутерброд с сыром. Еще подумал – и с сыром съел сам. Религиозным запрещается есть молочное вместе с мясным. И кофе без молока. Вечные у них сложности! Сервировал стол - тарелку, вилку, чашку все честь честью. Вдруг в окне, которое выходило на улицу, промелькнула тень. Он присмотрелся - возле входа на участок, озираясь, стоял собственной персоной рав Барух.

Меир приоткрыл дверь в душ и приглушенно сказал:

- Твой отец к нам пожаловал. Ни звука. Сиди тихо.

Вскоре раздался стук в дверь. Пока Меир шел открывать, я прослушал целую беззвучную лекцию о звонках и о стуке. Оказывается, религиозные евреи стучат в дверь, не звонят. Слишком много моментов, когда кнопку электрического звонка им нажимать запрещено. Суббота, праздники, в будни с двух до четырех и так далее. Сейчас еще можно, а уже через две минуты нельзя. И чтобы не перепутать, они привыкают стучать в дверь. Не прерывая лекции, Меир повернул маховичок английского замка. Вошедший прежде всего коснулся рукой какой-то нащепки на дверном косяке, чмокнул после этого пальцы, сказал «шолом».

Меир ответил тем же и сразу провел незваного гостя в салон. Тщательно закрыл за собой дверь в коридор. Указал ему на кресло возле стола. Рав сел. Меир остался стоять, всем своим видом показывая, что долго разговаривать не намерен. Могу засвидетельствовать, что желание схватить за шиворот и вышвырнуть рава на улицу у него было с самого начала.

Рав Барух оказался невысоким, зато широким, особенно в бедрах, и довольно рыхлым мужичком, с окладистой бородой, пейсами, в черном двубортном удлиненном пиджаке и черных, немного мешковатых брюках. Рубашка белая, не заправленная в штаны. Из-под рубашки свисали какие-то веревочки. Лицо смышленное, глаза неглупые. Тоже смуглый. С неудовольствием я отметил, что Орна на него похожа. Рав держался солидно, как-то задумчиво. Казалось, он все время мыслями где-то высоко, не на грешной земле. Говорил медленно, значительно, будто вот-вот изречет что-то очень важное.

- У нас ушла, сбежала дочь... Моя дочь... Орна. Это большой позор... И большие неприятности для всех нас. И для меня тоже... Неприятности лично для меня...

Меир молчал.

- Она может быть либо у бабы Розы, либо у тебя... Больше некуда... Куда грешнице без денег, без одежды? У бабы Розы ее нет... Нет ее там. Значит, у тебя.

- Ну и что?

- Как что? Как что? Она должна вернуться. Тихо. Вернуться. Без этого... без скандала. Ваш безбожный и порочный мир...

Это уже было слишком. Терпение Меира лопнуло. Он схватил рава Баруха за борта пиджака, одним движением вынул его из кресла и поднял так, что тот стал пританцовывать на цыпочках.

- Слушай, друг мой безгрешный. Ты лет на восемь старше меня, а уже наплодил кучу детей. Но для этого ума много не надо. А совесть у тебя есть? Ты лучше меня знаешь, где грех. То, что твой Шломо с ней делал! Это и есть содомский грех! А ты все знал, долбаный святоша! Если ты не оставишь ее в покое, пойдешь в тюрьму за соучастие. Это я тебе обещаю. А пока пшел вон отсюда!

И он толкнул рава в сторону выхода.

И тут произошло преобразование. Святой исчез. Рав Барух спокойно выровнял лацканы пиджака и подошел к Меиру вплотную.

- Хорошо, поговорим на том языке, который ты понимаешь. На материальном. Нас в общине, в нашем поселке шестьдесят девять семей. Есть всего восемнадцать рабочих мест, которые оплачивает государство. Синагога, ешива, кашрут и еще... ну там... Все остальные на пособии. Наш рав Мерзель, - он почтительно посмотрел вверх, - должен уйти на повышение в религиозный совет Нагарии. Это большое дело. Освободится должность. Восемнадцать семей ждут передвижки. И я тоже должен получить хлебное место и перестать нищенствовать. А из-за Орны все рухнет. Мы все крепко завязаны. Не то что вы. Уйти некуда, работу и квартиру не поменяешь. Кому мы без общины нужны? Мы все зависим от нашего совета и друг от друга. И мы все, как один. Ты не все понимаешь. Мы тебя зароем, так и знай!

Теперь мне понятной стала их сплоченность. Я из прошлых времен знал, что ультрарелигиозные голосуют, как один, на демонстрацию – как один. Помню, меня удивляло – что творит вера! Но скорей всего тут не столько вера, сколько зависимость. Действительно, куда они уйдут из общины со своим церковно-приходским образованием? А улучшить жилищные условия, получить паек, оплачиваемую должность - все в руках их раввинатского начальства. Как же без почтения, поклонов, интриг? И демонстрации единства?

Поэтому любая верхушка ультрарелигиозных отчаянно борется за то, чтобы образование у них было независимым. Это, мне кажется, касается не только евреев, но и любых замкнутых ультрарелигиозных систем. Они обучают и воспитывают подрастающее поколение так, чтобы те в

любом другом ареале не могли найти себе применения. Нигде не могли прижиться. Тут и бери его тепленьким...

- Подумай до завтра. До утра. Я предупредил!

Не дав Меиру опомниться, он повернулся и вышел, не забыв коснуться в дверях нашлапки и лизнуть пальцы.

Когда раздался звук захлопнувшейся двери, из душа вышла Орна. Она старалась держаться свободно и независимо, но видно было, что в этой симпатичной розовой с цветочками пижамке, в сужающихся к щиколоткам тонких изящных брючках Орна чувствовала себя голой. Она угрожающе посмотрела на Меира, стараясь предупредить его неизбежные остроты. Но куда там.

- Как хорошо, что у тебя дома отобрали одежду. Иначе я так и не увидел бы, какой цветок скрывался в коконе из ужасной дерюги.

Это была бестактность на этот раз вместе с пошлостью. Но в голосе Меира звучало такое неподдельное одобрение, что пщца так и не взорвалась. Только стала более розовой, чем ее кофточка. Орна действительно умудрилась еще раз удивить нас обоих. В этом оформлении ее смуглая красота – это слово не будет преувеличением – была свежей и чувственной. Да, чувственной – это правильное определение. Это была девочка, но девочка уже вполне созревшая.

- Да здравствует ультраортодоксальная религия, - снова изрек Меир. Я тоже так подумал, мне можно. А он явно нарывался на взрыв. Но, к счастью, вовремя почувствовал перебор. – Извини, молчу. Садись, ешь.

Бутерброды смягчили ситуацию. Меир решил, что Орна нуждалась не только в моральной поддержке, и поэтому поставил на стол два красивых фужера, налил в каждый из них до половины вина.

Орна пригубила и жадно принялась есть. За сутки проголодалась.

- Что сказал рав Барух?

- Рав Барух? Он не похож на человека не от мира сего. А тем более на божий одуванчик. Сказал, что дает нам с тобой сроку до завтрашнего утра. Но что он может нам сделать?

И Меир беспечно махнул рукой. А мысленно вновь принялся за свое:

«Ай да Золушка! Нужно отправлять ее поскорее, так и до греха опять недолго. Негоже исправляющемуся грешнику, который едет отдыхать, возможно, с будущей невестой, подвергаться такому соблазну».

Но буду объективен, он это думал не всерьез, скорее по привычному в его компании пустословию. Сейчас у него – впрочем, как и раньше, до срыва - превалировало какое-то отеческое к ней отношение.

- Ты неправ. Они могут придумать все что хочешь. Рав Марзель очень сильный и опасный человек.

И она повторила примерно то, что сказал рав Барух. О надежде заправил их общины на цепочку повышений. О намеченном скачке наверх всемогущего Марзеля. И все это в случае скандала может не состояться.

Меир почувствовал беспокойство. Вдруг она права? Он оставил Орну на кухне, а сам пошел в салон. Там он позвонил на мобильный телефон Моти.

Меир рассказал ему всю историю без купюр, стараясь ничего не пропустить. Адвокату, как врачу, можно и нужно говорить всю правду. Тем более что стесняться надежного соратника по приключениям смысла не было.

Сначала Моти вставлял в рассказ Меира шутки-прибаутки, в основном сдобренные остротами ниже пояса, но потом стал серьезным. В конце рассказа он подвел итог фразой, которую я перевел на русский так – дело пахнет нафталином.

- Слушай внимательно. Я думаю, они не столько боятся ухода Орны, сколько обвинений в инцесте, который родители покрывали. И что всплывет прошлый инцест, который покрывал сам Марзель. Такого рода подозрения бытуют по отношению к ортодоксальным общинам, хотя далеко не всегда справедливо. Но впрочем, и не без оснований. Поэтому они нападут первыми, чтобы иметь возможность сказать: «Он эти гадости про нас придумал в свое оправдание». Я думаю, они тебя будут обвинять в соращении несовершеннолетней. Нет, скорее в изнасиловании.

- Ты с ума сошел! Ее изнасиловал брат в двенадцать лет! И мать это знала!

- А кто докажет? Кроме Орны, никто не подтвердит. А вдобавок ты стер все улики прошлого преступления. И насколько я тебя знаю, стер их очень добросовестно, - Моти был очень доволен

своей остротой. – А то, как ты ее насиловал, видело человек как минимум триста, и все, не задумываясь, дадут показания. Это у них называется...

- Я знаю. Лашон ха-ра.

- Умница. Все знаешь.

- Но постой, какая несовершеннолетняя? У нее несколько одноклассниц уже замуж вышли.

- Сколько ей?

- Шестнадцать лет и три месяца.

- Ну, во-первых, триста человек видели, как ты ее насиловал три месяца тому назад. Но дело даже не в этом. Есть вилка светского и религиозного законодательства. Для женитьбы она взрослая, для изнасилования еще ребенок. Все может обернуться против тебя. Дело серьезное.

- А презумпция...

- Не говори красивых слов, не будь наивным. Скоро выборы. Я знаю, что рав Марзель будет баллотироваться в Кнессет. Для них иметь своего депутата... в этом их жизнь, если хочешь знать. Должности, дотации, деньги на ешиву. Какая там презумпция! Лучше подумай, что у вас есть еще?

- Избиение подойдет?

- А было?

- Было.

- И следы?

Меир вспомнил, как сморщившись садилась Орна.

- Наверняка.

- Это именно то, что нужно. Израильское законодательство помешано на неприкасаемости детей. А для битья она по-прежнему ребенок.

Они еще долго беседовали, прикидывали то так, то эдак. Наконец составили план. Моти берет на себя общественные организации по защите детей и прав женщин, при необходимости полицию и общее руководство. Не бесплатно. Дружба дружбой, а дело делом. Меир едет в больницу с Орной снимать побои и немедленно отправляет ее из дому.

- Есть куда ее отправить? Может, ко мне?

- Волку ягненка? - мой перевод. – Найдем куда. Подыщем более безопасное место.

На том и порешили. Меир вернулся в салон, где его дисциплинированно ждала Орна. Она почти осушила фужер, съела все до крошки, и ее смуглые щеки немного порозовели. Меир тоже почувствовал необходимость поддержать тонус, налил себе еще вина и с удовольствием выпил.

Он в общих чертах рассказал суть разговора с Моти. Сказал, что они должны поехать снимать побои, а потом она пойдет ночевать к бабе Розе. Заметив тень неудовольствия на ее лице – все-таки речь шла о родителях, – он резко сказал:

- Выбора нет. И очень прошу тебя, не возражай сегодня. Не до того. Они посадят меня за соvrрачение малолетней. Я должен защищаться.

То, что Орна в ответ не сказала ни слова, его напугало. Значит, она понимала, что такой вариант реален. А ей виднее, она своих знает досконально...

И в этот момент Меир спекся, не знаю, как лучше определить его состояние. Три беспокойные ночи - включая субботнюю, - затем два сумасшедших дня. Даже его тренированный организм не выдерживал. Он стал с трудом реагировать на внешние обстоятельства, глаза при каждом удобном случае закрывались сами. А это означало, что я получал смутную и некачественную информацию. Поэтому ничего интересного о его поездке вместе с Орной в город и в больницу для снятия побоев толком рассказать не могу. Он вызвал такси, за руль не сел, в этом я уверен. Смутно помню, что они сначала заехали в универмаг, чтобы купить ей приличную одежду. Тех, кто помнит аналогичную сцену в фильме «Красотка» с Ричардом Гиром и Джулией Робертс, должен разочаровать – было мало похоже. Она выбрала три простеньких платья и немного белья, а Меир проспал все представление.

Потом ожидание в больнице, пока врач оформлял побои. Меир это время тоже продремал. Такси на обратном пути остановилось возле дома бабы Розы. Орна хотела благодарно поцеловать Меира, но тот снова отключился. На этом расстались. Мы пошли домой. Почти с закрытыми глазами отправили Моти по Интернету копию заключения врача. Затем приняли душ (он тоже не взбодрил) и дружно провалились в сон.

На следующее утро мой «хозяин» все-таки ожил. И даже по просьбе Пнины включил новости. Не стоило. Новости начались с того, что терпеть происки Сирии просто больше невозможно. Она

вооружает Хизбаллу в Ливане, никак не поймет, что Голаны исконная территория Израиля со времен, описанных в Торе. Смысл был такой – Сирия может доиграться, если не прекратит свои штучки. Я вам это передал с одесским акцентом, но по смыслу все верно.

Меир тут же отключил экран.

«Кажется, Эли не преувеличивал. Черт бы его, Эли, побрал!»

Но Меир решил, что нужно брать себя в руки. Зарядка, душ – хватит распускаться. После завтрака он успел сесть к компьютеру, но на большее времени не хватило. Раздался громкий стук в дверь. Он вышел в коридор, заглянул в глазок – там была Орна, бледная, с трясущимися губами. Оптика глазка только подчеркивала и искажала ее перепуг.

- Меир, они идут. Уже близко.

Меир выскочил на улицу, посмотрел направо – приближалась сплошная темная толпа. Она занимала всю дорогу, а конец скрывался за поворотом. В первых рядах несли несколько самодельных плакатов на палках. Зрелище не для слабонервных. Оба почувствовали, что в сердца невольно заползает страх. В Израиле официально и даже неофициально считалось, что из всех ультрарелигиозных групп в мире самыми мирными и законопослушными являются еврейские ортодоксы. Но мнение это одно, а толпа совершенно иное. Они приближались, доносился какой-то угрожающий гул. Мужчины в черных костюмах и шляпах, женщины в длинных темных платьях. Вся демонстрация в лучах светлого утреннего солнца выглядела контрастно черной.

Что делать? Запереться в доме? Не слишком хороший выход. Толпа очень многочисленна и выглядит агрессивно. Меир вспомнил угрозы рава Баруха, предостережения Моти. Вполне возможны провокации...

На нем были только шорты, но в их карманах всегда лежали мобильный телефон и ключи от машины, на всякий случай. Сама машина стояла на улице, прижавшись к кустам, окаймляющим его дворик, носом к надвигающейся толпе. Он вынул ключи, разблокировал дверные замки. Прозвучал сигнал блокиратора.

– В машину, быстро!

Орна мгновенно нырнула на заднее сиденье, Меир за руль. Он с замиранием сердца повернул ключ в замке зажигания. Только бы завелся! В последнее время у него подсел аккумулятор, давно пора его заменить. И вздохнул с облегчением – мотор сразу взревел. Меир дал задний ход, разворачиваться времени не было, толпа уже находилась метрах в тридцати. С визгом он заехал на открытую площадку перед строящимся домом, развернулся и помчался по дороге к морю. Вслед ему полетели камни мирных демонстрантов. Толпа не может спокойно видеть убегающих от нее, как не могут видеть бегущих... Нет, не хочу заканчивать сравнение, антидиффамационная лига может обидеться.

Я заметил, что Саид с удивлением следил за этим триллером, а палестинец злорадно улыбался.

Машина выехала на основную трассу, идущую вдоль моря, и направилась в Нагарию. Меир спустя несколько минут быстрой езды притормозил и задумался. Документов у него не было, вид непрезентабельный – в домашних шортах, без рубашки, босиком. Далекое не уедешь, у нас бы сказали – до первого милиционера. Он проехал еще пару километров, затем повернул налево, на первом перекрестке снова налево и поехал назад по верхней дороге. Проскочил перекресток между своим и ортодоксальным поселком. Трасса дальше петляя взбиралась на гору. Из-за зарослей вдоль дороги снизу, от поселков, машины вроде бы не должно быть видно. Меир остановился прямо напротив своего дома, спрятав машину за длинным бараком. Здесь раньше был чек-пост в заповедник, я через него проходил тридцать лет тому назад. Он вышел из машины и, осторожно раздвинув густые кусты, выглянул из-за угла... Наблюдательный пункт был отменный. Все видно, как на ладони. Расстояние метров двести, не больше. И почти слышно. Сверху всегда лучше слышно. Наиболее громкие отдельные голоса вполне можно было различать.

Толпа в черном сгрудилась возле дома Меира, запрудив почти всю улицу. Из окон соседних коттеджей выглядывали любопытные и испуганные лица. Пару человек – было видно – здесь же, у окна, звонили по телефону. Наверно, в полицию. Значит, этот цирк долго продолжаться не будет. В толпе всюду трудились три журналиста, которые, судя по всему, пришли вместе с демонстрантами. Мужчина с телекамерой, женщина с микрофоном и фотограф. Они были одеты более цивильно, но все-таки тоже относились к ортодоксам – мужчины с черными кипами, женщина в длинном платье и аляповатой шляпке. Все было предусмотрено.

- Ух ты, я и не думала, что нас так много.

Орна стояла рядом и тоже рассматривала толпу.

- Осторожно, не дай бог, нас заметят! Их человек триста, а то и четыреста. И подростки. Хорошо, хоть малых детей не захватили с собой.

- Почему, захватили – видишь, вон там, с краю, у женщин на руках... А вот и рав Барух. И Шломо. В центре.

- А рава Мерзеля нет?

- Нет.

- Понятно, режиссер за кулисами. Ты не видела, что на плакатах?

- «Насильника в тюрьму». И что-то насчет разврата.

- Значит, изнасилование... Это серьезно.

Меир связался с Моти. Быстро и взволнованно доложил обстановку. Он был очень встревожен, впрочем, как и любой бы на его месте. Закончил так:

- Сейчас они явно обсуждают, что делать дальше, но толпа возбуждается. Размахивают руками, что-то кричат друг другу. Особенно женщины и молодые ребята. Распаляются. Добром это не кончится.

Моти оказался очень деловым. Он сказал, что сейчас как раз беседует с защитницами детей и женщин и они все вместе немедленно выезжают к нему, через полчаса будут.

- Ты в полицию звонил?

- Пока нет.

- Звони немедленно. Там должно быть твое официальное заявление. Я тоже им позвоню. Смотри, не высовывайся. Могут покалечить. Все, выезжаем.

Меир набрал телефон полиции, назвал свои данные, затем четко и обдуманно объяснил ситуацию – я понял, что там разговор записывают. Повторять вам не буду. Стоит только отметить один момент. На вопрос: «Почему пострадавшая обратилась именно к вам?», Меир ответил, что больше не к кому. Денег у нее нет, все вещи родители отобрали. Кроме него и еще одной старушки-соседки, где девочка тоже работала, она никого в поселке не знает. Ночевала она у старушки, но за защитой обратилась к нему. Старушка ненадежная охрана от родителей, которые избивают ребенка.

Ему сказали, что уже звонили соседи, и полиция выехала. Минут через пятнадцать будут.

Орна слушала разговор очень внимательно. Меир выключил телефон и сказал ей:

- Только то, что я им сообщил. Ничего лишнего, ни слова, никому, - несмотря на не слишком веселую ситуацию, он ей привычно подмигнул и добавил: - лашон ха-ра!

Внизу в толпе росло напряжение, это было видно и на расстоянии. Голоса становились все более резкими. Солнце уже было высоко, жара; темные плотные одежды в таких условиях ощущению комфорта не способствовали. Положение демонстрантов становилось нелепым, и все это неминуемо должно было вылиться в агрессию.

Два жильца соседней с Меиром квартиры вышли и стали в чем-то их убеждать. Судя по жестам, уходите домой, нам нужно проехать. Выглядывающие из окон близлежащих домов соседи тоже стали покрикивать и махать руками в сторону религиозного поселка. И тогда группа молодых ешиботников начала скандировать:

- Вы не евреи! Вы не евреи! Вы не евреи!

На иврите это звучало так:

- Гоим! Гоим! Гоим!

Светских они настоящими евреями не признавали.

Почти сразу подхватили речовку все демонстранты, включая женщин, и мне казалось, даже дети на руках кричали:

- Вы не евреи! Вы не евреи! Вы не евреи!

- Ну да, только вы евреи! – зло проворчал Меир.

Орна, казалось, была готова провалиться сквозь землю от стыда.

Дирижировала группка, в которой был Шломо, какая-то злая немолодая фурия и еще один высокий и худой парень, в полной экипировке – шляпа, пейсы, борода, веревочки и в дополнение очки.

- Кто эта женщина, которая визжит не своим голосом, сюда слышно?

- Жена рава из ешивы. Мать моего дурацкого жениха. Видишь, высокий в очках? Это дурацкий жених и есть.

Было видно, что рав Барух вместе с двумя-тремя демонстрантами постарше пытается успокоить народ. Плохо получалось. Разошедшуюся толпу всегда тяжело остановить, молодежь вдвойне, ортодоксальную молодежь тем более. А уж ортодоксальные женщины в борьбе за мораль вообще неудержимы.

Перелом произошел тогда, когда какой-то подросток подбежал к стройке, схватил камень и запустил его в окно кухни Меира. Звон разбитого стекла обозначил новый этап вроде бы мирной демонстрации. Одни борцы за справедливость и истинно еврейский образ жизни, бородатые и пока еще безбородые, стали бегать за камнями и бомбардировать окна, другие переворачивали расположенные вблизи мусорные баки.

Журналисты перестали снимать и вести репортаж, они отошли в сторонку с довольно-таки понурым видом. Фиксировать незаконные действия их, очевидно, не нанимали.

Наконец один активист – смотри, Меир, это мой дурацкий жених! – нашел занятие поинтересней. Он притащил солидный камень и забросил его на крышу. Крыша была стеклянная, солнечные батареи, система затемнения, немереные деньги...

- Черт бы их побрал. – Меир с трудом сдерживал желание ринуться вниз. - Что творят! Крыша стоит дороже, чем весь дом. Стекло, правда, прочное, разбить тяжело, но все исцарапают.

У «дурацкого жениха» нашлись многочисленные последователи. Другие стали разорять беседку и навес, ломать пластиковые стулья. Кое-кто занялся кустами. Работа нашлась всем. Азарт и озлобление на глазах заражали самых спокойных. Срабатывал эффект разбушевавшейся толпы.

Шломо и «дурацкий жених» нашли тяжелый камень, поднесли его к дому и вдвоем, раскачав, забросили на крышу. Наверно, они все-таки добились результата, потому что раздался радостный рев болельщиков, как на стадионе, когда забивают долгожданный гол.

И тут Меир не выдержал. Он выскочил из укрытия и закричал что есть мочи:

- Идиоты! Что вы делаете?! Прекратите немедленно!

За этим последовал ряд выражений, которые я передавать не буду. Точного перевода не знаю, но о смысле догадываюсь.

Орна, судя по всему автоматически, последовала за ним, стала рядом и тоже замахала руками.

Кто-то их внизу заметил, закричал «Вот они!» так громко, что мы услышали. Все бросили свои занятия и повернулись в нашу сторону. Опять радостный рев. В азарте человек десять-пятнадцать, не меньше, во главе со Шломо и «дурацким женихом», вооружившись, кто камнями, кто палками с плакатами, ринулись к нам. Подъем был непростой, нападающие рассыпались по склону, каждый искал дорожку поудобнее. Все это напоминало какую-то батальную сцену из дешевого кинофильма.

Орна потянула Меира за руку:

- Давай уедем, пожалуйста!

- Ничего, пусть ползут сюда. Я им покажу, кто из нас еврей.

В это время снизу явственно донесся звук полицейской сирены. Из-за поворота показалась легковая машина с работающей мигалкой, за ней еще одна. Услышали сирену и внизу. Демонстранты стали собираться в плотную группу. Атакующие на склоне тоже, видимо, приходили в себя. Большинство побросали камни и стали спускаться. Я заметил, что Шломо не пошел вниз, он стал наискосок, по склону удаляться от толпы в сторону своего поселка. Достойный сын своего отца следовал мудрому совету из фильма «Праздник святого Йоргена»: «Главное в профессии святого вовремя смыться». Журналисты тоже позорно бежали в сторону религиозного поселка.

Только один «дурацкий жених» упорно долез до дороги, шатаясь от усталости, с плакатом в руке подошел к Меиру. Тот брезгливо взял его за горло, повернул спиной к себе и дал солидного пинка. Жених обрушился в кусты. Не глядя больше в его сторону, Меир пошел в машину. Орна за ним. Молча они сели на свои места.

«Дурацкий жених» выбрался из кустов и поплелся вниз.

В это время зазвонил телефон. Моти.

«Мы уже возле вашей квартиры. Можете возвращаться».

Меир повернулся к Орне.

- Все, как договорились, не забудь. Никогда и ничего не было! – И вдруг засмеялся, один глаз его закрылся, это он опять подмигнул Орне. – Берем на вооружение «лашон ха-ра»! Все-таки мы с тобой евреи!

Полиция работала часа три. Передвижной штаб с разрешения Меира устроили в его квартире. В салоне писали протоколы, допрашивали родителей Орны, несколько человек, объявленных зачинщиками. Меир указал на Шломо и «дурацкого жениха» и еще на пару активных молодых людей, которые ему запомнились. Орна называть кого-нибудь отказалась, что было встречено полицией с пониманием – все-таки свои.

Меир, Моти и две общественницы, дамы лет под пятьдесят, в основном сидели в кухне. Одна из дам, полная круглолицая и улыбочивая, была защитницей детей, другая, худая, смуглая и довольно некрасивая, боролась за права женщин. Они долго изучающее смотрели на Орну, пытаясь понять, кому из них она больше подходит. По-моему, не выяснили.

А сама Орна, ответив на пару вопросов полиции, все время готовила и разносила кофе. Израильтяне очень много пьют кофе во время работы. А иногда и вместо работы.

К Меиру вопросов было немного. Главный из них - почему демонстранты имели претензии именно к нему? Он пожал плечами и ответил:

- Я думаю, что дело в ее желании уйти из религии. Они решили, что это я убедил Орну так поступить. Для них уйти из религии – страшный грех и разврат.

- А вы ее не убеждали?

-Я? Ее? Девочку-домработницу? С какой стати?

Орну тоже спросили, не приставал ли к ней хозяин квартиры. Та даже не сразу поняла, о чем идет речь. Она очень натурально удивилась и тоже, как и хозяин, ответила вопросом на вопрос:

- Кто? Господин Меир? Взрослый солидный человек?

Удивление было настолько убедительным, что даже я засомневался: «А был ли мальчик?»

Эта тема больше не возникала.

Вызванная баба Роза подтвердила, что Орна ночевала у нее. Рассказала ужасы о следах избияния на теле.

В нагарийское отделение полиции забрали зачинщиков, в том числе «дурацкого жениха» и не успевшего убежать далеко Шломо. На завтра в суд вызвали родителей Орны. Это будет предварительное слушание, объяснил Моти, на нем судья вынесет постановление, которое я перевел как «граница безопасности». Оказывается, есть такая статья в Израиле. Всем членам семьи Орны будет запрещено подходить к ней ближе, чем на сто метров. Иначе последует уголовное наказание.

Моти тихонько посоветовал Меиру, чтобы Орна до суда поехала ночевать в убежище для жертв насилия в семье, есть в Израиле и такое. В этом случае все будет выглядеть солидней, и у завтрашнего суда не возникнут лишние вопросы. Активистки - защитницы женщин и детей уже забронировали ей место.

Оценщик ущерба от погрома должен прийти на следующей неделе, суд по поводу избияния ребенка состоится месяца через три. Фемида не слишком торопилась. Меир может ехать в отпуск и никуда не опоздает. Он подписал доверенность Моти на ведение всех дел и отныне был свободен. Как птица.

Перед отъездом всей делегации в Нагарию Меир улучшил момент и с суровым видом хозяина – полиция была недалеко – сказал Орне, что в четверг поздно вечером он уезжает. Просит ее завтра приехать, как только освободится, и помочь ему собраться. Он ей оставит ключи, деньги за два месяца, и она может жить в квартире, пока тетка не приедет или пока не найдет себе жилье. Заодно убирать, поливать цветы и так далее. Еще суровой и высокомерной он вручил ей причитающуюся за последнюю неделю зарплату. Орна покосилась на бдительную полицию и так же деловито приняла деньги. Там было намного больше, чем зарплата за неделю. Они попрощались, он чуть надменно, она немного подобострастно, как и положено нанимателю и домработнице. На мой взгляд, немного переигрывали.

Нет, кажется, ненависть к Меиру у меня не возникнет...

Все разъехались, он остался один в своей замусоренной, разбомбленной квартире.

Но испытывал только облегчение. Все неприятности закончились, впереди бездумный отдых на сказочных беспечных островах. Он перекусил бутербродами с кофе, и вздохнул – опять придется привыкать к немудрящему питанию. Для дневного сна поздновато; чем заняться? Выбросил из кухни и коридора камни, чуть подмел, надолго его не хватило. Орна завтра уберет. Заказал по телефону стекольщика, тот приехал минут через двадцать, быстро и ловко вставил стекла в окна. И

уехал. Крышей, решил Меир, придется заняться после отпуска. Опять возник вопрос «что делать?». Идти на прогулку ни сил, ни желания не было.

Он сел за компьютер, завтра утром встреча с Гершоем, пытался готовиться. Но к тезисам рецензии перед глазами возникали в виде иллюстраций сегодняшние события. А тут еще Эли стал звонить по телефону - Ронит даром времени не тратила. Меир, конечно, трубку не брал. Тогда Эли прислал СМС. Из послания было ясно, что он приехать не может, потому что в субботу будет занят известным им обоим делом. Но когда вернется...

Меир невольно улыбнулся, ох этот Эли! Если бы Меир был шпионом, мог бы дорого продать день израильского наступления сирийской разведке.

Но это значит, что в пятницу утром он успеет улететь...

Позвонил Авиве. Предупредил, что завтра вечером он к ней заедет, а от нее в аэропорт. Та обрадовалась и долго щебетала – нет, у нее голос был невысокий, грудной – значит, ворковала. Меир стал успокаиваться. Обещал завтра рассказать что-то очень занимательное. Нет, только завтра, сейчас устал.

Ложиться спать было еще рано, но он разделся и улегся в постель. Включив экран, стал переключать программы в надежде увидеть что-нибудь интересное, не политику и не ток-шоу. Но кроме этого, были только сериалы. Он иногда писал рецензии на фильмы, но на сериалы не покушался. Не любил.

Я слышал, как в мозгу у него лениво ворочались мысли. Он пытался понять, почему бесконечные сериалы вытеснили обычное игровое кино. Наверно, огромное количество информации в нашей жизни, думал он, утомляет человека настолько, что во время отдыха он уже не способен даже на минимальную нагрузку. Сериалы чем хороши – не нужно запоминать, как зовут героев, кто они такие, кто хороший, кто плохой. Осваивать новые обстоятельства. В первую неделю всех выучил – и дальше отдыхай. Расслабляйся. Все известно. Это дворец Алонсо, а это квартирка Делии. А сюжет – бог с ним с сюжетом. И если зритель пропустит пару серий, или вздремнет ненароком – тоже ничего не потеряет. Действие развивается со скоростью - одно событие в неделю. В конце сотой серии любящие соединятся.

В том, что развитие техники и поток информации глушит способности человека к интеллектуальному творчеству, лениво размышлял Меир, нет ни малейших сомнений. И дело вовсе не в привычном ворчании современников: «Вот раньше было!» Уже нелегко встретить человека, который устно сможет посчитать что-то, если это «что-то» больше пяти. Подавай ему калькулятор. Конечно, счет еще не творчество... Но его азы. И между прочим, человек с этого начинал свой путь в интеллект из обезьяны. Может, поэтому сейчас такие проблемы с искусством? Для творчества все-таки нужен свободный, незагруженный участок мозга...

Или, скажем, современные музыканты – я понял, что Меир, несмотря на отсутствие слуха, считал себя знатоком и в этой области, – их техника на голову выше, чем в XIX веке. И сравнивать нельзя. А музыка? В ней тоже гармонию и чувства заменила техника или ритм... ритм... ритм.

И в литературе не лучше. Проект писательницы такой-то. Не произведения, а проект. Проект он и есть проект! Реклама, обложка, внешняя узнаваемость, конвейер. И работает группа товарищей... До творчества руки не доходят. Это тот же сериал, только на бумаге. Ну и бог с ними...

И, как это часто бывает в полудреме, неожиданный поворот мыслей. На сто восемьдесят градусов. Все-таки Авива права. Несмотря ни на что. Не Гершой. Нужно попытаться жить как все обычные люди - дом, семья и все такое прочее. У человека в этих обстоятельствах должен вырабатываться не цинизм, а слегка глуповатый оптимизм. Причем вне связи с окружающей средой. Как будто у тебя впереди вечность. Нет, он завтра утром не позволит Гершоем подпортить ему настроение и новый, «розовый» взгляд на действительность. Меир подумал, что с удовольствием бы проспал предстоящее интервью.

Он потихоньку засыпал, так и не выключив телевизор. Но мне звук не мешал. Вы уже знаете - когда «хозяин» не слышал и не слушал, я тоже был «глух и нем». Мы спокойно один за другим погрузились в сон.

Встречу он не проспал. Бдительный секретарь не позволила. Буревестник Гершой появился вовремя. Все было как обычно. Сначала уведомление Пнины. Затем зажегся экран. Оба вежливо встали. Последовало:

- Шолом, Меир.

- Шолом, Шимон.
- Как дела?
- Прекрасно. Что слышно?
- Все в порядке.

На экране со стороны Гершоя по-прежнему преобладали светло-коричневые и бежевые тона, только на этот раз брюки были немного ближе к кофе, а рубашка к молоку. И мне показалось, что наш клиент еще больше возбужден, чем в прошлый визит. На этот раз все его не слишком адекватные движения были еще более резкими и частыми. Может, его, в отличие от общественности, все еще тревожат барражирующие бомбардировщики?

Я не ошибся. Он начал беседу именно с этой темы.

- Не слышал, как там над Пакистаном? Летают? Больше не падают?

- Летают. И над Индией тоже.

- Может, послушаем новости?

- Пять минут одиннадцатого. Новости уже закончились. Зачем тратить время и нервы? Что мы можем изменить?

- Ничего, - Гершой сник, - ты прав, ничего. Пострадать мы можем, я это знаю по себе. А изменить не в силах ничего.

Он очень наглядно «повесил нос» и даже поддержал его рукой. Меир подхватил тему.

- С этого я бы хотел начать. Ты очень убедительно показал сложность ситуации...

- Ах, так на этот раз ты дочитал до конца?

В голосе Гершоя звучала какая-то детская обида.

- Дочитал, - Меир улыбнулся. И для большей надежности без зазрения совести соврал: – И не один раз. Так увлекся...

Он умел работать с клиентом.

Настроение Шимона мгновенно изменилось. Он широко улыбнулся от уха и до уха. Меир продолжал:

- Я не жду точного рецепта. Но видишь ли ты какой-нибудь выход?

Шимон тщательно протер очки и внимательно уставился нам в глаза.

- Мне кажется, что вижу. То есть это личное мнение. Но высказывать его в книге я не стал.

- Так плохо, по-твоему, обстоят дела?

- По-моему, очень плохо. Хочешь, я опишу оптимистический вариант? И – заметь - понимаю, что не делаю открытия. Это уже стереотип для фантастики, но для жизни тоже, к сожалению, близкая реальность. Люди не остановятся, пока не разрушат полземли. Бомбы, экология, климат – все пойдет в ход. А собственно, уже все в ходу. И вчера бомба вполне могла упасть на Пакистан. Как до этого упала в Судане, только с более тяжелыми последствиями, с цепной реакцией.

Он потер подбородок, почесал кончик носа, откинулся в кресле и печально продолжил:

- Оставшиеся в живых на Земле начнут все сначала. Как в фильмах катастроф. Остатки цивилизации, разруха, бродят странные люди... Это оптимистический вариант.

Наш клиент определенно был сегодня не в лучшем расположении духа.

- Да-а-а, - протянул Меир, - ты правильно сделал, что не включил этот «оптимизм» в книгу. И в рецензии его тоже не должно быть. Такое никто не купит. Люди всегда надеются на лучшее...

- Я бы сказал иначе. Люди всегда думают, что не произойдет то, что должно произойти. Что пронесет. А оно происходит. Чудес не бывает. И никого это уму-разуму не учит.

- Как-то до сих пор обходилось... Люди всегда ждали конца света. А когда где-то зарождалась цивилизация и жить становилось лучше, появлялись варвары или вандалы и все разрушали. И все начиналось сначала.

- Да, обходилось. Но почему?

Меир промолчал.

- Если бы у людей была такая возможность, они бы давно все полностью разрушили. Не сомневаюсь. Это в них – в нас – заложено. И мы бы с тобой сейчас не разговаривали. Но сначала человек не мог сильно навредить природе. Потом разрушить ее могли только несколько якобы цивилизованных стран, которые дорожат жизнью. Во всяком случае своей. А сейчас? Ядерное оружие есть у всех, и наконец можно осуществить вековую мечту обиженных, а таких большинство. Ломать не строить.

Он посмотрел куда-то вверх и неожиданно изрек:

- Тем более, что нас на Земле стало невыносимо много.

И сам удивился сказанному:

- Кажется, меня сегодня заносит.

- Есть немного.

А я подумал, что в каждом обиженном сидит Карандышев из «Бесприданницы» Островского, и мощный вопль: «Так не доставайся же ты никому!» по отношению к Земле может раздаться одновременно из двух-трех миллиардов глоток. Единственный выход – обиженных должно быть меньше. Но на это мало похоже...

Шимон уже не мог усидеть на месте. Он поднялся с кресла и стал не то чтобы ходить вдоль стола, а как-то топтаться около него. И попутно что-то перекладывает с места на место. Но и очки, и ухо тоже не забывал. Это было немного смешно, но добавляло напряжения в разговоре.

Впрочем, выражение его лица было серьезным и, безусловно, вполне осмысленным. Адекватным. Без всяких натяжек.

Вдруг он застенчиво улыбнулся и сказал:

- Прошу простить. Нервы. Вспомнился шок после взрыва. И неудивительно. Вчера мы были в двух шагах от моих пророчеств. Если бы пилот не дотянул до моря... Все, все. Извини. Задавай свои вопросы, Меир. Я постараюсь...

- Хорошо. Но ведь обиженные понимают только силу, и как в таком случае быть? «Исламская цивилизация», к примеру, в основе своей не ценит ни свою жизнь, ни чужую. Террор, движение самоубийц, шахиды, попадающие прямо в рай, - все это только отдельные примеры общей картины.

Шимон откровенно обрадовался оригинальному ответу, родившемуся в его голове.

- Допустим, так оно и есть. Я сказал - допустим. Но именно это и должно было бы настораживать. Если обществу, которое выше всего ценит безопасность своих граждан, противостоят люди, готовые с радостью пожертвовать жизнью, своей и чужой, то у кого больше шансов победить? При фактически одинаковых разрушительных возможностях? Это, мне кажется, должно привести к мысли, что война с таким соперником рано или поздно закончится печально. Только силой оружия с ним не справиться. Нужно искать другие пути. А демократические страны не снисходят до равноправия. Все свысока, с позиции силы. Мы отличный пример тому. У нас с соседями и с палестинцами все вообще много лет доведено до абсурда. И к такому же абсурду вслед за нами движется мир. Разве это не тупик?

- Тупик, тупик, - успокоил его Меир и продолжал печатать, не глядя на клавиатуру. Я понял, что он ищет возражения к доводам Гершоя. Но то, что он сказал, прозвучало скорее как дополнение.

- Шимон, не все сводится только к борьбе государств. Смотри, везде повстанцы, теракты, междоусобицы, племена режут друг друга без зазрения совести. Черт-те что творится...

Меир вспомнил о черной демонстрации у своего дома, впрочем, он о ней и не забывал. Такое не забывается.

- И религиозные фанатики размножаются делением по всему миру, хотя, казалось бы, им уже давно пора исчезнуть. В наше-то время!

Гершой тоже совсем раскис. И только огорченно развел руками.

Меир перестал стучать по клавиатуре. Пожалуй, Авива действительно была ближе к истине...

- Может, так и нужно – просто жить? Не слишком реагируя на все вокруг. Чтобы сохранить разум.

Слова Меира произвели впечатление. Шимон задумался, поднял вверх указательный палец, давая понять, что ему в голову пришла очень важная мысль.

- Меир, как обычно говорят о том, что у нас сейчас происходит?

Меир не задумываясь ответил:

- Мир сошел с ума.

- Правильно. И до нас с утра до вечера доносят эту информацию, отлично доносят, с полным эффектом присутствия. Только включи экран - в собственной квартире тебя ежедневно убивают, насилуют, рядом с тобой несчастные женщины и голодные дети. Тут же грибок атомной бомбы. И реальная перспектива большого урожая этих грибов. Урожая, который некому будет убирать. В жизни, не в научной фантастике. Что тогда происходит с нами?

- Двадцать пятый кадр, - вслух подумал Меир.

- Что? – переспросил Гершой. Но образованный человек, быстро сообразил. – Да, пожалуй. Вне нашего желаяния. Не каждый может быть экстремалом, они особенные люди, и - пусть на меня не

обижаются - все-таки не совсем нормальные. А если в такой ситуации оказывается обычный человек?.. Сейчас нам всем вместе и каждому в отдельности приходится выступать в этой роли. Каждый день сплошной экстрим. Нельзя в таких условиях сохранить разум. Никому. Это иллюзия. Так только кажется.

Вид Шимона с указующим в небо перстом был наглядной иллюстрацией к его словам.

Даже Меир стал проявлять эмоции и неожиданно предложил:

- Я знаю, как назвать рецензию на твою книгу.

И в третий раз за эту неделю я услышал фразу:

- «В сумасшедшем доме нормальными являются ненормальные».

Расстались Меир и Шимон почти друзьями. Старший по возрасту высказал уверенность, что они будут встречаться не только на деловой почве. Младший это с охотой подтвердил. И даже финальное обсуждение сроков работы прошло довольно мирно.

Меир предупредил, что уезжает на время «по делам», но через месяц рецензия будет готова и все прочее спланировано.

- Месяц, - расстроено протянул Гершой.

- Шимон, если бы я за неделю мог заработать такие деньги, я бы был миллионером. И потом, то, что мы с тобой называем скромно рецензией, в действительности рекламная акция. Надо договориться с прессой, с прочими СМИ. Спланировать все. Наметить диспуты. Это работа. И непростая работа.

Все-таки Гершой настроение подпортил. После окончания встречи добросовестный Меир, предварительно выпив энергетический напиток, около часа оформлял свои записи. Этот процесс еще больше омрачил и без того неприятный осадок в его душе после беседы. Правда часто бывает горькой, что поделаешь.

«Если бы Шимон знал, что мы со дня на день затеваем оборонительную атаку на Сирию, - вздохнул Меир, - он бы расстроился вконец. Мы на Сирию, Иран трахнет по Израилю, Америка по Ирану... Во всяком случае, обычные ракеты из Сирии и Ливана будут точно. До убежища добежать не успеешь, оно одно на весь поселок. Либо все время там сидеть, либо ехать к маме в Тель-Авив. Как в позапрошлом году. Но и там достают. А может, как-то обойдется? Права Авива - кто тут останется нормальным, кроме Ронит? Хорошо, что я успеваю выскочить на острова до начала заварушки, если верить Эли».

Он сознавал, что это звучит эгоистично, дома остаются родные и близкие. Но уж очень жаль было бы загубленного отпуска. Тем более что его присутствие или отсутствие все равно ничего не изменит.

Ближе к обеду позвонил Моти. Предварительный суд закончился быстро и без проблем. Принято постановление о границе безопасности для Орны сроком на три месяца. Все остальные темы переданы следствию, которое будет идти ни шатко ни валко.

Орне дама по защите детей сейчас выбивает место в школе-интернате в Ашдоде, вблизи ее тетки, которая все еще за границей. Но только с нового учебного года, сейчас занятия практически закончились. Они поехали в интернат оформляться. Орна просила передать Меиру, чтобы он не волновался, после обеда она придет и все уберет.

Отлично. Тем более, никто убирать и не собирался. И никто не волновался.

- А знаешь, кого я встретил возле суда? «Случайно»? Рава Мерзеля.

- Ты его знаешь?

- Кто в Нагарии его не знает? Мы с ним были один на один, поэтому говорили почти открытым текстом. Он сказал, что без сомнений совращение несовершеннолетней имело место, и вполне можно было это доказать. А для начала стоило привлечь внимание общественности. Для чего и была задумана демонстрация. Но этот осел Барух позволил избить дочь, не смог удержать от погрома своих людей и испортил все дело. И сам Мерзель - сам! - предложил с обеих сторон исключить все сексуальные мотивы. Я его успокоил и сказал уже совсем открытым текстом: если они оставят тебя и Орну в покое, то и мы не будем бороться за справедливость. Ведь не будем?

- За справедливость? Мы же не полные идиоты.

- Так я и сказал. С нас хватит того, что рав Барух с семейкой и компанией получит за побои и за погром. Мерзель изволил кивнуть. У нас теперь с этим джентльменом джентльменское соглашение. Пусть идет в Кнессет, там таких джентльменов полно.

Меир слегка перекусил перед полуденным сном, призвал на помощь все свое еще оставшееся в запасе умение в упор не видеть неприятности и с тем лег в кровать. Уснул он довольно быстро.

Я спать не мог, для меня это было бы непозволительной роскошью. Это была последняя возможность остаться наедине с собой. И все время, пока Меир спал, я посвятил воспоминаниям. Тому, что у меня отнимут совсем скоро. И хоть воспоминания - только тени людей и событий, бестелесные тени, но они иногда более реальны, чем сама действительность. Передо мной - так всегда бывает в подобных обстоятельствах, если верить литературе, - прошла вся моя жизнь. Но признаюсь, просмотрел я ее быстро и особых восторгов не почувствовал. Хотя были - не стоит ворчать - и очень запоминающиеся моменты. Но зато - как обычно - часы, проведенные с Мариной, заняли почти все отведенное мне Меиром время. Мои воспоминания были такими яркими, Марина передо мной стояла такая живая; казалось, протяни руку...

Но вот Меир зашевелился, открыл глаза и недовольно проворчал:

- Что за черт. Третий день снится одна и та же незнакомая баба. К чему бы это? Но ничего, симпатичная...

Сон улучшил настроение «хозяина», «гость» по-прежнему пребывал в меланхолии.

В четыре часа, еще не дождавшись Орны, мы вышли на прогулку. На этот раз связи между нами, даже односторонней, не было. Отныне у нас были «разные судьбы». Меир думал о том, что с завтрашнего утра у него начинаются каникулы, его ждут острова, где не нужно опасаться взрывов или известий с многочисленных фронтов - на юге, на севере, на востоке. Он, как и все в стране, привык к этому состоянию подсознательной тревоги, и казалось, уже не реагирует ни на что. Но так только казалось. Сейчас, в ожидании поездки в относительно безопасную зону, он осознал, что внутреннее напряжение все-таки существует и ниже какого-то минимума не исчезает даже во сне.

Радовало и то, что с ним едет Авива. Он понял, что в последнее время Ронит для него было слишком много, а Авивы определенно не хватало. «Сидение на двух стульях» неожиданно для него (но не для меня!) стало вызывать едва ли не отвращение. А сможет ли он выдержать двадцать дней непрерывного общения с ней? Это очень сложно. У него даже промелькнула полуосознанная мысль, что если три недели вместе будет хорошо, то можно - может быть - подумать о... Стоп! Развития этой опасной темы он не допустил. Прежде всего, неизвестно, сможет ли он в глубине души простить ей то, что с такой легкостью прощал себе. Включая последние события - упомянутое «сидение на двух стульях». К себе, заметьте, у него претензий не было. Но воображение, несмотря на запрет, продолжало свою работу. Он явственно представлял себе, как окружающие с восхищением перешептываются - какая красивая пара! И неодобрительно покачал головой, осуждая свое тщеславие. Но я в данном случае его поддержал. Пара действительно была бы на загляденье, сочетание светлой красоты севера и смуглой - знойного юга. Могу позволить себе такие восхваления, потому что в конце концов говорю не о себе и не о своей красоте - чего нет, того нет.

Но двадцать дней неразлучно - испытание серьезное. Обратите внимание, Меир как обычно думал только о себе, его даже теоретически не заботило, как будет себя чувствовать Авива. Я должен был признать, что мои педагогические успехи преувеличивать не стоит.

Еще одна мысль возвращалась к Меиру время от времени. С Орной ему было бы легче. В смысле общения. Уже почти год ежедневно часа по три-четыре они - скажем так - сосуществовали в одной маленькой квартире. И не мешали друг другу, скорее наоборот. В таком качестве они были вполне совместимы. То, что недавно случилось, Меир успешно старался выбросить из головы... Они отлично ладили, подолгу разговаривали. Подолгу для Меира, который был отнюдь не болтуном. Наверно, он будет скучать по этому легкому и какому-то домашнему общению.

Орна, он признавал, человек необычный. Она ушла из своей непонятной Меиру касты, но и не собиралась стать такой, как все, кто его окружает. «Непосредственность, - подумал Меир, - в наше время большая редкость. А может, даже великий дар Божий». Интересно, за время их отсутствия она найдет квартиру и работу и съедет из его холостяцкого стандарта? Если да... - то он уже начал скучать по ней.

Словом, эмоций и размышлений у Меира было, хоть отбавляй. И больше оптимистического характера. В его скептическом и довольно мрачном мировоззрении стали появляться цвета. Сам он этого еще не понимал, но я-то догадывался - появилась интрига.

Промелькнула мысль - интересно бы узнать, как дальше все повернется? Но мне это не удастся. Я исчезну. А значит - как ни верти, - умру. Стану ли я Меиром или нет, уже не имеет

значения. Он и сейчас Меир, без меня. Новое «я» не будет знать, что когда-то было старое, значит, старого и не было. А смерть, или исчезновение, называйте, как хотите, все равно штука страшная...

Насколько хватало сил я старался об этом не думать, чтобы невольно не портить настроение Меиру, который видел перед собой новые горизонты и был непривычно эмоционален и оптимистичен. И слава богу! У него впереди вся жизнь. А у меня, увы, «окончен бал, погасли свечи». Не омрачать ему ожидание будущего - в этом я видел свой последний долг перед моим протеже. Такое определение было мне ближе, чем загадочное слово «реинкарнация».

Погода была просто изумительная, не жарко, легкий ветерок с моря приятно обвевал. Солнце было уже не в зените, но еще довольно высоко, с любопытством оно заглядывало прямо нам в очки. Немного слепило, но тоже приятно.

Мы приближались к строящемуся дому, и к нам навстречу вышли Саид с палестинцем. Они закончили рабочий день. Саид приветливо улыбался и издали готовился произнести привычное для израильтян «бай». Его молодой напарник-палестинец был, как всегда, неприветлив, но на этот раз не отворачивался.

Чуть подальше дедок-«американец», как обычно сидел под деревом: он привстал, чтобы традиционно нам помахать ручкой... И вдруг – я это ясно видел - вытащил дрожащей рукой из-за пазухи пистолет, сорвался с места и двинулся в нашем направлении. Ему, наверно, казалось, что он бежит, но на это было мало похоже. Мне послышался дребезжащий старческий крик:

- Стой! Стойте, вам говорят!

На русском языке. Это нас отвлекло от арабов. Мы не заметили, как палестинец шагнул к нам:

- Аллах Акбар!

Короткий замах, и нож вошел в сердце Меира. Я видел все замедленно, как при ускоренной съемке. Боли не почувствовал, но услышал ужасный звук раздираемой кожи и даже хруст костей. Все завертелось. До меня донесся чем-то знакомый голос «американца», хотя сейчас он был больше похож на вопль отчаяния:

- Меир, Витя, стой тебе говорят!

И выстрел.

Успел подумать – неужели дедок это я?

Все. Наступила темнота. Полная темнота и абсолютное безмолвие. Затем опять туннель, флюоресцирующие огни. Продолжение полета. Шок от случившегося полностью парализовал мои мысли. Я даже не задавался вопросом, что будет происходить дальше. Ведь от меня так или иначе ничего не зависело. Меня никто ни о чем не спрашивал. Постепенно огни туннеля поблекли, все заволакивал какой-то белесый, безжизненный туман. Приближался неизвестный мне финал.

Внезапно сознание пронзила острая до боли мысль – а если бы меня спросили, чего я хочу? Мой ответ бы сомнений не вызывал. Больше всего на свете я хотел, чтобы меня вернули в мое время. Туда, где прошла моя жизнь и где оставалась Марина. Не жить, но хотя бы быть, как Гамлет, или не быть там. Это желание буквально затопило моё сознание. Чувства были такими сильными, что я даже не сразу заметил, что движение флюоресцирующих огней замедлилось, а потом и вообще всё замерло в неподвижности. Как будто поезд посреди ночи неожиданно остановился на полустанке в пустынной степи, пропуская встречный состав.

Я вспомнил свой опыт общения с Меиром и с силами, которыми я управлять не мог, но мог воздействовать на них только эмоциями. Только искренним и неистовым желанием.

Впрочем, я хочу очень немногого. Не требую для себя никаких льгот и исключений, не прошу «живой воды». Я только хочу, чтобы последней мыслью моей было сознание, что я остаюсь там, откуда родом. И она где-то недалеко. Неужели я не имею на это права?

Чтобы не спугнуть происходящее, я изо всех сил старался не замечать, что флюоресцирующие огни сдвинулись с места и неторопливо поплыли в обратном направлении. Поезд, постепенно разгоняясь, давал задний ход. Белесый мертвый туман стал таять. Скорость увеличивалась. Огни слились в сплошные линии. Я затаил дыхание; разумеется, мысленно...

Неожиданно в глаза ударил яркий свет операционного стола. Я вернулся.

За четыре с половиной минуты клинической смерти я прожил шесть, почти семь дней. Путешествие во времени имеет свои особенности, и это, как часто бывает, раньше всех интуитивно поняли писатели. Помните, в «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена, герой прожил в прошлом несколько лет, а в настоящее вернулся в ту же точку и примерно в то же время? И так происходит во многих историях о перемещениях в прошлое или будущее. В таких случаях сама

шкала времени может сжиматься или расширяться. Сейчас и ученые с опозданием стараются обосновать эту версию.

Вероятно, дистанция в тридцать лет позволяла мне жить с разной скоростью. И оставалась возможность вернуться, в крайнем случае. Все было продумано...

Я сейчас счастлив. Не просто счастлив, а очень счастлив. Так, как должны быть счастливы люди, чтобы жизнь не казалась им напрасной.

Но как странно... так человек устроен, все связано. Если вдуматься... Мне кажется, что часть меня умерла. Вместе с Меиром. Еще не родившись. Во мне одновременно существуют настоящее, прошедшее и будущее. Может, так и должно быть, связь времен? И еще – я уже умирал два раза. Теперь мне предстоит это в третий. Нелегкая вещь.

Остается добавить только одно. Возможно, дедок это был действительно я. Неужели я переживу тех, кого люблю, и останусь один? Это ужасно. Но зато вновь появится шанс попытаться спасти Меира. Новая возможность, еще одна. В будущем. Если хорошенько проанализировать случившееся, исправить ошибки. В конце концов, просто пристрелить палестинца, не дожидаясь финала... Но, рассуждая логически, если я вернулся, значит, любая попытка заранее обречена. Впрочем, со времени моей удивительной реинкарнации я верю в самое невероятное. Или в противовес этому, верю только в стойкие галлюцинации в результате клинической смерти. Когда как. Но первый вариант мне нравится больше.

Такими, или примерно такими словами закончил свой рассказ Виктор Сергеевич.

А во что верите вы?..